

УЛУГ-ХЕМ

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ТУВИНСКОЙ АССР

УЛУГ-ХЕМ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

6

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЫЗЫЛ — 1962

УЛУГ-ХЕМ № 6
*Литературно-художественный
альманах*

Редакционная коллегия:

*Сарыг-оол С. А.,
(ответственный редактор)
Кюнзегеш Ю. Ш.,
Саган-оол О. К., Пюрбю С. Б.,
Чадамба Л. Б.*

Редакторы издания:

*Емельянов А. Ф.,
Изынгеева М. А., Цевелёва Р. Ф.
Обложка художника Демина В. Ф.
Худож. редактор Кузнецов И. Я.
Техн. редактор Кузнецова К. И.
Корректор Сермавкин А. В.
* * **

Сдано в набор 31/X—1962 г.
Подписано к печати 24/XII—1962 г.
Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л.
13,5+0,75 вкл. Уч.-изд. л.
12,8+1,2 вкл. ТС 01056.
Тираж 3000 экз. Цена 56 коп.
Заказ № 2795

Тувинское книжное издательство,
Кызыл, Щетинкина и Кравченко, 57.

Типография Министерства культуры
Тув. АССР, Кызыл, Щетинкина
и Кравченко, 1.

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ

Салчак ТОКА

КОЛХОЗ НА ТЕРЗИГЕ

(Глава из 3-й книги «Слово арата»)

Была середина июня. Два дня подряд берега Каа-Хема и его притоков дрожали от громовых ударов и тонули в ливнях. Терзиг выбежал из берегов на обширные поймы и ревел, никому не давая через себя переправиться. Бурные потоки подмывали берег, отрывали от него целые островки, покрытые травой и деревьями. А на другой берег выкидывало кучами разноцветную гальку. Где еще вчера на перекате кружилась пена и можно было перебраться вброд с берега на берег, упираясь палкой в сыпучее дно, там сегодня и шестом не нашупаешь камней,— стремнина Терзига чавкает и стонет, унося к своим низовьям бугристые валы и водовороты.

Далеко разбежавшиеся берега Терзига и Мерген густо зеленеют и расцветают. Во множестве распускаются красные фонарики — бутоны степных писнов; лепестки таволги, которыми так любят лакомиться медведи и маралы, горят среди зелени белыми, желтыми и красными огоньками. Выжди минуту, когда ветерок погладит все это раздолье степных трав и соцветий, вдохни всей грудью воздух Терзига, и ты узнаешь, как может благоухать земля.

Как раз в такое время по пути на золотые прииски Харала я заехал в аал моих родных. Здесь пришлось переждать, пока дорога не откроется и небо не прояснится.

В жизни моих родных за последние десять лет очень многое изменилось. В ту пору старшая сестра Кангый, похоронив Чолдак-оола, с которым она жила, не справляя свадьбы, переехала к нам, в Кызыл. Маакай незаметно выросла и поселилась в Усть-Копто, соединив свою судьбу с местным бедняком Сарыг-оолом. Старший брат Бежендей, прозванный сайтом¹, построил семью с Олзеймой, старшей дочерью Мун-

¹ Сайт — министр.

зумчука. Обосновались они тоже в Копто. Бюдюней расписалась с Арланмаем из поселка Бельбей. Шомуктай, оставшись холостяком, возил почту между Терзигом и Харалом.

На пригорке перед самым Эртине-Булаком, где прежде торчали острыми зубчиками берестяные и лиственничные чумы, стоят, выстроившись в ряд, молодцеватые домики, похожие издалека на желтые шкатулки с коричневыми и зелеными крышками.

Жить по-другому стали и мои родные. Как и по всей Туве, бедняки Мерген-Терзига — такие, как Мунзумчук, Албанчи, Саглынмай, Чадаг-Кыдат, Кежеге — получили в личный надел овец, коз, коров до пяти бодо¹. Стали они хозяевами пастбищ, сенокоса и пахоты — лучших на Терзиге земель феодалов Таш-Чалана с Тожу-Хелином и кулака Чолдак-Степана. Дружно работают новые хозяева — споро, весело.

У моей Албанчи — старшей сестры — прибавились в доме тяжелые вещи — и кровать железная, и машина швейная, и печь, и умывальник; и посмотри, как у ней красиво стоят вдоль стен узорчатые сундучки со всякой всячиной, и сколько на вешалках полотенец махровых, и на полках — посуды стеклянной, фарфоровой, железной, и на столе — всяких кушаний.

Говорю сестре Албанчи:

— Года-то наши идут, сестрица. Скочевали бы вы в Хем-Бельтир, ко мне. Вместе-то лучше.

Албанчи рассмеялась весело. Ко мне подошла, погладила голову мне, приговаривая:

— Кто же, сынок, возражать станет, в Кызыле, конечно, лучше. Но, подумай, могу ли я наши места бросить, где родились, где выросли. Что мне теперь? Сестры у меня и братья — семейные. Все вы работаете. Отовсюду мне помогаете. Кормите, поите. Что же мне, сынок, еще-то нужно? Вот здесь мать наша Тас-Баштыг билась, бедная,— нас выхаживала. И кости тут положила. Никуда отсюда не пойду я.

У сестры под глазом задергалась жилка. Она зажгла трубку и стала жадно почмокивать в чубук, словно целовала его, о чем-то горюя.

— Дети ваши,— говорю ей,— и мы, ваши младшие братья и сестры, кто куда разошлись — так одной-то жить вам трудновато; давайте же к нам поедем — и, поверьте, нам всем хорошо будет, сестричка.

— Не-ет, не-ет,— мотает головой Албанчи,— как же мне отсюда уйти!.. А ты вот больше так не делай — надолго не пропадай, приглядеть за мной заезжай почаще.— И она опять, жадно почмокивая, трубку свою сосет.

¹ Бодо — голова крупного скота.

Пока мы так разговаривали и убеждали друг друга, к нам стали приходить один за другим жители Терзига. Здороваюсь, вглядываюсь — ничего в них не осталось прежнего: и одеты в новое, и лица у всех смотрят бодро, задорно.

И таргой¹ называют не с опасением и не с подобострастием, как было прежде, а с уважением и даже с гордостью.

— О-о-о, наш тарга приехал... Здравствуй, тарга... Что там у вас нового. Расскажи-ка нам что-нибудь,— радостно восклицает Саглынмай. Мы горячо жмем и потрясаем друг другу руки. Так же здороваемся с Мунзумом, Курттугбаем, Чадаг-Кыдатом и другими гостями. Уселись гости и ждут моих рассказов.

И я рассказываю: как выполняются у нас решения VIII съезда ТНРП, как введена тувинская письменность, как имущество феодалов конфисковали и бедняков наделили скотом, как в Туве рождаются колхозы и госхозы, как строятся мастерские, заводы, поселки, города.

— Объясни-ка, тарга, пожалуйста, как землю теперь нам получить подходящую. Мы обговорили единогласно — работать на Терзиге сообща, всем арбаном нашим. Так вот, пожалуйста, объясни, тарга: дадут ли нашему арбану сенокосные площади на Челюсе и Кыс-Кежиге? Это первое дело. тарга. И второе дело, мой товарищ, в устье Терзига и в устье Мерген — самые подходящие площади для всеобщего нашего хозяйства — хлебородные. Дадут ли нам эти площади поливные? — спрашивает Саглынмай, привстав на одно колено и приминая в трубке табак.

Выхожу на середину комнаты.

— Без разговора, — отвечаю, — дадут. Съезд-то восьмой как раз и объявил: имущество у феодалов конфисковать и после того самую лучшую нахотную землю и выпасы, и сенокосы новым, коллективным хозяйствам отдать, которые будут работать сообща. А тарга-то у вас кто будет, кого намечаете? А кто учредители колхозные?

Саглынмай привстает с одного колена и на другое опускается. Застенчиво поглядывает на людей, сидящих, скрестив ноги, на полу и примостившихся на сундучках. — Меня хотят поставить на это дело, — отвечает он, тихо попыхивая трубкой. — «Кое в чем разбираешься, говорят, даже буквы научился выводить — так и будь, мол, таргой». А кто учредители? Вот они: Курттугбай, Сагаандай, Чадаг-Кыдат, Албанчи-Семизей, сам я, всего человек десять — здешние все. Тут, правда, в наш арбан из хошуна Тес² человек по имени Ёзуту

¹ Тарга (по-тувински дарга) — начальник, председатель.

² Тес — Тес-Хемский хошун (район).

прикочевал: хочу, мол, к вам поступить в общее хозяйство. Как мы его, товарищи?

Сидевшие там и тут на полу и на сундучках задвигались:

— Ёзуту?!

— Тот самый, что был сайгырыкчи¹ в сумоне Шалык?

— Ага...

— Конфискованный феодал.

— Из Шалыка, небось, выслали.

— Ой, товарищи, кто же его примет?..

Саглынмай поколотил трубку о подошву сапога. Насыпал нового табаку и опять принялся его уминать.

— Согласен,— подняв глаза, оглядывает своих слушателей Саглынмай.— Никто сразу не примет.

Заговорили о колхозе.

— Совместное хозяйство поставить вам уже пора,— сказал я.— От государства инвентарь, конечно, получите, и ссуду, и другую помошь вам дадут. Как же вы назовете ваше коллективное хозяйство, тарга?

Саглынмай улыбается:

— Как назовем, говоришь? Тут-то нам и потребуется, парень, твоя помощь. Ученый человек — подскажи.

Подсказал я так:

— Коптинские араты недавно у себя тоже коллективное хозяйство основали. Председателем у них Бежендей — старший мой брат. Назвали себя «Революционная Коммуна». А вы можете по-другому. К примеру: «Тожзэм Терзига». Если нам так называться а, как вы думаете? Терзиг — это ж ведь наша красивая, богатая и резвая речуха, где вы живете, где мы с вами родились, где мы с вами выросли.

— Насчет Терзига, понятно, оно так и будет. А еще вы сказали «тожзэм». Пожалуйста, объясните, как можно такое слово понять. Тувинское оно или русское?

Я ответил, что слово тожзэм — сокращенное, сложено из начальных звуков тех слов, из которых состоит полное название: «товарищество животноводства и земледелия».

— Понятно. Так вот, значит, и назовем: «Тожзэм Терзига». А в его члены мы тебя тоже хотим принять. Как ты, парень, сам-то смотришь?

— «Тожзэм Терзига» — ничего не скажешь: имя складное. А насчет меня, что принять хотите, скажу одно: раз вы такое доверие мне оказали, то я с большой радостью вступаю — запишите меня, пожалуйста, в наш тожзэм... Не будем этого дела, товарищи, глубоко в сундук запрятывать, сейчас же сберемся, заложим тожзэм и выберем председателя.

— Вот-вот! Сейчас бы собрать народ и поговорить, покуда не уехал тарга. Сообща работать будем. Что же может быть

¹ Сайгырыкчи — один из феодальных чинов.

лучше этого. Такие тожемы уже есть и в Бурене и в Копто. а чем, товарищи, мы хуже их? — рассмеялась, привставая с сундука, Семизей¹, до этого сидевшая, не шевелясь.

— Э-э, правду Семизей говорит. Сейчас же и соберемся. Тарга-то к нам приехал учный. Пускай он растолкует на общем собрании на нашем, если у граждан, у нас то есть самих, какие-либо вопросы будут. Ну, поеду — народ соберу, — сказал Саглынмай.

3

Ждать долго не пришлось. Кто верхом, кто бегом, араты Мерген и Терзига собрались на свой учредительный сбор. Гудят на улице, во дворе, восклицая: «Ики-и!», «будьте здоровы!» Достают кисеты, обмениваются табаком.

Саглынмай рукой помахал:

— Теснее, теснее садитесь в кружок.

И люди уже тесным кругом сидят на траве — большие вперемешку с маленькими, будто всем арбаном кочевать на новое стойбище собрались.

А дело было такое новое, что у старого человека прямо-таки дух захватывало.

Саглынмай поперхнулся, жадно глотнул воздух и начал говорить, поворачиваясь на месте посреди круга:

— Разрешите, товарищи? Всех вас мы сюда для чего собрали? Есть такое соображение: обсудить всем сообща, как дальше нам работать. Поэтому общий хурал всех аратов, живущих на Мерген-Терзиге, считаю открытым. Есть предложение избрать таргаларов. Кого мы, товарищи, выберем?

Во-первых, — Семизей. Во-вторых, — Саглынмая. В-третьих, — приехавшего из Кызыла земляка нашего — сына Мерген-реки! — выкрикнул из притихшего людского круга кузнец Чадаг-Кыдат, перед которым копошилась целая куча дочерна обжаренных солнцем детей.

— Как, товарищи? Одобряете?

Вытянув над головой руку с растопыренными пальцами, Мунзумчук сказал, не глядя ни на кого:

— Одобряю...

Мы втроем вошли в круг и сели в президиум.

Саглынмай предоставил мне слово для обращения к землякам; при этом заявил, что разговор будет по самому важному вопросу нашей жизни и назвал меня по-отечески «наш сын» и «нашего арбана гражданин».

Я волновался не меньше Саглынмая. И это наше волнение было особенное — приподнятое, радостное. Говорил я, не

¹ Семизей — прозвище Албанчи, буквально — толстушка.

слыша собственного голоса. Видел только глаза земляков, с которыми поочередно встречались мои глаза.

— Товарищи! Родные! Друзья! — обратился я к людям, пришедшим вместе с семьями решать общую нашу судьбу, — и стал перечислять, к чему пришли тувинские араты вместе с русскими рабочими и крестьянами — жителями Тувы — под руководством Тувинской народно-революционной партии, при возрастающей с каждым днем помощи, которую Коммунистическая партия советского народа оказывает нам. — Теперь, товарищи, в нашей республике власть в руках трудящихся, то есть в наших с вами руках. Трудовые араты имущество у феодалов конфисковали. Самых феодалов сослали. Нужно было работу аратов облегчить и жизнь их улучшить. Начали рождаться колхозы. В таких непроезжих местах, как перевал Калдак-Хамар, пошли дороги для автомашин прокладывать. И госхозы вроде Элегестинского, и золотые прииски вроде Харальского начали строить и открывать. У тувинцев теперь есть на родном языке письменность, газеты и книги печатные. Дети в школах учатся, быть учеными людьми готовятся.

Дорогие товарищи, родные! Вы собрались объединиться в тожем и спрашиваете у меня совета. Учитель Ленин завещал нам хорошо знать и помнить: если у нас, у всего крестьянства, будут по-прежнему раздробленные, мелкие хозяйства — единоличные, то к зажиточной жизни мы прийти не сможем.

Скажу одно: я обрадуюсь, как никогда не радовался, когда увижу, что вы работаете сообща. И еще. Если вы не скажете, что от живущего далеко — пользы нет, и меня из вашей семьи не исключите, а примете меня, то я с большим желанием вступаю в члены колхоза — новорожденного тожема на Терзиге.

С моим желанием товарищи посчитались. Вернее, желание у нас было одно.

Председателем нашего тожема избрали Саглынмая.

Так образовалось еще в одном уголке Тувы коллективное хозяйство — тожем на Терзиге. Первый колхоз в Каа-Хеме. Впоследствии он стал частью большого колхоза в Сарыг-Сепе «14 лет Октября»...

Мы снова в доме моей старшей сестры. Семизей угожает меня чаем. Не то оправдываясь, не то поучая, говорит:

— Вот видишь, сынок, теперь у нас на Мерген и на Терзиге одинокая старуха не пропадет. И работа у нас будет ки-

петь, и страхов не будет никаких. Оставшийся век здесь и доживать мне. Да и в Кызыл теперь отлучаться легче будет.

— Уж ладно, сестра. Про век-то говорить рановато еще. Много-много лет нам теперь жить. И жизнь эту новую видеть и готовить нам с вами. Только на Харал съезжу и на обратном пути вас в Кызыл заберу. А вы собирайтесь.

— Что же, сынок, раз ты сказал «собирайся» — сейчас же и начну свои сборы. Но ехать-то нам с тобой не куда-нибудь — аж в самую столицу. Ну как туда заявишься, не сшив себе подходящей шубы, не разодевшись на загляденье? Ха-ха-ха-ха!..

Сестре неудержимо весело. Голос ее то взвивается жаворонком ввысь, то падает по-голубиному вниз и, воркуя, замирает в груди...

5

Мы вышли во двор. Сестра светилась вся: так она радовалась нашей встрече и повороту в нашей жизни.

У входа в загон лежала вязанка хвороста. Мы сели на нее — поговорить обо всем и посмотреть на людей, работавших во дворе.

В загон было вошел Саглынмай, но его остановил Чамырык, державший вола за бурундук.¹

— На, последний это вол у меня. Тожему отдаю. Распоряжайтесь. Хотите — забейте и ешьте, хотите — работайте на нем. — Чамырык сунул в руки Саглынмая конец бурундuka.

Пегий вол с широко раздвинутыми рогами и коротким хвостом стоял между людьми и дремал. У чумов, раскинувшихся острозубой цепочкой, двери были распахнуты. Над некоторыми из них поднимались прямо, как стрелы, пущенные в зенит, голубоватые струи дыма и растворялись в небесной синеве. На вершину Кускуннуг наползла туча — густа, черна, готова опрокинуться ливнем к подножию горы.

— «На»?! Ишь, герой! Нет, уж ты, друг, не «накай», а возьми вола своего, да поезжай на верховья Терзига, да жердей наруби, да вола навьючь ровненькими жердями, да сюда привези. Для инструмента колхозного амбарчик поставить надо? Надо. Сам, небось, видишь, — одни у нас шалаши. А голыми руками колхоз орудовать может? Никак не может. Ясно? Так забирай своего колхозного вола и поезжай в тайгу. — Саглынмай ждал ответа, теребя свою козлиную бородку, удивленно и обиженно поглядывая на Чамырыка.

— Не пойму, — возразил тот, подражая голосом Саглынмаю.

¹ Бурундук — повод с палочкой на конце, продеваемый в нос вола.

— Тебе вола отдаю? Отдаю. Как же я могу теперь сам на этом воле работать? И для чего я тебе его отдаю, тарга? Для общественной пользы. Он будет на весь колхоз работать. Вместо меня, значит. А я, друг мой, уже охотничать собрался и ружьем приготовил. Где ж я на жерди время-то найду? Выходит, одному — и скотину свою подавай, и сам работай, а другому — только посиживай, палец поднявши: я, мол, колхозник! Вот оно как, товарищ!

Выпалив эти слова, Чамырык стал удаляться так быстро, будто не он это был, а горный козел, учувший след человека.

Саглынмай завопил с досадой и отчаянием, словно призывал вора покаяться:

— Товарищ мо-ой! Старый ты челове-эк! Посоветовал бы, как рабо-ту нашу наладить!.. Верни-ись!.. Эй-э-эй!..

Но сколько ни вопил бедняга Саглынмай, его старый товарищ бежал вприскочку, не оглядываясь, к своему шалашу; добежав, нырнул в него, потом вынырнул с ружьем за плечами, успев переобуться в охотничьи унты из косульей шкуру, и был таков.

6

Саглынмай стоял, почесывая голову и бормоча. К нему стали подходить тожземовцы.

— Здравствуй, Саглын! О чём ты задумался? — улыбается кузнец Чадаг-Кыдат. Лицо у него почти черное — с просветами, не тронутыми гарью. Зубы и яблоки глаз ярко сверкают. За спиной — замасленный кожаный мех.

— Здравствуй, здравствуй, кузнец. Как тут не задуматься, парень. Привел мне Чамырык вола захудалого. Лицо злое у самого. Сует в руку бурундук: «На-на,— кричит,— получай на общую нашу пользу. А я, говорит, бегу на охоту». И всё. Только я старика и видел. С чего, скажи, начинать? Подай, парень, совет, помоги. Ты же человек смекалистый.

— Принимай тоже и от меня! — смеётся Чадаг-Кыдат, приподняв со спины кожаный мешок и звякнув им над ухом председателя. — На, получай!

Саглынмай принял от кузнеца драгоценную ношу, но удержать в руках не смог. Мешок брякнулся еще раз, упал на землю. Присев на корточки, Саглынмай заглянул внутрь. — «О-го-го! Целая тут кузня: и горн с наковальней, и молотки большие да малые, и тиски, и щипцы, и напильники!..»

Председатель осанисто поднялся и обнял кузнеца. Гикнув, закружил его на месте, крепко целуя чумазые щеки. Потом хлопнул по спине:

— Спасибо, друг! Сила теперь у нас во какая! Имущество будет колхозное: один вол, одна кузница. Значит, ось мы поставили... Колеса наденем — и телега поедет, во! Да ты мне скажи:

в тайгу не обежишь? «Молоточки пусть сами работают» — не скажешь?.. Как тот... старый кайгал?¹

Пальцы Саглынмая старательно уминают в трубке табак и с размаха бьют спичкой наискось по коробке. Спичка вспыхнула. Приставив огонь к табаку, председатель затянулся до отказа и сунул трубку товарищу:— Покурим!..

Кузнец усмехнулся:

— Вот как раз и подамся... в тайгу... за жердями... на этом самом воле... Надо же нам с тобой, тарга, начать колхозную кузню строить. Так что, ты не горой. Будет железо — смекнем, куда девать его: в первый день лемех приладим, во второй — телегу и сани ожелезим, в третий — серп и косу выкуем. Так и будет сила наша прибывать с каждым днем...

7

Чадаг-Кыдат раскурил погасшую трубку и вернул Саглынмая, но тот не смотрит на трубку — смотрит на дорогу, по которой к ним шагает белокурый парень в длинной холщевой рубахе и высоких сапогах.

— Да это ж Родька! — вскрикнул Саглынмай.

Парень был еще далеко, но в нем я сразу узнал по юблику и движениям лучшего моего друга детства, славного нашего Родиона, ставшего моим первым учителем в новой тогда и удивительной оседлой жизни... А сейчас жизнь у всех началась новая!.. Хотел я кинуться навстречу, но пусть они сами посоветуются сначала друг с другом и досыта наговорятся...

— Ага, — подтвердил кузнец.

— Вот и посоветуемся насчет порядка в тожземе. Как-никак русский он и в партизанах тоже ходил. Да и отец у него бывалый: всё видел. Савелий-то лоцман, плотовод.

— Полосоветоваться непременно, — согласился кузнец. — Охликин его!

И дальше пошел разговор на упрощенном тувинско-русском и русско-тувинском жаргоне, каким в то время объяснялись при встрече друг с другом тувинские араты и русские старожилы.

— Эй, таныш-таныш, сюда приходить, у меня маленька по-говорить есть!²

— Ладно, ладно, прийти-прийти. Ты это, а-а, Саглын?

— Эки, здрас! Ты где пойти, а-а, таныш?

— Я здесь приходить. У тебя колхоз есть, ладно. Я поступать колхоз, хорошо?

¹ Кайгал — ухарь, удалец.

² Таныш — знакомый. В тувинском оригинале: — Хей, таныш-таныш маңаа келир-ле, менду маленька чугаа, говорить бар! В дальнейшем диалоге сопоставления перевода с оригиналом не даются (Примечание переводчика).

Саглынмай, выдавив от радости и волнения одно слово: «Родька!», заплясал знаменитый танец орла. Подплясав к Родиону, председатель резво притопнул каблуками и крепко обнял таныша. Когда же Родион ответил еще более резвым и мощным объятием, Саглынмай не выдержал и закричал. Родиону пришлось его выпустить. Оба смотрели друг другу в повлажневшие от радости глаза и часто моргали. Родион опять завел речь на своем тувинском языке, старательно выговаривая трудные слова:

— Правда-правда, я этот колхоз вступать, сено-косилка, ко-са, телега, два мора¹ давать. Как это, ладно? Пожалуйста, не так ли?

— О-о! Как же! Как же! — говорит Саглынмай, тряся обеими руками правую руку Родиона. — Однако, сильно хорошо, таныш!

— Я, жена Нина Павловна тоже вступать, пожалуйста, она здесь бумага брать, писать... — Слова «бумага» и «писать» Родион произносит по-русски, водя указательным пальцем по ладони: так, мол, напишет заявление в колхоз Нина Павловна.

— Ой, красота! Так-так... Да-да... Писать. Писарь будет. Шибко хорошо. Наш колхозник Родион Савельевич Елисеев. Наша колхозница Елисеева Нина Павловна. Во-во. Я знаю. Я пишу, — говорил Саглынмай громко и радостно, будто поздравлял человека с днем рождения.

Больше мы не могли таиться от Родиона. Подбежали:

— Поздравляем! Поздравляем!..

Счастливая встреча!.. В тот день мы встречались на колхозном дворе в Терзиге все с новыми и новыми людьми. Не с пустыми руками шли они к Саглыну. В загоне потряхивает приварами и обмахивается хвостами уже целый табун разномастных коней. У забора все растет и толстеет ова² из плугов и борон, хомутов, седелок и другого колхозного имущества.

Родион запрягает коня.

— Я думать, — говорит он, глядя на поднявшийся выше забора курган из орудий и обруи, — теперь кося, вилы, грабли — все здесь положить, ладно. Я машина утром здесь приходит. Ехать сено косять. Июль. Сено валить много-много, пожалуйста...

Родион укатил на своей телеге. «Сено валить много-много, пожалуйста», — повторял его слова председатель, весело щурясь и одобрительно кивая головой. Я знаю, что при этом думал председатель Саглын. Он думал, конечно: «Какие же они молодцы — русские люди, особенно бывшие бедняки. Помогли нам завоевать наши права. А теперь советуют, как работу налаживать. И при этом сами работают сообща. И людям только

¹ М о р — конь, лошадь (по-монгольски).

² О в а (обон) — священный курган.

добра желают. Как Ленин-учитель завещал. Как учит Коммунистическая партия, которую Ленин создал...»

Я помог Саглынмаю переписать скот, орудия и инструменты, вложенные гражданами Терзига «в общий котел» на время летней страды. Затем мы решили, что председателю неплохо съездить со мной на Харальский прииск: будет рабочий шеф, и родившийся на Терзиге тожем скорее на ноги встанет. А работу на сенокосе возглавит Родион.

Семизей позвала меня ужинать.

— Счастливый!.. — сказала она, увидев Саглынмая в раскрытое окно.

Тот спавая по двору. Перетаскивал и укладывал вещи в «кургане». Ой, и много же разных штук вверило общее собрание — на время летних и осенних работ — ему, председателю Саглыну. Он пел высоко и задорно:

Я на старом Терзиге живу, о-ой!
Но мне старым не быть, э-эй!..

ГЕРОЙ ТРУДА

Повесть

1

— Гей, проклятый! Куда бежишь с обжитого места? Ну, странствуй, сколько душе угодно. Крутись, не крутись, а из бедности не вывернешься. Где тебе вывернуться! Хи-хи-хи!

Так напутствовали бай Хертека Шырапа, отправлявшегося в неизвестный путь. Как он ни старался, а все-таки его считали в Кара-Холе самым безнадежным бедняком. И решил он покинуть родимые места, поискать где-нибудь лучшей доли. Погрузил свои жалкие пожитки на кобылку пегой масти да на рыжую корову. Можно и трогаться в дорогу. Но Шырап все стоял и смотрел вокруг. Жалко расставаться с землей, где прожил столько лет. Вот почему он то и дело вытирал изорванным рукавом со своих щек слезы, обильные, как августовская роса. А тут еще эти насмешки, эти ядовитые издевки...

— Эх, ответил бы я им как следует, да нельзя. Надо сдержаться. Как будет на новом месте? Найду ли там счастье — еще неизвестно. Может, придется вернуться и опять же к этим богатеям идти за помощью.

Хертек пересилил себя. Он проглотил горькую слону и почтительно сказал:

— Собираюсь побывать на Хемчике и в Коп-Соке. Слыхал, те края хлебные. Вот бы мне там и вырастить своих ребятишек! Но все равно: получше будет или еще туже станет жизнь не забуду родные Даспы и Кара-Холь.

Шырап низко поклонился.

— Иди, сгинь с глаз! Без тебя радости не потеряем, печали не убавится.

И опять раздалось ехидное хихиканье.

Но Шыырап уже не обращал на это внимания. Он прощался с рекой Алаш, что бойко, как сытый ребенок, щебечет среди камней. Несколько раз поклонился ей. Потом разбрзыгал на все четыре стороны чай из идиша¹. Вот и сделано все, что требует обычай. Мыйдок, жена Шыырапа, посадила девятилетнюю дочку Уруле на выюк, привязанный к спине кобылки, и повела лошадь под уздцы. Сам Хертек шел сзади, ведя одной рукой сына Дамбыя, а другой — навьюченную корову.

Была весна. Снег на хребтах и льды в руслах рек быстро таяли. Сбрасывала свою белую шапку даже высокая гора Бай-Тайга. Оживали деревья и кустарники. Но природа пока что не расправила как следует свои могучие плечи, до полночь ее цветения было еще далеко.

Целый день семья Шыырапа преодолевала кручи Алашского Даспы. С трудом поднялись на хребет Дура. Уже заходило солнце. Решили сделать привал. Разожгли костер. Холодный ветер относил дым далеко по склонам гор.

Хертек привязал кобылку и корову арканом и оставил их настись. Запасся топливом на всю ночь. А Мыйдок сварила чай, достала небольшой мешочек, сшитый из обрезков шкур, дала детям немного тары с хевеком². Родителям пришлось довольствоваться одним чаем — продуктов было в обрез. Пусть хоть ребятишки будут не так голодны.

— Отец, далеко ли нам еще ехать? А там много будет еды? — спросила Уруле, облизывая дно чашечки.

Видно было, как она насторожилась в ожидании ответа. Хертек почувствовал, что он должен быть только утвердительным. Надо успокоить девочку.

— Недолго остается нам ехать до Коп-Сока. Самое большое — двое суток. Улыбнется нам счастье — посем хлеб. Тогда, дочка, насытимся.

Мыйдок кое-как завернула детей в убогие обрывки шкур, легла вместе с ними у костра и сразу заснула — сказался утомительный день. А Шыырап стал молиться. Он прочитал майны³, спровил обряд сан⁴, попросил бога-башкы⁵ ниспослать ему жизнь без нужды и долго барабанил в дамбыру⁶. В свое время, желая обрести счастье и не испытывать невесе-

¹ Берестяной сосуд для жидкостей.

² Жареное просо вместе с измельченной шелухой.

³ Текст священного чтения.

⁴ Сжигание определенных трав на горячем угле.

⁵ Бог, который обучает чему-либо.

⁶ Инструмент лам, напоминающий барабан цилиндрической формы.

лую бедняцкую жизнь, он получил благословение у карахольского хелина¹ Майдыра и выучил наизусть несколько майны. Однако как он ни старался, с неба так и не упал к нему курут² счастья. А вот здесь, на хребте Дура, решил попробовать еще раз. И здесь же он особенно отчетливо вспомнил слова, которые сказал ему однажды командированный из кошунова товарищ:

— Эх, Шырыап, Шырыап! Не там ты ищешь свою долю. Искал бы ее у революционной партии, сердце которой находится в Хем-Белдире³, искал бы в учении Ленина.

Вспомнил Хертек эти слова и оставил свое занятие. Замолчала его дамбыра...

Прошло шесть лет с тех пор, как Шырыап и Мыйдок приехали на берега Хемчика. Они жили в Кызыл-Даге, Биче-Оруге, Коп-Соке. Дамбыр и Уруле уже помогали родителям. Им тоже на первых порах пришлось выполнять поручения баев. Изнурителен был труд, а что семья нажила? Сносную юрту, дойную корову, коня да пару овец. Обрабатывали шан⁴ земли. А детей стало больше. Появились маленькие Дуудан, Мондук, Айдыс, Шимит. Прошло некоторое время — и в семье стало уже одиннадцать человек.

Как раз в тридцатые годы в тех краях было создано первое сельскохозяйственное объединение. И Шырыап, никогда не чуравшийся никакой работы, понял, что именно здесь он почувствует радость труда. Ведь работать-то надо будет уже не на баев. И он в числе первых вступил в это объединение.

Самой большой радостью всей семьи была Уруле. В восемнадцать лет она стала завидной красавицей. Стойная фигура, косы до пояса, цветущее лицо, из-под бровей сверкали черные глаза. И руки у нее золотые: за что ни возьмется, все у нее получается хорошо. Она выделывала шкуры, шила одежду, ухаживала за скотом, готовила пищу. И даже интересные сказки могла рассказывать. Парни из соседних аалов заглядывались на дочь Шырыапа и слагали о ней песни.

У Шырыапа дочь Уруле —
Работяга и красавица.
Эй, кто смел да трудолюбив,
С нею счастье найдет.

В числе многих ее поклонников был и молодой Кандан. Смущенно он останавливался перед нею, мял в руке пучок степной травы и ласково спрашивал:

— Где завтра будешь пасти овец, Урул?
Девушка не смела поднять голову.

1 Чин ламы.

2 Лакомство.

3 Старое название Кызыла.

4 1/8 гектара.

— Н-не знаю... Фу, странный какой! Зачем тебе это?

А сама осторожно поглядывала на парня.

— Просто так. Одному-то скучно пасти. Вот и думаю: хоть девка, но все же пара.

Не решался еще Кандан высказать все, что было у него на сердце!

Ходил он в короткой шубенке, в башмаках, в шапке, сшитой из разноцветных лоскутков шкур. Бледное лицо, худощав. Уруле про себя думала: «Хороший парень, но слабый. Вот бы с ним попеременно пасти овец: день — он, а день — я».

— Завтра загоню овец на склон холма у Кара-Суга,— не-брежно говорила она.

— Я тоже... Поняла?

— Ладно.

И Кандан, радостный, довольный, убегал, перепрыгивая через кусты.

Так между ними зародилась дружба. Они рано-раненько выгоняли овец и целыми днями пасли их вместе.

Одно утро выдалось особенно погожее. Животные, насытившись, устремились на солончак. Кандан и Уруле остановились и взглянули друг на друга.

— Почему сегодня пришел с опозданием? Кто тебя задерживал? Рассердилась я, чуть не угнала своих овец на Ооруг.

Уруле засмеялась, тряхнула длинными косами, глаза ее засияли. Как же все-таки красива его подруга! Кандан невольно подошел к ней поближе.

— Отбивал ягнят от овец. Потом ловил барана. Вот так и задержали меня... Ты вот рассердилась, а я даже во сне, не то что наяву, бегу к тебе, любимая...

Кандан несмело взял Уруле за руку. Она не отняла ее. Осмелел парень и обнял девушку...

А старый Херел говорил своей жене:

— Что же происходит, а? Почему наши сын и дочь Шырыпа вместе пасут овец? Ты что-нибудь узнала?

— Кто их знает! Может, там места хорошие, травы высокие... А к чему ты это?

— Ой, тут не простое дело. Как же ты недогадлива, жена!

— А что тут?

— Может, понравилась орлица нашему орлу? Если так, то думаю, надо идти к Шырыпу, поменяться подарками... Как же мне не интересоваться!

— Ладно,— сказала жена.— Поедем к Шырыпу и Майдок, поднесем дадазын¹.

До этого дня Кандан все никак не осмеливался рассказать родителям об Уруле. А ведь она и во сне виделась ему: вот

¹ Специальный подарок (материя).

он встает на рассвете, встречается с нею и целует, целует без конца. А проснулся — холодная юрта, мать варит чай, отец делает аркан из сырой тонкой воловьей кожи.

— Хаа, проспал, — удивленно сказал Кандан. — Налей-ка, мать, чаю, а то я тороплюсь. Ведь овцы-то голодные.

— Овцы-то голодные, — чему-то улыбаясь, отозвалась она. А ты во сне разговаривал, сынок.

— Что? Я разговаривал? А почему не видел сон? — хотел вывернуться Кандан, но в это время радовался: — Если я назвал имя Уруле, то это к лучшему. Пусть узнают.

— Лепетал, лепетал, сынок, во сне, как пьяный. Отец все слышал хорошо, пусть расскажет тебе. А я пойду посмотрю, как там наш теленок.

Когда они остались вдвоем, отец сказал:

— Слушали мы, как ты все звал: «Любимая!», «Урул». Что это значит? Сказал бы родителям, если есть такой человек.

— Да, есть такой человек, отец. Она из такой же, как и наша, бедной семьи. Скота у них мало. А если она мне нравится... то что же будет, отец?

Сын говорил почтительным тоном, но в его голосе слышалась решительность.

— Ну, и будете вместе, — не скрывая удовлетворения, ответил Херел. — Тебе исполнилось двадцать лет. Время сейчас наступает хорошее, надежд впереди много. Можно, сынок, и жениться, отчего же нельзя..

Кандан, словно теплую волну, почувствовал большую радость, большое счастье.

II

Родители Кандана и Уруле поставили молодоженам небольшую юрту, выделили им трех овец и корову. Так началась самостоятельная жизнь новой семьи. Как и другие араты, они занимались скотоводством — ни огородничества, ни рыболовства они не знали.

Два года Кандан и Уруле работали по найму. Обрабатывали шкуры, шили одежду, пасли скот. Еле-еле сводили концы с концами. Еще труднее стало жить, когда у них родился сын Удуvas-оол.

Но жизнь аратов постепенно стала улучшаться. Оба — и муж, и жена — научились грамоте и только теперь узнали, какую ценность она представляет. Даже взять вот такое дело. Они уже могли сосчитать, сколько овец им дают для пастбища, сколько дней они их пасли и что за это им надо получить. Канданы смогли не только поправить свое хозяйство, но и помочь своим родителям выплатить долги, которые они сделали, когда молодые люди поженились.

В юрте у них появились газеты: «Шын», «Хостуг арат». Это было очень важно. Там объяснялась политика народно-революционной партии, освещались вопросы защиты прав бедняков-аратов. С большим интересом читали Кандан и Уруле о том, как идет строительство социализма в великой братской стране — Советском Союзе.

Они еще только начинали входить в большую жизнь. Но их интересы уже не ограничивались пределами маленького Коп-Сока. В своих мечтах они уносились в Хем-Белдир и --- несравнимо дальше! — в дорогую сердцу, прекрасную Москву.

И все-таки нужда не выпускала из своих когтистых лап молодую семью. Мальчику требовалось многое, но где это взять? На какие средства?

И вдруг летом 1932 года внезапно пришло облегчение. Радость посетила не только Канданов, но и другие семьи бедняков.

Однажды по всему Коп-Соку разнеслась молва:

— Будет хурал! О важных делах говорить станем.

«Что за хурал? Даст ли он нам что-нибудь. Идти ли на него? — думали Канданы. — Однако надо побывать там».

Они направились туда по конной тропе, что вилась на склоне Кадыр-Орука. Их обгоняли всадники, тоже торопившиеся на хурал. Среди них попадались и феодалы. Те почувствовали, что дело неладно, и срывали свою злобу на Канданах.

Иной раз обгонят их какой-нибудь богач, остановится впереди, и, словно пьяный, ерзая в седле, закричит:

— Гей, проклятые! И вы на хурал? В такую даль? Как бы не заплакали потом.

Иной и того злее:

— Ну, ну, идите на хурал. Но вы в моем кулаке! Задолжали мне и всю жизнь будете в моем кулаке. Заоччу — раздавлю!

И даже замахнется кнутом над головой Кандана.

— Чем он заплатит долг? Ничем! Возьмем вон эту, чернокосую, — и делу конец! — присоединится к нему спутник.

Горькая обида и гнев закипали в сердцах Кандана и Уруле. Однако дать им волю они еще не могли — слишком велика была власть вековой привычки: с богатым бороться трудно. Но где-то в душе поднималось и другое, светлое чувство. Неправда, должна же быть иная жизнь! Тем более сейчас, когда у власти стоит сам народ.

Далеко видать с перевала. Вон кое-где белеют юрты баев, похожие на здоровенные грибы, выросшие после обильного дождя. «Поганые, ядовитые грибы», — мысленно отмечает Кандан. И на всем пространстве, доступном глазу, и здесь, и там чернеют, как угольки, юрты бедняков. «Вон сколько нас! — с радостью думает он. — Разве мы не осилим богачей, если друж-

но возьмемся за них?» У подножия Тэли видны два бревенчатых домика, напоминающие огромные апарты¹.

Все деревья — березы, тополя, ивы, ракиты, лиственницы распустили листья. Издали леса кажутся зеленым ковром с удивительно тонкими узорами. За ними высятся снежные вершины в серых шляпах облаков. Кажется, что горы своими могучими телами поддерживают небо. Особению привлекала к себе взор сверкающая красавица Бай-Тайга.

Вошли в прохладный лес. Здесь веяло прохладой. Солнечные лучи не проникали сюда, они остались золотить верхушки деревьев. Воздух был полон аромата цветов. Сколько их тут было! Дышалось легко и глубоко.

А потом им повстречалась речка. Лепеча что-то непонятное, с камня на камень прыгала вода. Кое-где образовались тихие омыты. Вода была настолько чистой, что можно было без труда сосчитать все камешки на дне. В иных местах лежали большие валуны, гладкие сверху, покрытые густым мхом и лишайником снизу, — безмолвные свидетели прошедших когда-то сильных наводнений. В воде туда-сюда сновали хариусы.

Молодые люди невольно залюбовались своими отражениями в воде.

— Смотри-ка, как мы подходим друг другу! — восторженно воскликнула Уруле.

Кандан ничего не ответил. Он лишь нежно обнял свою подругу.

— Правда ведь, как богата наша земля! — помолчав, сказала она. — А в тайге — и звери, и птицы, и деревья, и цветы... А почему же мы так бедны? — Ее лицо погрустнело. — Расти коней, а сами ходим пешком. Расти овец, а досыта не наедаемся. Да еще эти, толстопузые, над нами смеются, издеваются. Вот как сегодня. Что плохого мы им сделали? И работаем-то ведь на них, проклятых. Почему так, Кандан? Или у нас такая судьба?

— Нет, Урул, тут, пожалуй, дело не в судьбе, — задумчиво, медленно вымолвил он. — Однако, правы партийцы. Они говорят, что бедность сеют баги своей жадностью... Но придет им конец, скоро придет. Знаешь, я думаю, на этом хурале и вправду большие дела решать будем.

III

На равнине между Даштыг-Хемом и Тарбаганныг-Ой народу собралось видимо-невидимо. Люди прибыли сюда на лошадях, волах, а то и просто пешком. Нарядных очень мало, большинство — в оборванной, с заплатами одежде, босые.

¹ Сундуки.

В толпе ходила незнакомая женщина, она отдавала какие-то распоряжения, и люди внимательно ее слушали. На ней были халат из далембы и мужские сапоги.

— Товарищи! — воззвала она.

Наступила такая тишина, которую никогда еще не видели на подобных многолюдных сходках.

— Товарищи! — повторила женщина. — Объявляю, что начинает свою работу специальная комиссия по изъятию скота и имущества у феодалов. Слово предоставляется секретарю комиссии товарищу Биче-оолу.

Тот, прокашлявшись, чтобы просторнее было в груди, громким голосом начал:

— По решению аратского правительства Тувы проводится изъятие скота и имущества у феодалов и тужуметов.¹ Скот возвращается его истинным хозяевам — бедным аратам. На одну семью будем давать до пяти голов крупного скота.

Прочитав это, Биче-оол и сам обрадовался. Позабыв про официальный тон, он радостно, простосердечно воскликнул:

— Вот так, товарищи: пять голов крупного скота!

Когда он сел, все начали разыскивать глазами баев. Один из них — Узун-Чанги — сидел, повесив голову, его жена Чижитмаа сделала вид, что потеряла сознание, и слуги лили ей в рот молоко.

Хертек (так звали женщину-тарга) быстро встала со своего места и гневно сказала:

— Перестаньте притворяться! Наверное, не теряли сознания, когда драли семь шкур с аратов, когда из-за вас голодали и умирали люди.

— Правильно! — отзывались многие голоса. И среди них был голос Кандана, который понял, что, наконец-то, можно дать выход своему гневу против этих ненавистных богачей.

— Как фамилия? Не вешайте голову, а отвечайте! — приказала Хертек феодалу.

— Хертек Узун, — нехотя отзывался тот.

— Врет он! Узун-Чанги его звать. — раздался мужской голос.

— Я говорю правду, — угрюмо буркнул феодал. — С детства меня звали Узун-оол. Только потом народ прозвал Узун-Чанги. Это просто кличка моя, госпожа.

Он низко поклонился, ни на кого не глядя.

— Надо бы знать, — внушительно сказала Хертек этому человеку, сейчас больше похожему на затравленного волка, — что старый строй рухнул в России еще в семнадцатом году, а у нас ликвидируется со времен национально-освободительной революции двадцать первого года. Не кланяйтесь и не называйте никого господином или госпожой! Все тут

¹ Чиновники.

знают тебя, Узун-Чанги, знают, какой ты почтительный и смиренный. Многие в Коп-Соке твои метки носят. Вон, видишь, шрам на лице Шокар-Ашака? Это ведь след твоего шаагая¹. Так вот, не надейся ни на что. Откровенно скажи, сколько у тебя скота. Сдай комиссии ключи от своих аптаров!

— Где ты, жена? Сколько у нас скота? — невинным голосом спросил Узун-Чанги.

— Не дури, феодал. Будешь говорить или мы сами проверим?

Он ничего не ответил, только побагровел. Долго рылся за пазухой и, наконец, бросил ключи в сторону комиссии.

— Берите, ешьте! — злобно прошипел он. Потом хотел выскочить из круга, но Биче-оол остановил его.

— Погодите, погодите! Извольте и дальше присутствовать.

— Вот проклятые, — пробурчал он и неуклюже сел.

— Открывайте аптары, смотрите, чего они нажили себе, — распорядилась Хертек.

Биче-оол с ключами направился к белой юрте. Вскоре вернулся.

— Ничего не пойму, — недоуменно сказал он. — Все аптары пусты.

Он подошел к Узун-Чанги.

— Где спрятал вещи, гад?

— Не знаю. Аптарами распоряжаться — это дело жены. Ты — тувинец, должен был бы знать наш обычай.

В его голосе послышалась издевка. А довольный вид свидетельствовал о том, что он считает свой ответ достаточно язвительным.

— Ну, ладно, — спокойно сказала Хертек. — Если он спрятал свое имущество, за это ответит по закону. А пока пусть скажет, сколько у него скота. Вы, товарищ Биче-оол, записывайте и проверяйте по итогам переписи.

Узун-Чанги и Биче-оол почти одновременно вытащили бумаги из-за пазухи.

— Лошадей — пятьсот семьдесят, волов — семьдесят пять, — не спеша доложил бай.

— А вот по списку, — уточнил Биче-оол, — выходит другое. У него шестьсот десять лошадей и восемьдесят пять волов. Видите, как врет!

— Если еще будешь скрывать, станем считать скот по одному, — предупредила Хертек. — А тебя привлечем к ответственности. Тебе лучше откровенно сказать, пока мы великодушны.

— Ладно, согласился Узун-Чанги.

¹ Орудие пытки.

— Про коров и овец знает жена, а про лошадей и волов это я так, с перепугу сказал. Товарищ Биче-оол точно знает. Феодал снова поклонился и замолчал.

Тут Кандан не выдержал, вспыхнул:

— С ними болтать — только время терять. Лучше самим считать скот, а то эти волки все равно правду не скажут.

Со всех сторон раздались голоса:

— Правду говорит Кандан! Так и надо сделать!

— Сколько у вас коров, овец, телят? — спросила Хертек у жены феодала.

— Сами считайте, не знаю, — огрызнулась та и залилась плачем.

— Не будем с ними возиться, — заключила женщина-тарга.

— Сами посчитаем скот и найдем спрятанное имущество.

— Я буду говорить! — внезапно крикнула пожилая женщина.

— Скот будем считать потом, все равно не убежит. А ведь они спрятали под навозом, вон там.

Она указала место, и люди бросились туда. Быстро раскопали навоз. Из-под него стали извлекать рулоны войлока, перевязанные аргамчи¹, шубы из шкур ягнят и белок, серебряные уздечки, седла, посуду, китайские ковры, шелковые и ситцевые халаты, обработанные кожи, деньги и драгоценности, запрятанные в мешках.

— Вот и хорошо, что собрали в одном месте, — улыбнулась Хертек. — Подсчитаем стоимость всего и раздадим народу.

— А как же я-то буду жить? — запричитала жена феодала, — заживо хороните меня, бесстыжие!

— Ничего, проживете. Аратское правительство отбирает у феодалов излишний скот и имущество, а немного скота и вещей оставим.

Несколько аратов окружили плачущую женщину.

— В этих вещах — наш пот и кровь. За чей счет наживались? За наш ведь! Все это — наше, нашими руками добыто. Вот мы его и возвращаем себе.

Жена феодала замолкла. Видно, все-таки поняла, что настала пора расстаться с награбленным добром.

Радостное возбуждение царило в народе. Все оживленно говорили о новой жизни, о завтрашнем дне, который не будет похож на вчерашний.

Кандан и Уруле внимательно прислушивались ко всему. Они понимали, что и в их жизни наступает крутой поворот.

— Товарищи! — перекрывая шум, прозвучал веселый голос Биче-оола. — Скот и имущество феодала Узун-Чанги распределяются между бедными аратами. Первой в списке зна-

¹ Аркан из кожи.

чится фамилия Кандана. Комиссия решила отдать ему безвозвратно двух лошадей, двух дойных коров и десять овец.

Народ встретил это решение восторженными возгласами.

— Где Канданы? Получите справку, — сказала Хертек.

— Сейчас, сейчас, — заволновался Кандан. Не выпуская руку жены, внезапно вспотевший, он принял дар народной власти.

Следующим в списке оказался Кара-Сувур-оол. Ему выделили то же, что и Канданам. Все знали Сувур-оола как всегда замкнутого и молчаливого человека. А тут, может быть, первый раз в своей жизни он счастливо улыбнулся. Удивительные времена наступили!

А Кандан и Уруле уже получили свой скот. Уруле легко села на оседланную резвую кобылу. Правда, Кандану пришлось ехать без седла, но это уже было не так важно. Весело гнал он полученных коров и овец домой.

— Не гони так быстро, — попросила Уруле. — Надо сначала хорошенко приручить коня, а то еще сбросит.

Она не сказала: «нашего коня». Но разве трудно это было угадать по радости, звеневшей к каждому ее слову.

— Ладно, Урул. Ты правильно говоришь, хозяйка... Этот скот поможет нам лучше жить и детей расти. Придет время — у нас его будет больше. Тогда скажем правительству: «Вы позаботились о нас, а теперь мы возвращаем свой долг. Берите, сколько надо для родной страны».

...Уже стояла ясная звездная ночь, когда счастливые молодые супруги приехали домой.

IV

Семья Канданов по-прежнему не могла прочно обосноваться на каком-либо одном месте. Они ставили свою юрту в Кызыл-Даге, Орге, Тэли и Коп-Соке. Но теперь и кочевать стало веселее: за несколько лет количество скота у них удвоилось, а засевали земли уже втрое больше прежнего.

Радовал их первенец. Раньше он, бывало, часто болел, много плакал (не случайно его и назвали Удуvas-оол, что значит «неспящий парень»), а сейчас весело ревился. Впоследствии он окончит школу, будет хорошим помощником родителей. В дальнейшем к нему придет трудовая слава: станет передовым плотником, а его жена — передовой дояркой...

После Удуvas-оола в семье Канданов появился второй малыш. Появился он не совсем обычно.

Как-то араты Коп-Сока собрались на хурал. Уруле пожалуй, и не следовало бы приходить: она со дня на день ждала ребенка. Но не хотелось оставаться дома — ведь ее и Кандана в сумоне считали активистами. Она решила, что обязательно надо присутствовать.

Внимательно слушая выступавших, Кандан все же заметил, что его жена сильно побледнела.

— Иди-ка лучше домой, — встревоженно сказал он ей. — Я потом расскажу про все, что здесь говорили.

— Не могу, — простонала Уруле. — Так больно... Что мне делать? Ой!...

Кандан растерялся. Спасибо, на помощь пришли женщины. Они позаботились обо всем, что нужно в таких случаях. Тут, вдали от дома, Уруле и родила второго сына. Имя ему дали подходящее — Улус-оол. «Народным парнем» его называли в память о том, что он родился во время народного собрания. Улус-оола тоже ожидал хороший трудовой путь. Он окончит восемь классов, после службы в армии вернется в родную Туву и поступит на работу в совхоз...

Прошло еще несколько лет. Кандан и Уруле работали, не покладая рук. В 1939 году они имели уже сто овец, десяток коров и пять лошадей. И ни на один миг они не забывали, кому обязаны улучшением своей жизни, — не забывали о своем долге перед родной страной. Государство получало от них немало скота.

Когда-то интересы Кандана и Уруле не выходили за пределы своего аала, в лучшем случае сумона. Теперь, с годами, их мысленный взор стал проникать далеко-далеко, они начали понимать причины и смысл явлений, происходящих в окружающем их мире. Они узнали, что позволило Туве стать свободной республикой аратов, — Великий Октябрь, прогремевший в России в семнадцатом году. Они поняли, что новая жизнь в их родной стране создается при помощи их старшего брата — русского народа. Помощи во всем — и в большом, и в малом.

И поэтому, когда фашистская Германия напала на Советский Союз, не было у тувинских аратов большего стремления, чем помочь своему старшему, дорогому брату в его героической борьбе с озверелым, ненавистным врагом. В те дни по всей республике — от Тере-Холя до Монгун-Тайги, от Тоджи до Эрзина — развернулось патриотическое движение: араты сдавали в фонд помощи Красной Армии скот, готовили теплые вещи, которые так необходимы солдатам на фронте. Подарки, идущие от чистого сердца, потоком шли из дальней Тувы туда, где грохотали жестокие бои.

Разве могли остаться в стороне от общенародного дела Кандан и Уруле, активисты своего сумона! Не о том, как оказать помощь, а о том, как сделать эту помощь большей, — вот о чем думала Уруле.

Однажды она спросила у своей знакомой Хертек Сюрюн:
— Ты сколько отдашь скота?

— У меня сто овец. Думаю отдать семьдесят. Для такого дела не жалко.

— А я вот посоветовалась с Канданом, и мы решили так: на первый раз дадим двадцать баранов и двух лошадей. Получим ягнят — снова будем сдавать. Мне кажется, так будет больше пользы. А подарки какие-нибудь приготовила?

— Вот об этом-то не подумала.

— А я пошлю пять пар теплых чулок, тридцать пар рукавиц, да еще десяток кисетов.

— Верно, Уруле, и это все надо. А ты ведь активистка у нас, часто разговариваешь с женщинами, посоветуй им всем готовить теплые вещи. А то, может, некоторые, как я, забудут.

Араты Тувы выполнили свой священный долг. Признанием их заслуг явилось награждение 150 человек орденами и медалями Советского Союза. Среди них было немало таких, которые отдали для Красной Армии больше половины своего скота.

«Друг познается в беде», — гласит мудрая русская народная пословица. Когда грозная опасность нависла над Советской страной, тувинский народ показал, что он — ее хороший, надежный друг. Еще ближе стали они, еще теснее их братские узы.

V

И настал день, когда по воле тувинского трудового народа упали пограничные барьеры. В октябре 1944 года Тува стала автономной областью Российской Федерации...

Араты давно уже думали о том, чтобы жить так, как крестьяне в Советском Союзе. А сейчас им сказали: «Начинайте новую, коллективную жизнь. Всем, чем надо, поможем».

Все чаще в разговорах аратов Коп-Сока мелькало слово «колхоз». Говорят, в других районах они уже есть. Вот бы поточнее узнать, что это такое...

И однажды собрали хурал. Люди заранее знали, что речь пойдет о колхозе. Поэтому съехалось много народа. Собрались тесным и плотным кругом. Вдали серели юрты (до 1950 года ни одного дома в этих местах не было).

— Братья и сестры! — начал свою речь секретарь сумонной партийной организации Барба. — Мы сегодня должны решить важный вопрос, который касается каждого из нас. Обсудим, как будем жить дальше.

Около пятидесяти человек собралось вокруг оратора. Все сосредоточенно слушали говорившего. Кандан и Уруле, как всегда неразлучные, думали про себя с тихой радостью: «Вот она и начинается, новая жизнь. Многое еще неизвестно на этой дороге, но путь будет радостным».

Кандана выбрали в президиум. Гордиться надо таким уважением!

Слово предоставили приехавшей из областного центра Хертек. А, старая знакомая! У многих в памяти сохранился тот день, когда отбирали скот у богатеев и отдавали беднякам. Она тогда принесла добрую весть и сейчас, конечно, даст ценный совет.

— Товарищи! Братья и сестры! — раздался ее голос. — Прошло более пяти лет с тех пор, как мы стали гражданами великого Советского Союза. Благодаря заботе и помощи ленинской Коммунистической партии наша Тува продвинулась далеко вперед по пути социалистических преобразований. У нас открываются новые предприятия, создаются колхозы и совхозы, развивается транспорт, появляется все больше школ и больниц. А представляете, насколько богаче и красивее станет жизнь, скажем, через десять-пятнадцать лет. Вырастут новые города и села, степи покроются хлебами, на пастбищах будут тучные стада. Повсюду загорится электрический свет. Государство щедрой рукой дает нам средства для того, чтобы наша жизнь из года в год улучшалась.

К нам пришла новая жизнь и хозяйствовать по-старому уже нельзя. Какой же путь избрать? Партия подсказывает: путь коллективного труда. Араты во многих районах уже встали на этот правильный путь. Вы, может, слыхали, что колхозы созданы в Баян-Тала и Хорум-Даге — в Дзун-Хемчике, в Ак-Туурге и Кара-Тале — в Чая-Холе, да мало ли где еще... Бывал кто-нибудь из вас в колхозе? — внезапно спросила она.

— Я бывал, — откликнулся один из аратов.

— Ну, и как там жизнь?

— Хорошо живут. Пожалуй, получше, чем мы.

— Слышали, что сказал этот товарищ, — возвысив голос, обратилась Хертек ко всем собравшимся. — А почему там получше? Потому, что работают все вместе, друг другу помогают, ну, и порядка, конечно, больше. А государство выделяет колхозам в вечное пользование лучшие земли под пашни и пастбища, посыпает тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины. А с ними куда быстрей и веселей работается. И вот что еще важно. Пора нам кончать с кочевьями, с холодными юртами. Разве не надоело вам мерзнуть в них зимой, разве не надоело видеть, как ваши детишки болеют от простуды? А будете в колхозе — быстро перейдете в хорошие, теплые деревянные дома.

Я вам такой пример приведу из жизни наших соседей — горноалтайцев, хакасов, бурят. Они когда-то тоже кочевали, жили разрозненно. И у них хорошего было мало. А пошли

по колхозной дороге — и у них стало так же, как в передовых областях Советского Союза.

— Посмотрите, как богата ваша земля, — воскликнула Хертек и широко обвела рукой. — Здесь, в Коп-Соке, — и плодородные пашни, и обширные пастища. Какие урожаи тут можно получать! Богатства лежат прямо у нас под ногами, а мы их не берем. Что наши отцы и деды их не брали, это понятно. Время было другое. А сейчас — что нам мешает? Надо только горячо взяться за дело, да всем вместе. Вот почему я и предлагаю вам объединиться в колхоз.

— У кого есть вопросы? — спросил председательствующий, когда Хертек закончила свою речь. — Задавайте, задавайте.

— У меня, тарга, не то вопрос, не то выступление, а в общем кое-какие соображения, — выступил вперед Седен. Что-то присутствующим не понравилось в его тоне. В нем проглядывали насмешка и язвительность. — Красиво тут говорила товарищ о колхозах, ничего не скажешь, — он недобро усмехнулся. — Но вот говорят, что в колхозах объединяют скот. А я на это не соглашусь. Поэтому не хочу я колхоза.

— Сегодня скажут объединять скот, а завтра — и жен, — зло крикнул Бегзиваа.

Кандан не встал, а прямо-таки подскочил.

— Братья! — загремел его голос. — Не слушайте этих людей, у которых лживые языки. Они жалуются: дескать, мы бедные, во всем нуждаемся. А сами не работают, брезгают трудом. Вот воровать скот у других — это они могут. Сами знаете — не раз их за это судили. Случайно что ли их отца Сюрюна люди прозвали Кызыл-Караком¹? За что? Да за ночные кражи. Седен говорит, что он не хочет колхоза. А ты спроси, захочет ли колхоз тебя? Лучше держитесь от нас подальше... А я считаю, что колхоз нам нужен, и вступаю в него.

Встал Норбу:

— Я тоже вступаю. А вот о Седене надо поговорить. Раньше такие речи мы слышали от Узун-Чанги, а сейчас он их повторяет.

О своем желании вступить в колхоз заявил и Кылын-оол. Он только поинтересовался, сколько скота останется в личной собственности.

— Это окончательно решат сами колхозники, — ответила Хертек. — А в примерном Уставе сельхозартели предусмотрено иметь в личной собственности пять-десять овец, одну-две коровы, свинью и сколько угодно птицы.

Напрасно сыновья¹ Кызыл-Карака надеялись, что за ними пойдут многие. Они так и остались в одиночестве. Люди смот-

¹ Красные (или совинные) глаза.

рели на них с нескрываемым презрением. Людьри, воры да еще хотят помешать хорошему делу...

— Значит, общее мнение таково: создать колхоз,— подвел итог председательствующий.— Пусть желающие готовят заявления.

Так в апреле пятнадцатого года в Кон-Соке появилась новая сельскохозяйственная артель. Ее ядро составили активисты — председатель сумонного Совета Бышкак, араты Салчак Сангэа, Иргит Араптан, Салчак Айти, секретарь сумонной парторганизации Салчак Барба, Кандан и Уруле, Хертек Сюрюн, секретарь комсомольской организации Алыг. Председателем избрали Сундуй-оола.

VI

Нелегко пришлось членам нового колхоза на первых порах.

Людей-то вроде бы и хватало — в артель вступило полтораста семей. А вот с общественной собственностью пришлось туго, уж очень ее было мало. Сто тридцать лошадей, десять волов да немножко побольше тысячи овец — вот и все животноводство. Но особенно удручало то, что для обработки земли имелось лишь пять сох и один единственный плуг. Кое-как собрали всего пять комплектов конской сбруи. Как говорится, курят на смех. Однако тогда колхозникам было не до смеха. Ведь предстояло обрабатывать сто гектаров орошаемой земли да столько же площади занимали сенокосы. Общественных складов не было, и весь инвентарь колхозники хранили у себя дома.

Было от чего растеряться даже опытному председателю. А Сундуй-оол в первый раз в своей жизни взялся руководить столькими людьми. Да и где руководить-то! Можно сказать, на пустом месте. Он суетился, хлопотал, носился туда-сюда, похудел и помрачнел от забот, обступивших его со всех сторон, а выхода так и не находил.

Пришлось созвать заседание правления, на которое пригласили и активистов, чтобы обсудить самый важный и единственный вопрос: как же быть дальше?

Взволнованной, полной тревоги за дальнейшую судьбу общественного хозяйства была его краткая речь.

— Мы создали колхоз, это очень хорошо,— сказал он.— Но сделали лишь первый шаг. Надо укреплять и развивать его — вот что сейчас главное. А вы сами видите, что дело у нас не движется. Дома не строим, хлеба сеем мало, поголовье растет медленно. Мне думается, надо кого-нибудь послать в Кызыл. Пусть он там с кем надо посоветуется, наберется ума-разума, помоши попросит.

Лентяя Седена никто на заседание не приглашал. Тем более, что он и в колхоз-то не вступил. А он все-таки явился. Мало того, еще со своим мнением сразу же высочил.

— Помощь-то, может, и дадут,— затараторил он.— Только, что вы думаете,— даром? Все равно вам же потом рассчитываться придется. Лучше никого туда не посыпать, сами что-нибудь придумаем.

— Вот что,— оборвал его Салчак Норбу.— Кончай-ка свои глупые речи, не суйся грязной рукой в чашку. Уж коли пришел, так слушай и молчи. А не хочешь — ступай отсюда, гуляй.

Седен замолк.

— Коммунисты нашей артели решили так,— сказал секретарь партийной организации Барба.— Надо изучить передовой опыт, попросить у правительства заем, чтобы купить сельскохозяйственные машины. Тогда мы сможем лучше обрабатывать землю, а значит, и урожай будут гораздо выше. С государством мы потом расплатимся, а наш колхоз встанет на ноги. Пусть Сундуй-оол и съездит в Кызыл.

Колхозники откомандировали своего председателя в областной центр. И нетерпеливо стали ожидать: скоро ли он вернется, что привезет?

Когда он приехал, собрали всех колхозников. Но людей оказалось больше, чем предполагали. Пришли и те араты Коп-Сока, которые еще не решались вступить в артель. Нет, не безразличны им были колхозные дела. И на них тут смотрели, как на своих завтрашних товарищах по труду. Пускай послушают, скорее у них все сомнения рассеются.

— Радостные вести я привез, вернулся из Кызыла, можно сказать, с большой удачей,— обратился Сундуй-оол к внимательно слушавшим его людям.— Был в областном комитете партии и в исполнительном комитете областного Совета депутатов трудящихся. Выслушали там нашу просьбу и вынесли специальное решение.

— О чём там говорится?— послышались нетерпеливые голоса.

— Вот о чём. Не будут брать с нас сбор за рубку леса на строительство домов и животноводческих помещений, а также на дрова. Разрешили рубить лес для этих нужд бесплатно.

— А что еще? Еще?

— Да не торопитесь, товарищи, я вам обо всем расскажу... Еще выделят нам пилораму, на наших полях будут работать сеялки, тракторы и комбайны. Это удивительная машина — комбайн. Он сразу и жнет, и молотит, и очищает хлеб от соломы. Получим и другие сельскохозяйственные машины, инструмент для строителей. Пришлют сюда специалистов, чтобы они помогли нам быстрее наладить дело. Вот со мной приехала первая из них. Фамилия ее Чеснокова. Она здесь будет заведовать медицинским пунктом.

— Какая она милая,— сказала Уруле, давно уже смотревшая на незнакомую русскую девушку.— Такая молоденькая, а

вот не побоялась, одна приехала к нам в такую даль. Молодец! Давай-ка, дочка, познакомимся. Меня Уруле Кандан зовут.

— А меня — Анна Петровна,— улыбаясь, ответила та и крепко пожала протянутую ей руку.

А председатель между тем продолжал:

— Кто-то говорил, что бесплатно нам помоць не окажут. А мы и не собирались стать нахлебниками у государства. Будем хорошо работать, дадим родной стране много молока, мяса, шерсти, масла. Правительство верит нам, поэтому и выделяет безвозвратную ссуду и долгосрочный кредит. Теперь дело только за нами, товарищи!

Сдержаным одобрительным гулом ответили на эти слова собравшиеся.

...В тот же день Кандан и Уруле приняли отару овец и направились с ней в Чыланнаг-Аксы.

VII

Прошло всего десять лет, как в Коп-Соке создали колхоз «Победа». Что такое десять лет по сравнению с многовековой историей Тувы! Но в течение столетий бедняки видели только горе и нужду. А эти десять лет принесли им огромную радость, принесли такую жизнь, о которой раньше и мечтать-то было нельзя. Все изменилось в родном kraю, все изменилось к лучшему.

В 1960 году колхозники готовились отпраздновать десятую годовщину своей артели. Вот уже много дней в бухгалтерии по вечерам долго горит свет: одни считают и вновь тщательно проверяют полученные данные, другие составляют сводки. В клубе репетируют свои номера участники художественной самодеятельности. Колхозники покупали и шили нарядные одежды. Никому из них теперь не стыдно на людях показаться. У всех хватает денег на обновы.

В небольшом, но хорошо обставленном кабинете председателя колхоза Эрес-оола сидели с ним вместе парторг Биче-оол и председатель сельсовета Салчак Седин. Они обсуждали отчетный доклад, с которым председатель должен был выступить на общем собрании колхозников.

Эрес-оол читал:

— Десять лет назад у нас и скота и сельскохозяйственных орудий было очень мало. Жили в юртах, которые были разбросаны, как зернышки на земле. Текущее наше положение ни в какое сравнение с тем не идет. Сейчас в колхозе — двести пятьдесят одна семья. Мы гордимся тем, что у нас много замечательных людей, передовиков коллективного хозяйства. Взять хотя бы животноводов Кандана, Уруле, Норбу, Чамзана, доярку Сюрюн. Люди живут в просторных и теплых домах. В нашем Кызыл-Даге — больше сотни стандартных типовых домов, се-

летняя школа, больница, детские ясли, пекарня. Имеем клуб на сто пятьдесят мест, библиотеку. У нас много различных животноводческих помещений. Работает пилорама. На улицах и в домах и по вечерам светло как днем от электрических огней.

В общественном стаде — свыше одиннадцати тысяч голов разного скота. Посевная площадь составляет около трех тысяч гектаров. Общий годовой доход колхоза — 1,4 миллиона рублей. На трудодень причитается пять рублей, три килограмма зерна, а еще мясо и молочные продукты. Посмотрите, как богато живут наши люди, кто не жалеет сил, работает от чистой совести. Все вы знаете Кандана и Уруле. Они получили на трудодни четыре тысячи килограммов зерна и десять тысяч рублей. Такую оплату они заслужили хорошим трудом. За последние годы Кандан и Уруле вырастили для колхоза четыре тысячи овец, сдали десять тонн шерсти. Есть, конечно, и другие, с кого всем надо брать пример... Вот в основном содержание моего доклада. Как, все правильно?

— Конечно, правильно. Только я хотел бы кое-что добавить, — сказал партторг и склонился над своей записной книжкой. — Вот, нашел. Надо отметить, что все дети от семи до шестнадцати лет учатся, одним словом, осуществляют всеобщее семилетнее образование.

— И вот еще о чем бы не забыть — о специалистах со средним и высшим образованием. Их в колхозе работает немало, — добавил председатель сельсовета. — И надо обязательно отметить, что десять аратских детей из Коп-Сока получили среднее специальное образование, а девять — высшее. Вот они каковы, наши земляки!

— Э-э, да ты не всех наших известных земляков упомянул, — засмеялся Биче-оол. — Давайте-ка вспомним. Уроженцы нашего сумона — композитор Чиргал-оол, писатель Самба-Люндуп, преподаватель педагогического института Салчак, цирковые артисты из группы Оскаг-оола — Очур и Хензиг-оол. Немало наших земляков работает в районных и областных организациях. Партия и народ доверили им большие посты, как, например, Дилгижеку и Хертек Анчиме.

Снова заговорил председатель колхоза.

— Ну, и, конечно, надо особо отметить, что в день пятидесятий годовщины празднования Международного женского дня 8 Марта нашей землячке Уруле Кандан присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Она вот какого результата добилась: от ста маток получила по сто шестьдесят ягнят.

— Правильно, Эрес-оол, это требуется особо отметить. Только добавь, что такое высокое звание Уруле получила первой из тувинских женщин. Пусть все узнают, какой почет и слава приходят к людям труда, всю душу вкладывающим в свое дело. Вот еще один пример мудрости и справедливости нашей родной Советской власти.

VIII

Прежде за пределами родного колхоза об Уруле мало кто знал. Награждение же ее словно ярким лучом осветило эту скромную женщину, труженицу, каких много. Она сразу стала видна всей Туве. Со всех сторон шли поздравления и пожелания дальнейших успехов. Почтальон приносил письма со штампами далеких и близких поселков. Всех заинтересовало, как Уруле добилась таких хороших результатов, что из ее опыта можно позаимствовать.

Одним из первых приветствовал ее известный баянталинский чабан из Дзун-Хемчика, Герой Социалистического Труда Ооржак Лопсанчап. С ним вместе мы и приехали в гости к Канданам.

Их аал стоял тогда на весенней кочевке Кара-Суг, в хорошо защищенной от ветра, тихой лощине под Кадыр-Оруком. Колхоз построил для чабанов дом. Но на небольшом холмике стояла старенькая юрта. Только теперь она служила не жильем, а чем-то вроде сторожевой будки. Кошара имела форму большой буквы «П». На той ее стороне, что больше других обращена к солнцу, сделали редкое заграждение из молодых лиственниц. Рядом находилось заботливо уложенное зеленое душистое сено, в мешках стоял овес, выселились кучки каменной соли.

Нашу машину встречали все жители аала — и большие, и маленькие. Немудрено: ведь в эти отдаленные места автомобили заезжают не так уж часто.

Лопсанчап торопливо зашагал к хозяевам. Тепло поздоровался с ними.

Уруле не стала сразу заниматься разговорами. Всякая хозяйка сначала должна покормить людей — так велит закон гостеприимства. Вот и она, словно бы извиняясь перед нами, негромко сказала мужу:

— Ты поговори с товарищами, а я сейчас приготовлю обед.

«Освободившись» от нас, Уруле подбросила в печку дров, поставила чашу, налила в нее воды. Потом взяла ступку и растолкла зеленый чай в порошок. Определив на глаз, сколько чая и соли надо, бросила все это в чашу. Действовала она проворно.

На Уруле — шуба из овчины, покрытая темно-красной матерью, опоясанная синим шелком. На ногах — новенькие сапоги. Косы, правда, поредели — юность-то ведь осталась далеко позади! — но все-таки еще были черными. Продолговатое лицо, длинные брови заставляли вспоминать о той девушке, по которой когда-то вздыхали многие парни в округе. А вот ее лучшее украшение — Золотая Звезда поблескивает на груди, и отраженный ею лучик скользит по полу туда-сюда.

Думаем почему она так часто выбегает из дома? Потом узнали, Уруле не забывала и об отаре. Гости — гостями, а работа — работой.

— Мы с Уруле много слышали о том, как вы умело ухаживаете за колхозными овцами. И в газетах читали, и по радио слушали, да и руководители нашего района про это говорили. Собирались к вам съездить, да вы нас опередили. Ну, теперь, рассказывайте.

— Я уж и не знаю, о чем говорить,— ответил Лопсанчап.— Вроде ничего особенного не делаем... Ну, например, имеем запасные кочевки на тот случай, если там, где мы пасем сейчас, выпадет большой снег. А в основном их используем тогда, когда травы на прежнем пастбище уже не остается. Колхоз дал нам строительные материалы, а все остальное мы сделали своими силами. Сами же ремонтируем кошары, проветриваем их летом, убираем кизяк.

— Вот и мы так же,— сказал Кандан.

— Летом пасем овец в прохладных местах с хорошими травами, чтобы набирали сил и сала. Так им легче переносить зиму. У нас (может, слышали?) так поют: «Шеми-Бажи — прохладный чайлаг, овцы там жирными становятся».

— Слышали. Только тут тоже места не хуже ваших есть. Летом пасем овец на просторных пастбищах, там, где альпийские луга.

Но пастбища — пастбищами, а сено и зерновой фураж всегда имеем в запасе. У нас много корма, сами видели.

— Правильно поступаете,— одобрил Лопсанчап.— Не знаю, как вы, а мы пасем так. Летом я выгоняю овец утром раньше, а загоняю поздним вечером. Днем, в жару, они отдыхают в тени. Никогда не тороплю животных, пусть сами пасутся, как пожелают. В пасмурные, сырье и холодные дни выбираю места, где нет резкого ветра. А в ясные жаркие дни нахожу места прохладные, такие, где травы были бы сочные.

Пока шел этот разговор, Уруле сварила мясо. Положила его на большую эмалированную тарелку. От жирного мяса шел аппетитный запах. Каждый брал облюбованный кусок левой рукой, а правой орудовал ножом.

Лопсанчап и во время еды продолжал прерванный было разговор.

— А как вы проводите стрижку? — спросил он Уруле.

— Раньше стригли вручную, ножницами. А теперь перешли на электрический агрегат. Хорошо работает, больше шерсти получаем.

— Да, граммов на двести-триста с овцы.

После чая мы поехали осматривать кошары, отару и пастбища. О многом говорили по дороге. Но еще осталось о чем сказать, когда вернулись

Кандан поинтересовался, как Лопсанчап в 1959 году получил по 162 ягненка на сто овец (за что ему и присвоили звание Героя Социалистического Труда), а потом обязался получить по 170 ягнят.

— Ну, во-первых, не надо иметь в отаре яловых овец и стараться сохранить каждого ягненка.

— А во-вторых?

— Стремлюсь увеличить число овец, приносящих двойни. А это достигается искусственным осеменением и применением особого препарата. Называется он сывороткой жеребой кобылы. И во всем помогают мне образованные люди, наши специалисты.

— Надо, Кандан, и нам теснее связаться со специалистами,— заявила Уруле.

Наше пребывание у радушных хозяев подходило к концу. Уруле достала из алтара бутылку вина.

— Ну, уважай гостей,— сказала она мужу.

Кандан налил вино и поднес Лопсанчапу.

— Выпьем за то, что вы приехали к нам в гости, рассказали о своей работе.

— А я теперь приглашаю вас к себе,— вежливо ответил тот.— Спасибо и вам, что поделились своим опытом. Он мне поможет. И вот еще: давайте переписываться. Ладно?

— Хорошо. А я вот подумала: что, если вызвать вас на соревнование? Вы не против?— спросила Уруле.

— Разве можно от хорошего дела отказываться!— воскликнул Лопсанчап.— Охотно принимаю вызов.

IX

— Далеко ли до Новосибирска? Как туда ехать? А ты один справишься ли дома?— засыпала мужа вопросами Уруле.

— Да, пожалуй, не так уж далеко в наше время. До Кызыла на легковой машине ехать часов шесть, а дальше — на самолете. Часа четыре лететь. О скоте не беспокойся, я тут справлюсь. Поеzzай на совещание спокойно и все интересное старайся запомнить. А во что думаешь одеться?

— Не знаю — или шубу брать или пальто, что мы недавно купили. И серый костюм. Ничего будет?

— Не очень-то украшайся. Кто тобой заинтересуется?— пошутил Кандан.

— И тебе не стыдно такое говорить? — притворно рассердилаась Уруле.— Это тут, на работе, можно не украшаться, а там, среди народа, надо быть в хорошей одежде.— Ее глаза лукаво блеснули.— Вот оденусь получше и тогда еще посмотрим, заинтересуются мною или нет.

— Ладно,— примирительно сказал Кандан.— Только ты быстрее собирайся, а то скоро машина подойдет.

— А куда мне положить вещи? Можно ли взять даалын¹?

¹ Торба.

— Зачем даалын? Бери чемодан.

— Правда, я и забыла, что ехать надо не на коне, а в машине.

Когда Кандан вышел к отаре, Уруле задумалась о предстоящем важном совещании, о тех, кто будет присутствовать на нем. Мелькнула боязливая мысль. «А вдруг и мне придется речь держать?».

Она все уложила в чемодан, села и стала рассматривать свою квартиру, будто бы желая ей при расставании всего доброго.

Ярко и щедро светило мартовское солнце. Пол и подоконники, покрытые хорошим лаком, блестели. На полу лежали коврики. Взгляд Уруле скользил по швейной машинке, гармони, радиоприемнику, по кроватям с покрывалами и мягкими подушками, по посудному шкафу. На стене — портреты В. И. Ленина и Н. С. Хрущева. «Будет ли на этом совещании товарищ Хрущев? — подумала Уруле. — Если будет, как мне на него посмотреть вблизи? Как бы мне хотелось сказать большое спасибо партии и правительству от всех женщин нашей Тувы, от имени всех матерей за то, что нас привели к хорошей жизни, к полноправию и радостному труду на благо народа».

Уруле провожали в путь все чабаны, работавшие поблизости. Каждый заботился, чтобы их посланица выглядела получше. Поправляли на ней одежду, напутствовали добрыми, сердечными словами.

— Передай там, на совещании, привет от нас, жителей Коп-Сока, — сказал на прощанье председатель колхоза. — А придется говорить с товарищем Хрущевым, скажи, что свои обязательства мы с честью выполним.

— Все, что увидишь, услышишь, — запоминай. Когда приедешь — обо всем расскажешь нам, — наказывал секретарь партийной организации.

— Ладно, хорошо, — отвечала взволнованная Уруле. — Все сделаю, товарищи.

Машина тронулась. Уруле в первый раз отправилась в такой дальний и интересный путь.

X

Можно было подумать, что нынче — какой-то большой праздник. Всюду толпились люди. То араты Коп-Сока собирались встречать Уруле. И все старались подойти к ней поближе, любливо рассматривали ее, будто увидели впервые. А вопросов, вопросов!.. Да и то сказать, нешуточное дело: ведь человек вернулся с такого большого и важного хурала.

— Что и говорить, очень интересно прослошло совещание работников сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока, — в который уже раз повторяла Уруле. — Очень интересно.

— Нет, Уруле, ты расскажи поподробней,— слышались настойчивые голоса.— На чем туда добрались? Большой ли город Новосибирск? Сколько человек было на совещании? Сколько из нашей Тулы? С кем встречались?

Уруле, вообще-то молчаливая, на этот раз разговорилась. Радостно возбужденная, все еще находившаяся под впечатлением своей шестидневной поездки, она поняла, что ее односельчане ждут обстоятельного рассказа. Не пустое любопытство овладело ими, а желание узнать поточнее об этом совещании, которое и для них имело очень важное значение.

— Вы уж извините меня, товарищи, что я сразу и слов-то подходящих не подобрала,— сказала Уруле.— Большая радость, большое счастье у меня, вот и волнуюсь.. Начну по порядку.

Вокруг воцарилась тишина.

— В Тэли мы сели на самолет. И вскоре очутились над Кызылом. Я даже как следует огляделась не успела. С непривычки мне все непонятно было. И вдруг — вот он, Кызыл! Хороший город, молодой, красивый. Сверху смотреть — как шахматная доска. Такие ровные улицы! А дома — как будто много-много спичечных коробков поставлено.

Не успела налюбоваться, как самолет опустился. Вышли из него и отправились в помещение, где пассажиры находятся. Там я со многими передовиками сельского хозяйства встретилась. Тут были также секретарь нашего райкома партии Биче, руководящие работники из Кызыла.

... Вижу, стоят два больших самолета, куда больше того, на котором мы прилетели.

— А что было потом,— раздался голос из толпы.

— Сейчас скажу... Мы все сели в эти самолеты. Я оказалась рядом с нашим знакомым — Лопсанчапом. Эй, как хорошо внутри самолета! Мягкие кресла в белых чехлах. Очень удобно сидеть, а хочешь — откинешься назад, и подремать можно.

— Значит, удобная машина? — поинтересовался один молодой парень.

— Конечно ... А взлетели — подходит девушка с подносом, угощает конфетами Я и не знаю, брат или не брат. А Лопсанчап говорит: «Берите, будете лучше себя чувствовать». Взяла я конфету, держу во рту. И вправду, летела хорошо.

— И долго вы летели?

— Да нет, не очень. Время прошло незаметно. Ведь все вокруг так интересно! Слышу, говорят: «Внизу Новосибирск!». Гляжу. Сквозь туман различаю реку. Где обе ее стороны раскинулся большой город. И края не видать! Много-много высоких труб.

Вышли мы из самолета, а нас уже приглашают в легковые машины. Поехали по городу. Дома там — в пять и больше эта-

жей. Смотришь вверх, и небо кажется маленьким. Улицы широкие, чистые. Машина по ним катится легко. Посреди улицы тянется полоса деревьев. На тротуарах очень много людей. Проехали мы по мосту через реку и остановились у четырехэтажного здания. Нам отвели хорошие комнаты.

— А много было людей из Тувы?

— Шестьдесят человек нас вылетело на двух самолетах. А в совещании участвовало около двух тысяч.

— О-о! — раздался удивленный возглас. — У нас во всем сумоне и то столько, наверное, не наберется. И как же все разместились на совещании?

— В Новосибирске есть огромное красивое здание. Купол блестит на солнце, сверкает. Нам сказали, что это театр оперы и балета.

Мы пришли сюда на следующий день, в восемь часов утра. Мне немного боязно стало. Первый раз захожу в такое здание. Держусь поближе к своим знакомым. Слышу, меня сзади кто-то окликнул. Оказывается, Лопсанчап. «Мне сказали, что нас пригласили в президиум», — говорит. — Пойдем!. Берет меня под руку и ведет туда. Пять человек там было наших, из Тувы. И вдруг вижу — подходит Никита Сергеевич Хрущев. Прямо около меня прошел.

Было как раз восьмое марта. Объявили, что женщины будут фотографироваться с товарищем Хрущевым. Иду и я. Вижу, что уже стоят товарищи, в середине — Никита Сергеевич. Не знаю, куда идти. Тогда он подошел ко мне, взял за руку и что-то говорит. Я решила, что он здоровается со мной и отвечаю: «Эки, эки!». А он подвел меня к месту и посадил около себя.

— Какая счастливая! — раздалось со всех сторон.

— Да, я счастливая, но и аратки нашего Кон-Сока и всей Тувы — тоже счастливые. Большой почет нам сейчас стал. А потом мы пошли в президиум. Я и Лопсанчап сидели около Никиты Сергеевича. Выступавшие говорили о своих успехах, о том, что надо еще сделать, об обязательствах в честь Двадцать второго съезда партии. И наших, тувинских, два товарища тоже выступили... А потом приняли обращение ко всем работникам сельского хозяйства Сибири... И еще раз фотографировались с товарищем Хрущевым — все шестьдесят наших представителей из Тувы. На память.

— Как здоровье товарища Хрущева?

— Хорошее, чувствует себя бодро. Он говорил, что надо всеми силами развивать сельское хозяйство. Каждый из нас должен внести свой вклад в это дело. А еще он сказал, что нужно добиться прочного и вечного мира для всех людей на земле.

* * *

Каждый должен внести свой вклад... Да, только тогда станут возможными наш общий успех, наша общая победа. Тру-

женики сельхозартели «Победа» хорошо поняли это. Они твердо обещали, что встретят XXII съезд хорошими трудовыми делами. Колхозники попросили руководящие организации преобразовать их хозяйство в совхоз, чтобы быстрее добиться более высоких темпов развития.

...В одном ряду со всеми своими товарищами идет к новым высотам Уруле Кандан. Та простая аратка, которой когда-то помыкали тупые, жадные и жестокие богатеи. Та скромная тувинская женщина, которая сейчас носит на груди Золотую Звезду — немеркнущий знак трудовой доблести и славы.

Олег САГАН-ООЛ

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

Даржа не спеша возвращался домой. Он очень устал и к тому же проголодался. Его гнедой конь под тяжестью седока и торбы спотыкался и едва переставлял ноги.

Невеселые мысли лезли в голову. «Жить становится все тяжелее. Детей прибавляется, семья растет, всех надо накормить...» Он протянул назад руку, потрогал притороченную торбу с просом... Нового хлеба не скоро дождешься, а это он собрал с прошлогодней пашни падалицу и обмолотил ее...

Необъятна родная степь, и на обширной ее равнине затерялся крохотный клочок пашни Даржи. Небогат урожай с такого поля, а работы много. Один полив сколько требует сил и времени... Трудно одному.

Больше десяти лет прошло, как они поженились с Хорлу, и с тех пор трудятся с птичьего рассвета до темной ночи. Но, как ни стараются, а жизнь бедняцкая не становится лучше. Даже в самые хорошие времена жена не имела возможности приготовить семью сытную еду.

Уже в сумерках подъехал Даржа к своей юрте, одиноко стоявшей среди тополей.

Привязав коня к дереву, он вошел в юрту. Вокруг затухающего очага серыми призраками сидели дети. Они были худы и бледны. Пятилетний Хеймер-оол первый вскочил и бросился к отцу с вопросом:

— Отец! Что привез? Зерно?

Сердце Даржи сжалось: «Они еще не ели сегодня», — подумал он и ответил сыну, стараясь придать своему голосу бодрость:

— Зерно, сынок, зерно. Но его надо прежде приготовить. Почему у вас огонь не горит? А где мама?

Он взял щипцы и стал поправлять угли в очаге.

Хеймер-оол был бойчее других ребят и всегда первый встречал отца, радуясь его приезду, будто не видел его целый год. Он ответил отцу:

— Мама пошла за телятами, а мы, сидим, не боимся!

— Молодцы! Хорошо что не трусите. А где Севек?

— За дровами пошел.

Хорлу долго не приходила, и Даржа начал тревожиться, не случилось ли с ней чего. Он собрался идти искать, но ребята стали уговаривать его неходить, так как им скучно одним. Даржа все же вышел и тотчас увидел Хорлу, которая подгоняла лениво шагавших телят.

Увидев мужа, она спросила:— Давно приехал?

— Нет, не успел еще и покурить. Как чувствуешь себя?

— Устала я, гоняясь за этими кайгалами. Далеко-далеко ушли, едва нашла их,— продолжала она, привязывая каждого теленка за ошейник к челе¹. А как дети?

— Ничего. Говорят, что не боялись без тебя.

— Эх, милые мои детки, весь день без еды сидели, проголодались бедняжки! И все из-за этих ухарей.

Она начала подпускать телят и доить коров.

Вечером, уложив детей спать, Даржа и Хорлу сидели у очага. Угасающий огонь слабо освещал их бледные уставшие лица. Хорлу осторожно, чтобы не рассердить мужа, спросила:

— Как идет у тебя работа? Пока стоит ясная погода заканчить бы косьбу...

— Да-а... Небо, видно, долго еще будет ясное,— охотно отозвался Даржа и закурил.— Ячмень я уже скосил, завтра начну пшеницу. За три дня думаю одолеть.

— Хорошо бы так получилось,— обрадованно воскликнула Хорлу. Даржа знал, что пшеница нынче плохая уродилась. Взошла она неровно, кружками, к тому же сильно заросла сорняками. Но чтобы не волновать жену, он с равнодушным видом сказал:

— Как бы ни было, а собрать все надо. А то у нас опять не хватит хлеба...— Он кивнул на торбу с просом:— Из падалицы намолотил... Хоть и немного, а все же будет нам большим подспорьем.

— Это хорошо. Для ребят хватит, пока дождемся нового хлеба. А там — видно будет.— Хорлу посмотрела на мужа и продолжала:— Вот ты в поле один работаешь, а я дома одна управляюсь, и заменить нас некому... Дети нам еще не подмога. Севек, разве, скоро подрастет — будет помогать. Но и он еще мал... Да, долго ждать от них помощи... Хертеки вот хорошо живут: работников у них своих много,— выросли ребята, помогают... Видела недавно жену Хертека — помолодела, веселая ходит...

Даржа молчал, только было слышно, как всхлипывала трубка. Ему понятно, почему жена вспомнила про Хертеков.

¹ Ч е л е — привязь для телят.

Они ведь были давнишние соседи, пока Хертек не вступил в колхоз. Даржа помнит, как Хертек уговаривал его идти вместе с ним в артельное хозяйство, доказывал, убеждал... Но он и слушать не хотел о колхозе. И потом, когда они изредка встречались, Хертек обязательно заводил разговоры о новой жизни, которой он уж что-то очень гордился...

— Двое — не сила. Скоро зима, трудно будет с детьми... — сказала Хорлу, вставая с места и принимаясь налаживать постель.

Даржа молчал. Он будто и не слушал жену, продолжал курить одну трубку за другой, и не мигая смотрел на серую золу потухшего очага. Не впервые ему приходится задумываться, как убрать урожай, пережить зиму, сохранить скот. Эти беспокойные мысли знакомы всем единоличникам-аратам, еще не поравшим с прежним укладом жизни. Раньше ему казалось, что стоит только преодолеть некоторые трудности и станет легче жить. Он от рождения был гордым человеком, — ни к кому не ходил за советом, ни у кого не просил помощи. Молча переносил невзгоды и лишения, надеясь, что упорный труд принесет, наконец, в их юрту счастье и довольство. А счастья все не было.

В последнее время Даржа все чаще задумывался над вопросом: почему его сосед Хертек, имеющий еще большую семью, живет лучше, чем Даржа, и почему он, Даржа, работая в поле с самой ранней весны до поздней осени, не может добиться достойной жизни? Ведь Хертек раньше жил в такой же нужде, как и Даржа, а потом он нашел какой-то правильный выход и теперь живет в достатке. А почему Даржа не может найти верной дороги?

Даржа начинал мало-помалу понимать, какую он сделал большую ошибку, не вступив в колхоз вместе со всеми. Из-за его ошибки никто не пострадал, кроме его самого и его семьи. Но ведь все это еще можно исправить, и тогда придет в его семью сытная, счастливая жизнь! Посмотришь на Хертека, какой он теперь веселый и бодрый, и дети его резвятся и жена всегда улыбается!

Если сходить к Хертеку, поговорить с ним по-соседски, поделовому? Может все легко переменить? А так, от дум, голова идет кругом, все мысли перепутались, завязались в узлы и одному трудно распутать их... От этих дум Даржа сильно изменился — стал неповоротливым, молчаливым. Знакомые давно уже не видели его веселым, смеющимся.

Удивляло Даржу, что Хертек каждый год получал от колхоза много зерна и денег. Удивлялся он и тому, что на колхозных пашнях урожай всегда бывает лучше, чем у единоличников, а самое удивительное для него было то, что колхозники строят дома и переходят в них жить. Вот и Хертек тоже живет

теперь в новом деревянном доме, а старенькая юрта его стоит во дворе,— в ней пищу готовят летом.

И вспоминает Даржа, как он жил в детстве, вспоминает своего отца, тоже прожившего всю жизнь в юрте среди серых тополей. Мысленно оглянувшись на свое детство, Даржа увидел себя мальчиком, увидел свою десятилетнюю сестру, которая была старше его на три года, увидел и своего отца, со-старившегося от непосильного труда и забот. Отец сильно то-сковал по умершей от болезни жене, рано побелели его волосы, и глубокие морщины пролегли на высоком лбу. Нелегко было ему растить и воспитывать сирот, для них одинок он жил и тру-дился, чтобы были сыты, обуты, одеты...

Много, очень много прошло времени, как умер отец, а Дар-жа и сейчас живет в такой же бедности. Было время, государ-ство ему помогло — наделило овцами и крупным скотом. Но не сумел он их сохранить и умножить: не заготовил из-за болез-ни кормов на зиму — и погиб весь скот. Видно, прав Хертек, говоря, что одному человеку бревна с места не сдвинуть, а артелью через реку легко перебросить.

В таком глубоком омуте тяжелых дум забылся Даржа не-спокойным сном. Утром, когда проснулся, жена спросила:

— Как думаешь, когда можно будет намолотить свежего хлеба?

Вопрос этот сильно отозвался в сердце Даржи. Ответил он не сразу.

— Это уж когда всю пшеницу уберу, а то она ведь осыпет-ся... Пока Даржа ходил за конем, Хорлу приготовила скучную еду. За чаем она спросила с надеждой:

— Не возьмешь ли в помощь сына, Севека, с собой? А я тут с малышами останусь. Севеку ведь интересно на народе по-быть. Он уже давно мне покой не дает, все просится на паш-ню, — говорит, что там, наверное, много ребятишек.

— Пусть тебе помогает, а когда молотьба начнется, тогда возьму.

— Думаешь, он тебе не поможет? Наш сын хороший, ста-рательный!

— Да, он молодец мальчик. Хоть бы рос скорее. Нынче ему в школу идти, вот и надо его готовить к этому. — Даржа улыб-нулся и нежно погладил по голове проснувшегося Севека.

Небольшие полоски посевов Даржи находились вблизи кол-хозных полей. Они, как маленький салик, затерялись в бес-крайнем море колхозных пашен. Даржа приехал на свое поле, когда кругом уже работали колхозники. Весело и шумно шла уборка хлеба, отовсюду слышались песни и рокот лоботреек.

Насколько охватывал взор, волновались от ветра обширные поля пшеницы и ячменя. На Даржу опьяняющее действовал смешанный запах созревших хлебов, клевера и полыни. Над полями тут и там поднимались жаворонки и пели радостные

звонкие песни, по оврагам и сухим арыкам перебегали выводки куропаток.

Даржа любил эту степную жизнь, наполненную голосами птиц и запахами трав, и всегда радовался, приезжая сюда. Он подъехал к своему полю, взглянул на пшеницу и сердце его сразу упало: вся полоса заросла сорняками, местами они были выше пшеницы... Он спешился и оставил пастись коня на приколе у канавы, где рос дикий клевер, взял серп и начал жать. Но серп был тупой и болыше вырывал пшеницу с корнем, чем резал солому...

Три дня жал Даржа. Сжато было уже порядочно, но вязать было некому. Приготовленные для снопов кучки пшеницы лежали на живье, ничем не защищенные от непогоды. «Эх, если бы помощников мне, скорее дело бы пошло...» — подумал Даржа, поглядывая на небо, где появились небольшие тучки.

* * *

Бригада Хертека за три дня закончила косьбу большого поля. Колхозники построили шалаш возле тока, вкопали столбы для навеса. Руководя бригадой, Хертек и сам работал вместе со всеми.

Колхозники вставали с зарей и в веселом настроении, дружно принимались за работу, что очень нравилось Дарже. У них работали на поле две жатки. Однако Хертек этим не довольствовался, он отрядил восемь силачей для косьбы косами. Они так быстро работали, что казалось будто действовали на пожаре.

— «Ох и лихо работает Хертек, видно побаивается дождя», — подумал Даржа, и сам опасливо поглядел на черные тучи, надвигавшиеся с запада. Даржа вдруг стало скучно на своем поле. Он с удивлением смотрел на слаженную работу колхозников, и ему невольно захотелось принять участие в их коллективном труде. Он почувствовал, что его упорство в желании сохранить свое маленькое хозяйство — пустая мечта, напрасный труд... Разве он не может работать и жить так же, как все люди, как его сосед Хертек? Конечно, может.

Засунув серп за пояс, Даржа направился к колхозному стану, чтобы поговорить с Хертеком. Еще издали он услышал его разговор с председателем колхоза Маскыром... Видно, председатель куда-то торопился ехать, — сидя на коне он отдавал распоряжения:

— Товарищ Хертек, вы здесь останетесь, а я еду в другую бригаду. Если понадобится, возьмите себе в помощь Очура и Дугера, а когда закончите, пришлите их к нам.

— Хорошо, товарищ Маскыр. А когда начнем молотьбу? — Хертек взял колос в ладони, потер его и, пересыпая из руки

в руку, стал отдувать мякину. Рассматривая крупные зерна пшеницы, Хертек радостно добавил:— Хорошее, почти совсем сухое зерно. Хоть сегодня можно молотить. Как золото!

— Это уж от вас зависит, товарищ Хертек,— сказал Маскыр и кнутом указал вперед.— Когда та бригада закончит молотьбу, все приедем к вам на помощь.

Маскыр тронул повод. Копыта коня зашуршали по живому, а хвост его, задевая высоко срезанные стебли, отлетал назад. Вскоре председатель скрылся за тальниками, стеной стоявшими вдоль канавы.

Даржа подошел к Хертеку и с уважением приветствовал его:

— Ууле бутсун,— удачи в работе, старина!

— А, сосед мой пришел. Привет, привет, эки! Ну, как твои дела? Закончил косьбу? Садись к костру. Будем чай пить.

— Работы еще много. И урожай невелик.

— Как же так? А почему наши хлеба урожайны? Вот я поеду в пшенице на коне, а ты меня и не увидишь в ней! Хороша уродилась в этом году пшеница! Косим ее стоя, и нагибаться не надо. Один раз махнешь серпом — и целая охапка!

Хертек с гордостью говорил о дружной работе колхозников.

— Хорошо, на совесть трудятся люди!— Урожай у нас с каждым годом будет все лучше и лучше.

— Да, действительно, урожай редкостный,— сказал задумчиво Даржа.— А как со сдачей зерна государству?

— А мы уже давно сдали, и даже сверх плана. В долгую перед государством не останемся, оно ведь дает нам машины.

— Сдали, говоришь? А этот вот хлеб кому достанется?— спросил Даржа, указав рукой на хлебные поля.— Это семенные запасы на будущий год, а остальное раздадим колхозникам на трудодни: кто сколько заработал, тот столько и получит полностью.

Даржа внимательно посмотрел на Хертека и подумал: «Сознательный стал. А каким был? Единоличником он каждый год опаздывал со сдачей зерна государству... А теперь хватается!..»

Как бы угадав его мысли, Хертек сказал:

— Ты ведь сам знаешь, как я плохо жил. Но в колхозе я всем обеспечен и о нужде только вспоминаю. Ну, а как твои дела со сдачей хлеба?

Даржа смущился. Что было ответить на этот вопрос, когда он еще не обмолотил ни одного снопа, и сам даже не пробовал свежего хлеба...

Хертек повторил вопрос. Даржа тяжело вздохнул и хотел было подробно рассказать ему о своем трудном положении, но Хертек заторопился идти, и Даржа только и успел произнести:

— Не молотил я нынче хлеба...

Погода стала резко меняться. С гор надвигались черные тучи. Потянуло холодом и сыростью.

Оставив Даржу, Хертек пошел к группе работавших колхозников и громко сказал:

— Ребята, съездите поскорее на телегах за соломой, надо навес закрыть. Пока вы ездите, я успею жерди наложить. Он взглянул на небо и быстро зашагал к высокому стогу.

* * *

Тяжело было на сердце у Даржи, когда он возвращался к своему костру. Работа не шла на ум. Когда наступил вечер, он положил седло с подветренной стороны у куста караганика и, развернув чепрак, лег лицом вверх и стал прислушиваться к голосам, доносившимся из колхозного стана. И молодые и пожилые вели там оживленные беседы, пели песни, иногда слышались взрывы веселого смеха...

Даржа напряженно слушал и мучительно распутывал узлы своих дум... «Чем я хуже Хертека, отчего он смотрит на меня свысока? Почему он хвастается колхозным добром, как будто он сам все это сработал, будто он хозяин всему? Да они, колхозники, все кажется, так думают, что они хозяева всего добра: и хлеба, и машин, и построек. Да, их много, а я вот, один...» Даржа попытался уснуть, но беспокойные мысли не давали покоя. «А если я вступлю в колхоз, могу ли я тоже быть там хозяином, как Хертек, как все остальные? А почему бы и нет? Ведь все колхозники были единоличниками, как и я... А если скажут:—«Ты поздно вступаешь, и у тебя много едоков, а работник ты только один...» Но ведь у Хертека было еще больше ртов, чем у меня, а его приняли. Теперь он бригадиром даже стал!.. И все так. Хорошо, пойду и я в колхоз...» С этой мыслью Даржа уснул.

Он проснулся, когда утреннее солнце золотило лучами вершины гор. Небо было ясное. Даржа вспомнил сон, который он только что видел. Будто он уже вступил в колхоз и стал соревноваться в работе с Хертеком. Ему было весело и радостно находиться среди большого коллектива, работать вместе со всеми. Он видел свою жену, которая счастливо улыбалась ему... Долго бы длился этот сон, если бы его не разбудил шум проходившего мимо трактора.

На колхозном току застремотала молотилка. Даржа посмотрел в ту сторону, немного подумал и решительно направился к колхозному стану.

Хертек еще издали увидел его и, приветливо встретив, дружески сказал:

— Ну, пришел? Вот и хорошо. Давно надо было так.

Оглянувшись вокруг, Даржа увидел доброжелательные лица колхозников и сразу почувствовал себя, как в родной семье.

Сергей ПЮРБЮ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

I

— Ты как думаешь, Кыргыс Мергенович? — спросил председатель колхоза у бухгалтера.

Бухгалтер подвинул счеты на край стола, лихо коснулся пальцами глянцевого черного уса и кашлянул очень серьезно.

— Берем карандаш, бумагу. Прикинем, сколько земли. Так? Дальше — стоимость материала. А здесь, — он провел по бумаге сверху вниз еще одну черту, — запишем, сколько будет пастбищ и для какого количества скота.

Председатель колхоза следил за рукой бухгалтера, державшего тонко отточенный карандаш, и вдруг решительно сказал, обращаясь ко мне:

— Так вы все равно ничего не поймете. Лучше съездить на место, в отару Доктур-оола. Верно говорю, а, Кыргыс Мергенович?

— Правда ваша, Самдан Делгерович, — отозвался тот, все еще черкая карандашом по бумаге.

Я был заинтересован: кто такой Доктур-оол? Что за странное имя у него? А главное, этот человек предложил довольно мудрую штукку.

— Если вам интересно разузнать все про Доктур-оола, пожейте вместе с Кыргысом Мергеновичем. Он едет на ревизию одной из наших ферм туда, в тайгу. Подбросит вас по дороге до места, а на обратном пути заберет, — посоветовал председатель.

Я с радостью согласился.

II

«Газик» был старый, на крыльях и радиаторе вмятины и пятна ржавчины, с виду колченогий, а внутри жесткий и тряский. Дорога петляла и скрывалась где-то внизу в долине. Ма-

шина подпрыгивала, переваливаясь с колеса на колесо, и не раз казалось, вот-вот упадет на бок.

Мы въехали на пригорок. Справа были складчатые серые горы, слева — длинные кряжистые сопки, покрытые кое-где реденьким леском. Машина свернула влево и помчалась по склону сопки. Чем дальше мы ехали, тем богаче становились травы, и скоро мы увидели настоящие зеленые волны, переливавшиеся от ветра.

— Ай да пастбища! — воскликнул я. — Это ваше, Кыргыс Мергенович?

— Наше-то наше. Но не используемое, — отвечает он, проводя указательным пальцем по усам.

— Неужели? Почему же? — удивляюсь.

— Летом без воды, зимой под сугробами. Нет пользы.

— Эк, жалость какая! И совсем невозможно использовать?

— Вот Доктур-оол, к которому вы едете, предлагает...

— Интересно, что же именно?

— Он говорит: вода есть на небе. Оно дарит нам осадочные воды. Что если собирать их в балках? Потом сюда колхозных овец пустим, сможем пасти их здесь и летом и зимой.

— Ну и как принимают его предложение?

— Долго спорили, обсуждали. Думаем, нынче в опытном порядке попробовать задержать воду в одной из балок.

— И если будет успех?

— Тогда полностью осуществим проект Доктур-оола. Наверное, будем держать воды в больших балках. Сделаем бетонированные котловины, соединим их трубами, а в самом низу будет главный котлован — корыто. Может быть, там и построим стан чабанской бригады...

Между тем вдали на обрыве у одной из сопок показалась одинокая юрта.

— Вон где живет Доктур-оол. Интересный человек. Вечно с чем-то думает, и не добьешься от него, — о чем. Потом когда-нибудь, если придется к слову, скажет. Жить не может, когда у него в голове нет какой-нибудь новой мысли...

Мы подъехали к юрте. Встретила нас женщина средних лет.

— А где ваши мужчины, угбай¹? — спросил Кыргыс Мергенович, здороваясь и разглаживая усы.

— Старик пошел за овцами. А Эрен-оол уехал в центр колхоза. Не попадался вам по дороге? — спросила хозяйка, отбрасывая назад седеющие, но довольно длинные косы.

Она растопила стоящий рядом с юртой очаг, поставила на него большую чашу.

— Нет, нам никто не попадался. Должно, направляясь поехал. Зачем он поехал, угбай?

¹ У г б а й — сестра, обращение к старой женщине.

— Сегодня день рождения доктора. Кажется, так. Наверное, с подарком поехал. Каждый год так делает.

— Стало быть, важное это дело для него. Ну я, верно, не дожусь свежего чая. Спешу. Жду на ферме в Кара-Хеме,— сказал бухгалтер, попил остывший чай и стал прощаться, пообещав напоследок, что завтра за мной заседет.

III

Пока варился чай, я осматривал обстановку юрты. На дore,— почетном месте, противоположном двери,— стоят два аппарата,— старинных сундука, расписанных узорами красного цвета. На одном из них друг на друга были положены два чемодана. На другом — лежали книги. По обе стороны от этого места стояли кровати, и возле одной из них шкаф-буфетик, возле другой расшитые орнаментом барбы,— старинные мешки из кожи.

Осматриваю книги. Замечаю «Гамлета» и «Как закалялась сталь»,— создания двух абсолютно противоположных эпох. «Хозяин, видимо, сличает эти разные характеры, чтобы выработать свой, новый, небывалый и по благородству и по мужеству»,— подумалось мне.

Хозяйка вошла в юрту, поставила чайник и пиалы на маленький столик, который, как я успел заметить, был раскладной, его легко можно сложить и спрятать в мешок или на выручить на лошадь. Она подставила к столу две, такие же раскладные табуретки с сиденьями, покрытыми брезентом.

— Какие удобные вещи!— не удержался я от похвалы,— где вы приобрели этот стол и табуретки?

— Эрен-оол заказывал в колхозной столярной. Очень пригодны нам для кочевки,— ответила женщина.

После угощения она вышла с ведрами. Как видно, по воду. Не сиделось в безлюдной юрте и я тоже вышел. Солнце село в горы. Золотистые лиственницы, красные бузины, густозеленые пихты и ели подставляли свои макушки его последним лучам. Напротив, в конце лощины, у скалы росли три развесистые ивы. Оттуда шла женщина, и в ее ведрах плескалась изумрудная родниковая вода.

Судя по всему, место, где стояла юрта, было не обжитое. Коновязь сделали недавно, на ней виднелись свежие следы топора, мало вокруг навоза.

— Раньше тут не стояли юрты? — спрашиваю у женщины.

— Говорят, жил тут бедный кузнец по имени Кара-Дарган, было у него пять-шесть коз. Юрта его стояла здесь и летом и зимой. Состарился он и помер. С тех пор никто не живет. Воды не хватает для стада. Родничок маленький, выбьется, не пропадет и двадцати шагов, как исчезает в грунте. Поэтому название — Прерывчатый Ключ.

— Где ж вы овец поите?

Летом сын натворил шума. Добился, что ему привезли досок и тут соорудили корыта. В них накапливается вода. Так и поим овец. А травы здесь хорошие. Наверно, видели.

Я поспешил к роднику. Возле него земля была изрытая, рыхлая. Дно балки очистили, залили цементом, сделали желоба, по ним вода струится прямо к корытам. Наполнится верхнее корыто, вода через него хлынет дальше, к нижнему, заполнит и его, и потечет к следующему корыту, в землю не уходит...

Про себя я отметил: вот откуда явилась идея собирать осадочные воды в балках. Прав Кыргыс Мергенович,— Доктор— он все время, видать, думает, а когда что-то придумает, скажет. Пока я так размышлял, с гребня балки показалась отара овец.

Овцы сплошной живою массой, шумно дыша и блея, устроились к водопою. Какой-то человек на сером, в яблоках, коне, тихо ехавший позади стада, спешился у коновязи. Две собаки, одна лохматая, черная, как клубок, другая — длинная, серая и без всяких признаков шерсти, побежали по разным сторонам балки, легли на возвышении, высунув языки и всем своим видом показывая, что они начеку.

Спешившийся человек был невысокого роста, с пучковатой бородой, и хотя борода его уже начала белеть, оказался очень бодрым, к тому же веселым и добродушным собеседником.

— Откуда пожаловали, куда путь держите? — спросил он, когда я вслед за ним вошел в юрту.

Я рассказал, откуда и зачем приехал.

— О-о, да! Не туда пожаловали вы, дорогой! Что сможете у меня для газет и книг взять? Ничего.

— Но ваше предложение задержать осадочные воды в балках? Это же новое дело! Разве это пустяки?!

— Меня это дело не касается.

— А кого же касается тогда?

— Спросите у нашего сына Эрен-оола. Быть может, он расскажет...

— Чудно, — с удивлением сказал я. — Кто же, в таком случае, будет Доктор-оол? Где он, как его найти?

— А-а, — протянул мой собеседник. — Так прозвали нашего сына. Люди привыкли к этому прозвищу и почти никогда не зовут его по имени. — Он громко засмеялся.

— Вот как! — опешил я. — За что же его прозвали, а?

— Это целая история, — ответил он, глядя в открытую дверь юрты.

IV

— Жили с женой мы в ладу, и любовь наша не убывала. Но долго нам не было счастья. Дети рождались у нас и вскоре

умирали. Страшные болезни бедных детишек косили. Не было в наших кочевьях тогда докторов.

Звали на помощь мы лам и шаманов. Их умоляли, в дар ничего не жалели, только б не помер малютка, наша кровинка. Любовью своей защищали от смерти. Все, что советовал лама, шаман ли, до тонкости все, все обряды и молитвы старательно совершали. Только все бесполезно. Троих детей схоронили.

И жили вдвоем, одинокие, точно два сухих караганника. Наконец, еще появился на свет у нас сын.

Был всего ему один год, когда и он заболел.

— Не было даже и года, — перебила его жена, — родился осенью, а заболел следующим летом, — уточнила она.

— Да, да, не было и года. Не брал грудь, все плакал и плакал. Ну что умели, мы делали. Успокаивали, качали его, то я, то она. Не спим, не едим. А сыну от этого не легчало.

Невмоготу стало видеть его мучение. Начали мы с женой совет держать. Тогда у нас в сумоне только что больницу открыли.

— Доктор попалась тувинка. Молоденькая такая. Ей не верили. Редко кто-нибудь обращался к ней. Люди верили ламам и шаманам, — вставила его жена.

— Да, было так. Думали мы и говорили, и опять думали. Решились все-таки пригласить доктора, показать ей нашего сына. Но мои родители и слышать про это не хотели, ругали нас на чем свет стоит, перестали ходить к нам в юрту.

Я сел на серого коня, взял еще гнедого и поехал за доктором. Больница находилась в том месте, где сейчас центр колхоза. А отец мой поехал в верховье Кара-Хема за ламой.

Приехал я в сумон, спросил доктора. Мне указали на небольшой домик. Внутри его разделяла дощатая стенка, на одной половине жила сама доктор, на другой лечила людей. Я увидел плотную девушку с загорелым лицом, с длинными волосами, и не поверил, что это и есть доктор.

Ну рассказал, зачем приехал. Она расспрашивала о состоянии сына и, торопясь, собиралась в дорогу. А мне казалось, что она очень долго готовится.

«Садитесь, доктор, — говорю, — на этого гнедого со звездочкой на лбу, он покорнее». «Лишь бы был сильный, акый¹, а покорный или непокорный, до этого дела нет», — ответила она и проворно прыгнула в седло.

— Отец приехал раньше его, — снова вмешалась хозяйка. — Привез Қалға-Хелина. Лама пощупал пульс у ребенка, почитал в своей книжке, и говорит: «Не по-божески вели вы себя, дурное сделали против нашей веры. Бог на вас гневается. Свершилась его кара...»

¹ Акый — брат, обращение к старшему мужчине.

— Да, да. Прискали мы с доктором, а лама в юрте сидит, нахохлился и ударяет в малый барабанчик. Старики мои у его ног лежат, молитвы бормочут, а жена сидит ни жива, ни мертва, голову набок свесила и словно окаменела.

Докторша спрашивает: «Где больной?» Все молчат. Да я и сам не нахожу сына. Вижу у дверей что-то накрыли телячьей шкурой. Подошел, откинул шкуру — сын! Ужас сковал меня всецело. Старики читали молитвы, собираясь похоронить ребенка. Так им велел лама.

Доктор сразу пошла к мальчику. Пощупала пульс, приложилась ухом к его груди, подняла, потрясла его, начала двигать то его ножки, то ручонки. Старики мои и Калга-Хелин повскакали со своих мест, ругаются, проклинают нас, что есть мочи.

Девушка взглянула на меня. «Воды холодной!» Не чая ног, побежал я к ключу, принес воды. Вижу, у сына капелька пота на лбу, губы шевельнулись. Девушка взяла тонкую материю, намочила водой, на лоб ему положила. Через некоторое время ребенок открыл глаза. Обрадовался я, слезы полились так сильно, что сам чуть не захлебнулся. От счастья молюсь доктору.

Она всю ночь сидела с ребенком, пеленала его, сделала укол. Лама тоже всю ночь не уходил из юрты родителей. Шумел, ниспосыпал на наши головы проклятья. Когда начало всходить солнце, мы подготовили доктору постель и с большим трудом уговорили ее лечь спать.

Ребенок сосал молоко матери. Лицо его порозовело. Потом он уснул.

— Доктор пять дней не отходила,— сказала его жена,— лечила, ухаживала, и уехала лишь тогда, когда наш сын почти совсем выздоровел.

— Да, да. Зовут доктора Эремаа. В честь ее назвали мы сына Эрен-оолом. Такая это история.

— А ваш отец? Как он это пережил?— спросил я, молча дослушав все.

— О, старик сразу переменился. Поссорился с ламой, рас прощался с ним навсегда. Зарезал самого лучшего своего барана, угостил доктора и сам доставил ее обратно в сумон. А внука, по старому обычаю не называя доктора по имени, прозвал Доктур-оолом.

— Вы вот говорили про новое начинание,— продолжал он, повернув ко мне свое добродушное, улыбающееся лицо,— вот какое было новое начинание в моей жизни. Возможно, это для вас пустяк, но в то время это было очень ново.

Мы оба улыбались.

— Значит, ваш сын сегодня отмечает день рождения своего доктора?

— Да. Не только он один, а весь колхоз.

— Конечно, весь колхоз,— тепло проговорила его жена.— Ради здоровья людей она не считается ни с морозом, ни с расстоянием, ни с опасностью для своей жизни.

Надолго я задумался над словами супругов.

V

Утром следующего дня, проснувшись, я обнаружил, что хозяина юрты уж нет, он отправился за овцами. Помылся я в журчащей и ледянистой струе родника, текущей в корыто. Потом, взойдя на сопку, встал лицом против приятного ветра.

Мне очень не хотелось уезжать, не повидав Доктур-оола. Встреча с ним многое бы мне дала, можно сказать, обогатила бы меня. Думая так, я вернулся к юрте. У конювази стоял конь. Зашел я в юрту и сразу увидел парня лет двадцати с продолговатым светлым лицом, рослого и ладно сложенного.

— Эрен-оол,— назвался он, здороваясь со мной за руку.

— Хорошо, что вы приехали,— обрадованно заговорил я.

— Председатель колхоза сказал, что вы здесь, ну я и поехал ночью,— спокойно сказал он. А я представлял его небольшого роста, как отец, беспокойным подвижным человеком.

— Меня интересует ваше предложение,— еще более ожидался я.— Вы сами-то крепко верите в него?

— Значит, вы слышали об этом. Может, вам наговорили слишком много сомнений?— серьезно, с каким-то внутренним беспокойством взглянул он мне в глаза.

— По-моему,— сказал я,— правильнее было бы вначале испробовать, провести эксперимент, а потом... Впрочем, вы имеете возможность переубедить меня, если я не прав.

— Нечего тут пробовать,— горячо заговорил Эрен-оол.— Весной я подсчитал количество воды в Среднем Логу, измерил все пастбища Кряжистых сопок до последнего гектара. Почему обязательно только пробовать? Так убьем еще один год.

Голос его был твердый, уверенный. Он достал из кармана записную книжку, показал мне листки, на которых были расчеты осадочных вод и маленькие чертежики труб и котлованов.

— Что вы кончали, товарищ Эрен-оол?— поинтересовался я.

— Десять классов.

— И все?

— Нет. Учусь заочно в сельхозтехникуме. На отделении зоотехнии. Нынче перешел на последний курс.

— Стало быть, в будущем году вы зоотехник?

— Да. Но останусь все же чабаном.

— Почему?— спросил я.

— Подумайте только, как организовано наше овцеводство! Где у нас механизация? Применяем ли опыт передовиков, открытия науки? Нет. Считаем невозможным применить все это

в наших условиях. Работаем, как деды наши, как прадеды. Все по старинке.

Я молчал, слушая и все больше понимая, как глубока мысль у этого юноши.

— Сами подумайте, продолжал он, — сможет ли работать незнающий, неподготовленный человек, если поставить его к станку? Вот так же должно быть и в овцеводстве. Всякий, кто взялся за это дело, обязан знать основы зоотехнических и ветеринарных наук, применять все передовое на практике. Тогда овцеводство наверняка станет другим.

Я внимательно и зорко всматривался в молодое, еще безусое лицо Эрен-оола. Передо мной вставал образ не безвестного чабана в одинокой юрте среди сопок, а творческого участника наших больших государственных дел.

СОСЕДИ

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Борбаяк — 54 лет. Колхозник, возчик.

Саарбай — 48 лет. Его жена.

Кудер — 24 лет. Только что окончивший учебу зоотехник.

Калбаяк — 56 лет. Старший конюх колхоза.

Шуружук — 50 лет. Его жена.

Салбактай — 22 лет. Их дочь, доярка.

Анай — 18 лет. Почтальон.

Председатель колхоза.

В зале гаснет свет. За сценой слышна девичья песня:

Почему я раньше не знала тоски,
Всегда веселая, беззаботная была?
От чего теперь потеряла покой,
Тревога и грусть мучают меня?..

С одной стороны сцены, ведя велосипед, перед занавесом выходит Анай. Останавливается, смотрит вдаль, в противоположную сторону.

Анай (одна). Да, это, кажется, дел Борбаяк. Да, он. (*Кричит, размахивая рукой.*) Э-эй! Дедушка-а! Постойте, постойте!

Голос за сценой. Чего тебе? Чего надо?

Анай (вынимает из сумки конверт, высоко подняв его над головой, снова кричит). Вам письмо, письмо!..

Небольшая пауза. Стук приближающейся телеги.

Голос за сценой. Тпр-ру, тпр-у! Ух, и кони! Убить могут, очень даже запросто! Стойте же, дьяволы! Чисто взбесились!.. (*С противоположной стороны выходит Борбаяк в мятой соломенной шляпе, с длинным бичом в руке.*)

Анай (смеясь). Что вы говорите, дедушка, они же у вас, как волы, еле двигаются!

Борбаяк (недовольно). «Как волы!» Скажет тоже. Видишь, что сделали с руками? (*Хотел показать ладони, но быстро прячет их в карман.*) Всю кожу содрали, руки стали, как ободранные козлята! Это же не кони, а птицы! Орлы! Во всем колхозе нет таких!

Анай (продолжая смеяться). Дедушка, давай поспорим. Вы не догоните моего велика. Ну, держите пари! Идет?

Борбаяк. Можно и поспорить. (*Немного подумав.*) Вот что, Анай, если ты на своем велике не догонишь меня, мы тебя выдаем замуж за Кыйбаара. Идет?

Анай (делая вид, что рассердилась). Тогда не отдам вам письмо, отвезу обратно на почту. (*Собирается уйти.*)

Борбаяк (забеспокоившись, уговаривает). Постой, дочка, постой. (*Ухватившись за велосипед.*) Пошутил, дочка, пошутил, милая. Разве можно обижаться на шутку? Давай, где письмо. Ты ведь замечательная, умная девушка.

Анай (поворнувшись, прячет письмо за спину). Еще будете так говорить? А?

Борбаяк (принимает смиренный вид). Больше никогда не буду, моя Золотая царевна. Прошу вас, будьте так добры, соизвольте отдать мне письмо. (*Делает церемонный поклон и протягивает обе руки.*)

Анай (с важностью). В таком случае, придется отдать. Пожалуйста, соблаговолите принять. (*Отдает письмо, отвернувшись, гордо поворачивает голову, одной рукой ведя велосипед и помахивая другой, уходит.*) До свиданья, до свиданья!

Борбаяк (машет кнутом, будто грозя). До свиданья, до свиданья! (*Себе.*) Ишь ты, «до свиданья!» Подумаешь, принцесса! А ну-ка, посмотрим, откуда эта бумага. (*Держа перед собой на вытянутой руке, читает по слогам адрес на конверте.*) Ком...ком...ком-му-низма... (*Досадливо чешет голову.*) Чего это такое «коммунизма?» (*Думает некоторое время и, догадавшись.*) А-а, вон оно что! Ясно, это же название нашего колхоза: «Путь коммунизма!» (*Продолжает читать.*) Бо...бор...бор-ба... Борба... (*Думает и, ударив себя по колену.*) Ах, вон оно что! Значит, выходит это Монгуш Борбаяк. Стало быть, эта бумага мне, Монгушу Борбаяку. Ну и почерк! Как курица нацарапала. Уж не могли написать как в книгах пропечатано. Ну, тут удивляться нечего. Не

всякий так сможет написать. Даже я с трудом пишу свое фамилие (*стоит в раздумье*). Придется ехать обратно. Старуха разберется там. Может быть, эта бумага какая-нибудь важная и срочная. (*Уходит за занавес, откуда слышится его голос: «Но-но! Это не кони, а черт те что. Шевелись, лодыри! Щелканье кнута и стук отъезжающей телеги.*)

Открывается занавес. Открытая веранда дома Борбаяка. Справа угол забора с калиткой. Слева перед верандой скамейка. На веранде за столом разговаривают Саарбай и Шуружук.

Саарбай. Значит, собираете дочку? Уж, наверно, хватает хлопот?

Шуружук. Хватает, хватает, девка. Ведь не к соседям едет. Но Салбаккай мало горя. Все бегает туда-сюда. Давеча с председателем в район полетела. Ничего не сказала, зачем ей туда понадобилось ехать.

Саарбай. Не может быть! Надо хотя бы приличное платье купить. Среди чужих людей будет. И почет-то какой!

Шуружук. Ах, девка, до этого ли ей! Все бегает, как угорелая: то к председателю колхоза, то в комсомол, то на ферму, то еще куда-нибудь. Она даже не слушает, когда говорю о нарядах, говорит, что в городе купит.

Саарбай. Может быть, она и права. В городе-то по-другому одеваются, не так, как у нас.

Шуружук. Уж не говори, девка. И у нас есть что надеть. Каких только платьев нет тут: и сатиновые, и ситцевые, даже шелковые есть. Хочу одно платье купить в сельпо. Пойдем-ка, Саар, помоги присмотреть.

Саарбай. Как же без нее можно?

Шуружук. Почему же это я не могу? У меня глаз нет, что ли?

Саарбай. Я слышала от учительниц, что у каждого человека бывает свой номер, и одежду покупают по этому номеру.

Шуружук. До сих пор никто никакого номера не спрашивал, и она носила все, что я покупала или шила сама.

Саарбай. Раньше было другое дело.

Шуружук. А что случилось теперь?

Саарбай. Салбаккай сейчас стала уже взрослой, поэтому пользуется. Теперь ей нельзя носить что попало.

Шуружук. Пожалуй, ты права, девка. И еще в такое место едет.

Саарбай. Она завтра уезжает?

Шуружук (*спохватившись*). О, боже ты мой! Ведь совсем забыла, девка!

Саарбай. Что забыла-то?

Шуружук. Старик, будь он неладен, вздумал проводники устроить дочке. Право, не знаю, что и делать.

Сарабай. Как же иначе? По-моему, он прав.

Шуружук. Да что ты, девка? Ведь не навеки уезжает, какие тут проводины? Зачем, думаешь, он это затеял? Будь он неладен, чтоб лишний раз выпить. Жаден он до горького.

Сарабай. Да, как сказать. Вот мой Борбаяк — это действительно бочка.

Шуружук. Вот, ведь, опять забыла, девка! Зачем, думаешь, я к тебе-то зашла? Заходите вечерком к нам. Посидим уж. Вот зачем я заходила. Пойду. (*Встает.*)

Сарабай. Если старик не поздно вернется, придем как нибудь.

Шуружук (*недовольно*). Какая беда, если даже поздно вернется? Ведь, соседи же! И не говори, девка, глупости! Мой-то как дружит с твоим? Как только немного выпьют, так и пошло у них: «Сват, сватушка!» (*Изучающе смотрит на Сарабай.*)

Сарабай (*смеется*). Кто знает. Может, и не зря шутят?

Шуружук (*заинтересованно*). В самом деле, девка, может, так и получится. (*Снова садится.*) Ведь он скоро должен приехать?

Сарабай. Да, он нынче заканчивает. (*Вздыхает.*) Да, вот что-то давно нет от него вестей. Я не знаю, что и подумать.

Шуружук (*наклонившись, громко шепчет*). А может быть, девка, он того... уже... запутался...

Сарабай (*не понимая*). Как это, запутался?

Шуружук. Очень даже просто. Нынче молодые люди как пройдут науки, бросают своих родителей и начинают бродить по белу свету. У Карактая сын-то тоже пошел бродяжить.

Сарабай. Пойдем, я тебе прочту последнее его письмо. Там даже намека нет на что-нибудь такое. Он там про вас тоже спрашивал. (*Поднимается, идет в дом.*)

Шуружук (*тоже встает, идет за ней, вдруг останавливается*). Постой, девка, постой. Я, ведь, пошла гостей звать. Дома тоже ничего не приготовлено.

Сарабай. Да ты не беспокойся, я приду, помогу тебе пострипать. Прочитаем письмо и пойдем. (*Уходят в дом.*)

Звук подъехавшей телеги. Через калитку входит Борбаяк. Поднимается на веранду. Положив на стол шляпу и кнут, садится. Вынимает из кармана конверт, распечатав его, принимается за чтение. Досадливо махнув рукой, кладет письмо на стол.

Борбаяк (*громко*). Эй, старуха, эй! Ты дома? А ну, быстро сюда! Быстроенько!

Саарбай (*испуганно выбегает из дома*). Что случилось? Ты почему вернулся? Что-нибудь случилось? (*Шуружук тоже выбежала и из-за спины Саарбай смотрит на Борбаяка.*)

Борбаяк (*Шуружук*). Здравствуй, соседушка! Добрый день, сватушка!

Шуружук. Да, в уме ли ты? Мы же утром виделись с тобой и здоровались.

Саарбай (*продолжая волноваться*). Я спрашиваю, что случилось?

Борбаяк. Ничего не случилось. Все в порядке. Только вот какая-то срочная бумага нам. Вот и вернулся.

Саарбай. Какая бумага? Откуда?

Борбаяк. Писал какой-то малограмотный писарь. Не мог разобрать. Очки тоже остались дома. (*Подает письмо.*) На-ка, прочти.

Саарбай (*читая письмо*). Что ты выдумываешь? Пишет же малограмотный писарь, а сын наш (*продолжает читать*).

Борбаяк. Наш сын? Кудер, да? То-то же, слишком заковыристо накручено было. Конечно, если бы очки были при себе, я бы сразу разобрал, что к чему. Ну, что там бормочешь про себя, как неграмотный лама? Садись сюда, читай громче!

Саарбай (*садясь к столу*). Разве здесь место кнуту и шляпе? Сколько же тебя надо учить порядку?

Борбаяк. Я не на огороде у тебя в бригаде работаю. Я возчик, у меня свое начальство есть. Ты вон, на Шуру можешь кричать. Поэтому ты мне свою власть не показывай. (*Кнут и шляпу вешает на вешалку.*)

Шуружук. Задержалась я у тебя, девка. Как я сказала, приходите вечером. (*Собирается уходить.*)

Борбаяк. Постой, постой! Что за странный разговор у вас? Что за свидание?

Шуружук. Дочку провожаем. Старик просил вас обоих пожаловать к нам. Вот приходила к вам за этим.

Борбаяк. Спасибо на добром слове. Хорошее дело задумали. Непременно придем. (*Льстиво.*) Хороший мужик Калбаяк! Сердечный человек. Видишь, не забыл пригласить меня. Придем, сватушка. Как же не прийти.

Шуружук. Будем ждать. Пока. (*Уходит.*)

Саарбай. Вот слушай, что пишет сын. (*Читает.*) «Дорогие родители, отлично закончил учебу...»

Борбаяк. Как же иначе? Молодец! Это же мой сын! (*Стукнув себя в грудь.*) Монгуша Борбаяка!

Саарбай. А ты сиди и слушай. (*Продолжает читать.*) «Направляют в наш район. Пока придется поработать в районном центре...»

Борбаяк (*подскакивая на месте*). Как же иначе? Такому ученому человеку нечего делать в колхозе. Верно! Молодец!

С а а р б а й. Не перебивай, пожалуйста! (*Читает дальше.*)
«Но в районе буду просить, чтобы перевели меня на работу
в родной колхоз...»

Б о р б а я к. Нет уж! Из этого ничего не выйдет!

С а а р б а й. Почему ты так думаешь?

Б о р б а я к. Он будет самым ученым человеком в районе.
Раз это так, то его сюда и не пустят.

С а а р б а й. Откуда ты знаешь? Ведь некоторых людей,
наоборот, в деревню посылают.

Б о р б а я к. Сравнила тоже! Это же тех людей посылают
в деревню, у которых учености не хватает, чтобы в городе ра-
ботать. Нашего Кудера не пошлют сюда. Теперь нам лучше о
себе подумать.

С а а р б а й. А что нам думать о себе?

Б о р б а я к. Кудер теперь нас тут не оставит, увезет нас с
тобой в район. Как ты думаешь?

С а а р б а й. Что ты мелешь? Что нам делать в городе?
Ни в какой город я не поеду!

Б о р б а я к. Дел там много. Найдется чем заняться. На-
пример, пойдем мы с тобой гулять по городу этаким манером,
чинно-благородно. Пойди-ка сюда, я тебе покажу. (*Подходит
к жене, неумело берет под руку, та упирается.*) Люди будут
говорить друг другу: «Смотрите, это идут родители нашего
начальника Кудера». Другие снимут шапки и с уважением
поклонятся нам. Ну как, старуха? Нравится тебе такая
жизнь?

С а а р б а й. Я и не подумаю ехать туда! Хочешь сам ез-
жай и гуляй там чинно и благородно. (*Вырвавшись из рук
мужа, сердито.*) Да, ты никак пьян? Ах, ты злодей такой!
Когда это ты успел напиться, старый черт?

Б о р б а я к. Ты что, старуха? Кажись, я не подымал бо-
кала, и повода к тому не было. Вечером у Калбаяка, может
быть, удастся чарку, другую выпить.

С а а р б а й (*наступая*). Ну-ка, дыхни!

Б о р б а я к. Не только дых, даже щеки мои можешь по-
нююхать. (*Подставляет щеку.*) На, понюхай. Ну, чего стоишь?
Я уже устал.

С а а р б а й (*махнув рукой*). Ну, ладно уж, не дури, сата-
на старый. Лучше езжай, давай, в бригаду. Ждут, ведь люди.

Б о р б а я к. Торопиться некуда. Делать все равно нечего.
Тракторы стоят.

С а а р б а й. Отчего же они стоят?

Б о р б а я к. Сайлыт-оола, Автол-оола и многих других
ребят нет. Бригадира видел. Он поехал за ними в город. Без
них никто не может заставить тракторы работать.

С а а р б а й. Это что за ребята такие? Я что-то не помню
таких.

Б о р б а я к. Откуда тебе ведать про них. От жизни отстаете, техники не знаешь.

С а а р б а й. Ты-то знаешь?

Б о р б а я к. А как же? Думаешь, не знаю? Знаешь, кто такой Сайлты-оол? Сайлты-оол... Сайлты-оол это... ну, как его... (*Некоторое время мучительно думает, потом ожесточенно машет рукой.*) Да на что он тебе дался? Лучше чашку чая дай. Все горло пересохло. С утра ничего не пил. (*Саарбай уходит в дом. Через калитку входит Анай.*)

А н а й. Вам телеграмма, дедушка.

Б о р б а я к. Телеграмма? Что за штука такая?

А н а й. Ну, срочная бумага. (*Протягивает телеграмму.*) Распишитесь вот тут. (*Дает карандаши и бумагу.*)

Б о р б а я к (*не решаясь подписать*). А зачем это еще надо расписываться?

А н а й. Просто порядок такой. Чтобы было видно, что бумагу вы приняли. Распишитесь вот тут. (*Показывает.*)

Б о р б а я к. Ну, что ж, коли порядок такой, придется расписаться. (*С трудом выводит подпись.*) Вот все. А теперь иди-ка сюда. (*Ведет в один из углов веранды.*) У меня секретный разговор с тобой имеется...

А н а й (*стараясь убежать*). Опять смеяться будете?

Б о р б а я к (*преграждая ей дорогу*). Нет, нет, Анай. Видит небо! Совершенно серьезно. Очень важный вопрос. (*Анай останавливается.*) Ты не знаешь ли, Анай, Сайлты-оола в тракторной бригаде? Вместе с Автол-оолом работает.

А н а й. Солидол?

Б о р б а я к (*обрадовавшись*). Да, да! Я ведь знал его. А вот забыл. Вспомнить не могу.

А н а й (*направляясь к выходу*). Это, дедушка, не человек, а машинное масло. До свидания! (*Убежала.*)

Б о р б а я к (*махнув рукой*). Эта тоже не знает. Эх, отсталость наша! (*Вслед убежавшей Анай.*) Сама ты машинное масло! (*Рассматривает телеграмму.*)

С а а р б а й (*выходит с чайником и чашкой*). Видела девушки с почты. Зачем она приходила? (*Ставит чайник на стол.*)

Б о р б а я к. Пришла срочная бумага. Телеграммой называется. Очень важная штука. Под расписку вручают.

С а а р б а й. О чём эта бумага?

Б о р б а я к. Пить хочу, чуть не помираю. На-ка прочти, а я чаю попью. (*Наливает чай.*)

С а а р б а й (*прочитав телеграмму*). Которое сегодня число?

Б о р б а я к. На что тебе это понадобилось?

С а а р б а й (*с нетерпением*). Скажи, которое сегодня число, не тяни ради бога!

Б о р б а я к. Спокойно, старуха, спокойно! Этак испугате можно человека. (*Немного подумав.*) Вроде двадцать восьмое. Или... Дай-ка, сосчитаю. (*Считает на пальцах.*)

С а а р б а й (*в сильном волнении*). Двадцать восьмое?! Значит, он сегодня приедет!

Б о р б а я к. Кто приедет? Куда приедет?

С а а р б а й. Наш сын! Кудер!

Б о р б а я к. Откуда ты это узнала? Кто тебе сказал? Дудки, меня не проведешь! Ишь ты, пророчица какая выискалась!

С а а р б а й (*трясет телеграммой*). Вот, вот! В телеграмме сказано!

Б о р б а я к (*с удивлением*). О, небо ты мое! Вот оно что! Эта бумажка и предсказывать может! Значит, почтальон не даром расписку требовала. А говорят чудес не бывает.

С а а р б а й. Какие тут могут быть чудеса? Что ты глупости говоришь?

Б о р б а я к. Тогда что же ты говорила: «Сегодня приедет! Сегодня приедет!» Сама ты глупости болтаешь!

С а а р б а й. Эх, ты! Эту же телеграмму наш Кудер писал. Вот видишь, он пишет: «Ждите, приеду двадцать восьмого».

Б о р б а я к (*наконец поняв*). Стало быть, он может сию же минуту приехать? Вот, ведь, какая беда! Ну, надо что-нибудь постряпать! А ты не дашь ли мне немного денег? Хоть и сын, а все-таки начальник. Надо встречать с полным почетом.

С а а р б а й. Магазин не убежит, он на месте стоит. Хотя бы переоделся. Или хочешь встретить сына в таком ужасном виде? Вот это будет почет! Ну, чего тут торчишь, как пугало? Иди, переоденься, потом уж будешь бегать по магазинам, а я пойду что-нибудь приготовлю. (*Уходит в дом.*)

Б о р б а я к (*идет за женой*). Ты права, старуха: Конечно переоденусь. Не успеешь мигнуть, я буду готов. Ты уж поторопись с закуской. Пока ты собираешься на стол, я успею провернуть основной вопрос. (*Оба уходят в дом.*)

Закрывается занавес. Пауза. С одной стороны сцены перед занавесом, разговаривая, выходят Кудер и Салбаккай, держась за руки.

К у д е р. Если не сумеют наладить машину, что же нам делать? Неужели пешком придется добираться?

С а л б а к к а й. Тут недалеко бригада убирает сено. Дойдем до них, а там лошади найдутся.

К у д е р. Салбак, давай пойдем вперед. Они наладят машину и догонят нас.

С а л б а к к а й. Не надо, Кудер. Они будут ждать нас или станут искать. Давай лучше посидим тут. (*Садится на возвышение.*)

К у д е р. Ладно. Посидим. Где могла затеряться телеграмма, которую я тебе отправил?

Салбаккай. Понять не могу. Анай очень аккуратно разносит почту.

Кудер. Ну, ладно. А как ты догадалась встретить меня?

Салбаккай. Как ты написал, что будешь работать в районе, что-то странное произошло во мне. Никак не могла понять, что же, собственно, случилось. Чего-то не стало хватать. Одно было понятно, что с тобой долго не увижуся. Днем председатель колхоза стал собираться в район. Не вытерпела и поехала с ним. Вот и все.

Кудер. А теперь как себя чувствуешь. Не волнуешься уже?

Салбаккай. А ты не замечаешь?

Кудер. Да, да, Салбак, не нужно было спрашивать. И у меня, знаешь, странное состояние. Я очень рад нашей встрече, в то же время что-то огорчает меня.

Салбаккай (*испытующе смотрела на Кудера*). Действительно странно. А что тебя огорчает? Скажи.

Кудер (*сев рядом с Салбаккай*). Радуюсь, что ты встретила меня. Еще больше радуюсь, что ты едешь в Москву, на Выставку.

Салбаккай. А что тебя огорчает?

Кудер. Не знаю, как это сказать. Едва ли я сумею объяснить тебе это.

Салбаккай (*заметно похолодев и чуть отодвинувшись от Кудера*). Все-таки? Ты постараися, объясни. Я не обижусь. Ты только не скрывай... Мне надо знать...

Кудер. Ты, кажется, не так поняла меня. Это такая мелочь, что даже не стоило бы говорить.

Салбаккай. Все-таки? Кудер, это не любопытство. Между нами все должно быть ясно. Не так ли?

Кудер. Конечно, Салбак. Видишь ли, мы еще не успели поговорить, как вдруг опять расстаемся.

Салбаккай (*просияв, снимает кепку Кудера и гладит его голову*). Правда, сегодня необыкновенный день. Я тебя встречаю, а ты вроде, уже провожаешь меня.

Кудер. В то же время и не хочется разлучаться.

Салбаккай. Я тебя три года ждала, а тебе придется ждать меня только месяц.

Кудер. Готов ждать хоть всю жизнь. (*Привлекает и обнимает Салбаккай. В это время раздается гудок машины. Вскакивают*.)

Салбаккай. Машину наладили. Давай, побежим! (*Взявши за руки, убегают.*)

Открывается занавес. Та же веранда дома Борбаяка. За столом Борбаяк разговаривает с женой.

Борбаяк (*в новых хромовых сапогах, не по возрасту светлом костюме, от неудобства ворочая шеей, то рассстегива-*

вает, то застегивает пуговицы сорочки). Как думаешь, старуха, не привязать ли галстук? Кудер пооставлял их, недавно видел, валялись тут.

С а а р б а й (в новом ситцевом платье, в фартуке). Совсем спятил! Как дитя малое!

Б о р б а я к. Что значит, спятил? Нам уже пора привыкать к городской жизни. И тебе советую одеться получше.

С а а р б а й. Уже полдня бредишь, только и слышно от тебя: «Город, город». Выжил из ума, старик!

Б о р б а я к. Ты была умной и рассудительной женщиной. Но как же не можешь понять такую простую вещь? Зачем Кудер едет к нам? Как ты полагаешь? Я полагаю так, что он едет за нами. Чтобы увезти, значит, отсюда. Имеешь ты в виду такое допущение?

С а а р б а й. Умные люди говорят: «Не видя воды, не разувайся». Чем тут выдумывать всякие вздорные басни, лучше сходил бы к соседям, которых хочешь пригласить. Ведь скоро вечер.

Б о р б а я к. С одной стороны, дело говоришь, старуха. Дочь и зять сами придут. Председателя колхоза нужно пригласить. Дальше... Кого бы еще...

С а а р б а й. А соседей?

Б о р б а я к. Калбаяков?

С а а р б а й. Кого же, как не их? Ведь они всегда были для тебя «соседушки-сватушки».

Б о р б а я к. Не стоит, старушка.

С а а р б а й. Почему не стоит?

Б о р б а я к. Конечно, не стоит. Ты подумай-ка сама. Кудер теперь будет работать в городе. Большим начальником стал. Зачем ему такая деревенская девчонка, как Салбаккай? Он, наверное, нашел какую-нибудь ученую девушку. Может быть, уже расписался...

С а а р б а й (сердито). Ну ладно, хватит! Пригласишь или не пригласишь, мне все равно. Сына встретить могу и без гостей. Необязательно из этого делать праздник! (Уходит в дом.)

Б о р б а я к. Спокойно, старуха, спокойно! Можно же договориться по-хорошему. (Встает, поправляя одежду, идет в дом.) Нельзя же так кипятиться. Такой важный вопрос надо решать спокойно. (Уходит в дом.)

Разговаривая, из калитки входят принарядившиеся К а л б а я к и Ш у р у ж у к.

Ш у р у ж у к (войдя в калитку, поворачивается, выглядывает на улицу). Ведь не праздник. Зачем тебе столько людей? Иди домой, иди! Я быстро вернусь. (Идет к крыльцу.)

Қалбаяк (*входит за женой*). Ты только подумай. Она, ведь, у нас самая младшая. Стала лучшей дояркой не только колхоза, но всего нашего района! Теперь едет в великую нашу Москву! (*Разговаривая, доходит до скамейки перед верандой и садится.*)

Шуружук (*остановившись на ступеньках крыльца, сердито*). Я же говорила тебе, надо с председателем поговорить. А ты, как бык, уперся в свое: «Не надо, не надо!» Я о своей дочке могу поговорить не только с председателем колхоза, но даже с председателем райисполкома! Что тут страшного?

Қалбаяк. Ничего тут страшного, конечно, нет. Но странный ты человек. Из-за пустяка подымаешь ужасный шум, иной раз даже слушать неохота.

Шуружук (*распалившись еще больше и спустившись на одну ступеньку*). Ах ты, старый дурень! Значит, только сегодня увидел, что я плохая? А всю жизнь куда глаза пляли, а? Ну, погоди же, разделяюсь я с тобой! (*Грозит кулаками.*)

Қалбаяк (*успокаивающая*). Милая моя Шуру, я же не говорю, что ты плохой человек. В любом деле надо разумно разобраться. Вот о чем я тебе говорю. Не сердись, пожалуйста, милая.

Шуружук. Рассуждай, как тебе угодно, но только ко мне не приставай. Мне некогда. Дома еще ничего не приготовлено. Саарбай обещалась помочь. Пойду, позову. Ладно уж, приглашай, кого хочешь. А я побегу. (*Торопливо идет в дом. В дверях сталкивается с выходящим Борбаяком.*) Что, глаза на макушке что ли? Чуть не стоптал! (*Обошла его, убежала в дом.*)

Борбаяк (*вслед Шуружук*). Недовольная. Что случилось с этой Шуружук? Аж людей перед собой не видит. Ишь, как возгордилась своей дочкой! Подумаешь, невидаль какая! (*Повернувшись, встретился с Калбаяком, который в это время поднимался на крыльцо.*) А ты когда успел появиться тут? И чего это ты, как пень, торчишь здесь?..

Қалбаяк (*озадачен*). Просто так... Хотел поговорить с тобой.

Борбаяк (*высокомерно*). Интересно, о чем это у нас с тобой могут быть разговоры? Ну, что ж, давай, поговорим. (*Садятся на скамейку перед верандой.*)

Қалбаяк. Да, значит такое дело... Смотрю, понимаешь, ты приехал давно, а кони все еще стоят. Тебе ж в бригаду надо было. Вот, значит, пришел узнать, почему до сих пор не едешь. Может сегодня уже не поедешь?

Борбаяк. Да, я туда больше не поеду. Хочу сдать этих лошадей и фургон

К албаяк. Почему сдаешь? На другую работу перевели, что ли?

Б о р б а я к. Мне теперь другая дорога вышла. (*Гордо.*) В город уезжаю.

К албаяк. Зачем туда едешь? Председатель колхоза отправляет, что ли?

Б о р б а я к (*злорадно*). Привыкли выезжать на Борбаяке. Теперь, брат, шалишь! Теперь Борбаяку сам черт не брат! Жить еду в город. Вот что! Принимай своих кляч с разбитым тарантасом!

К албаяк (*удивлен*). Стало быть, вот какое дело. Ну, что ж. Коней-то я приму, конечно. Но фургон придется тебе сдать заведующему складом.

Б о р б а я к. Нет, нет! Мне некогда разыскивать его. Ты все-таки какой ни есть начальник. Поэтому я их сдаю тебе.

К албаяк. Я же тебе говорю, сдай заведующему складом. У тебя же есть голова на плечах, так пойми меня, фургон ко мне никакого отношения не имеет. Понимаешь ты это или нет? (*Встает.*)

Б о р б а я к (*тоже встает, начиная сердиться*). Как по-твоему, разве бывает безголовый человек? Да, у меня на плечах имеется голова. Поэтому я толкую тебе разумные вещи. Не думаешь ли ты, что только один ты умный человек на свете! Мы тоже не лыком шиты! Тебе теперь будет трудно со мной тягаться!

Ш у р у ж у к (*возбужденная выбегает из дома. Калбаяку, дразня.*) «Соседи! Святья!» Эх, ты дурень несчастный! Вот они соседи, сватья! Любуйся на них!

С а а р б а й (*вышедшая вслед за Шуружуком*). Успокойся, соседушка! Зря так волнуешься. Выслушай меня...

К албаяк. Что с тобой, старуха? Что случилось?

Ш у р у ж у к. Борбаяки разве порядочные люди? Как бы не так! (*Шуружук и Саарбай на крыльце, а Борбаяк и Калбаяк перед ними, на земле.*)

К албаяк. Опомнись, старуха. Что с тобой! Скажи ты толком, в чем дело?

Ш у р у ж у к. Зачем ты навяливаешь им мою дочку любименькую? Сын у них бродяга. Кто знает, куда он ее, в какие края уведет! Да они сами уже собираются бродяжничать за сыном-бродягой!

Б о р б а я к (*вспыхнув*). Нет уж! Это вы сами были паршивыми бродягами! Ты уже забыла, откуда к нам прибрела? Нет худшего позора, чем породниться с вами. Не заноситесь и знайте свое место!

С а а р б а й (*Борбаяку*). Опомнись, ты с ума сошел! (*Калбаяку.*) Акий, вы не слушайте его. Он просто сдурел.

Б о р б а я к (*поднимается на одну ступеньку крыльца, показывая на Шуружук*). По-твоему, она не сдурела? Она настоящая ведьма. (*Жене, передразнивая.*) А ты с ней, как сорока: «Сватушка! Соседушка!» Ну их, к дьяволу!

Ш у р у ж у к (*спустившись на одну ступеньку крыльца, Борбаяку*). А ты слишком-то не задавайся. У меня дочь лучшая доярка не только колхоза, а всего нашего района! Не чега тебе, сатана!

К а л б а я к (*жене*). Ты, старуха, того, уймись! (*Саарбай.*) Ты, соседушка, того, не слушай ее. Она просто сошла с ума.

Ш у р у ж у к. Подлизывайся, подлизывайся к ним! Обглоданной кости даже не получиши! Все тянет тебя сюда, как на аркане. Вот радуйся теперь! (*Бегом спускается с крыльца, тянет за руку Калбаяка.*) Идем отсюда, идем домой!

К а л б а я к (*упирается*). Обожди, старуха, обожди! Ведь, все-таки, надо выяснить.

С а а р б а й (*спускается на одну ступеньку крыльца*). Вот именно. Правду говорите, акым. Как же так можно? Все жили дружно и мирно. Хорошими соседями были. И вдруг такое. Ужас!.. (*Шум и гудок подъехавшей автомашины. Все, как бы выстроившись, молча и напряженно смотрят на калитку.*)

Разговаривая, входят Кудер и Салбаккай с чемоданами в руках.

К у д е р (*говорит, обернувшись к Салбаккай, не замечая присутствующих*). Салбак, сначала зайдем к нам, а потом пойдем к вам. Сразу же скажем...

С а л б а к к а й (*роняет чемодан и вскрикивает*). Ой, мамочка! (*Дергает Кудера, головой показывает на стоящих.*)

К у д е р (*увидев стоящих, некоторое время стоит в недоумении, а потом, поняв по-своему, радостно*). Салбак, а ты ничего не понимаешь? (*Салбак отрицательно качает головой. Шепчет ей на ухо, улыбается.*) Видишь, оказывается, нас ждут! Поняла теперь? (*Кладет чемодан, со всеми здоровается за руку, те нехотя отвечают на приветствие, слышится приглушенное «эхи», становится рядом с Салбаккой, строй еще увеличивается.*) Дорогой машина испортилась. Если не это, давно бы приехали. (*Никто ничего не говорит. Гнетущая тишина. Входит председатель колхоза.*)

П р е д с е д а т е л ь колхоза (*все время весело улыбается*). Мир, счастье всему дому! (*Люди вразброс, но громко отвечают, снова наступает тишина.*) Участники торжества, значит, все в сборе? (*Кудеру и Салбаккай.*) Дело пойдет на лад. Замечательно!

Б о р б а я к. Я уже давно хотел зайти к вам с приглашением. (*Взглянув на Шуружук.*) Но тут вышла одна заторинка. Поэтому, видите, я запоздал. Мы душевно рады, что пожаловали, и просим вас...

Шуружук (перебивая). И у нас праздник. Мы тоже хотели пригласить вас. (Зло взглянув на Борбаяка.) Если бы не этот Борбаяк, будь он неладен, мой старик давно бы зашел к вам. Извините нас, и мы просим вас...

Председатель колхоза. Ничего, ничего. Вместе с Кудером и Салбаком только что приехал из района. Если бы был дома и получил ваши приглашения, мне было бы трудно отдать предпочтение кому-нибудь из вас. И я сидел бы и кричал, как кедровик: «Что мне делать с орехами в той тайге и с орехами в этой тайге?» Но вы, два соседа, решили вместе отметить это торжество. Это настоящая дружба, это по-соседски, по-колхозному. Я от всего сердца разделяю вашу радость...

Шуружук (Калбаяку, ворчливо). Ну, чего ты тут торчишь, чурбা�н ты этакий? (Председателю колхоза.) Мы просим вас пожаловать к нам, а потом уж...

Борбаяк (перебивая). Нет, уж поскольку вы уже зашли к нам, то прошу вас...

Председатель колхоза. Нет, нет. Не имею права чем-нибудь расстраивать вашу дружбу. Товарищ Борбаяк прав. Поскольку все собрались тут, давайте это торжество отметим все вместе.

Борбаяк (смотря на Кудера и Салбаккай, удрученно качает головой, председателю колхоза). А вы, собственно, о каком торжестве говорите, тарга? По-моему, в этом вопросе мнение родителей спрашивать тоже надо. Кудер теперь...

Председатель колхоза. Правильно, товарищ Борбаяк. У меня нет никакого намерения обойти вас, родителей. От имени правления колхоза, во-первых, горячо приветствую вас, родителей лучшей нашей доярки! Желаю вашей славной дочери, Салбаккай, счастливого пути! (Поочередно жмет руки Калбаяку, Шуружук и Салбаккай.) Во-вторых, горячо приветствую вас, родителей нового зоотехника! Желаю товарищу Кудеру больших успехов в его работе! (Общее удивление.)

Борбаяк (председателю колхоза, подошедшему, чтобы пожать ему руку). Как вы сказали? Нашего колхоза?!

Председатель колхоза. Да. Нашего колхоза. Товарищ Кудер написал заявление, чтобы его направили на работу в колхоз. Райком партии удовлетворил его просьбу. Теперь вот он приехал и будет работать в родном колхозе. Поздравляю вас с возвращением сына. (Жмет руки Борбаяку и Саарбай.) А тебя с окончанием учебы и с новым назначением. (Жмет руку Кудеру.)

Вбегает запыхавшаяся А на й, с большим букетом полевых цветов.

А на й. С самого обеда тебя ищу. Везде была. Но нигде не могла найти. Тебе телеграмма. На, получай! Нет, сначала станцуй! (Прячет телеграмму за спину.)

С албаккай. Не дури, Анай. Отдай!

А най. Чувствую, хорошая весточка. Танцуй, танцуй! (*Салбаккай топает ногами.*) Вот, теперь получай. А это тебе на прощание. (*Протягивая цветы, увидела Кудера.*) Ой, Кудер приехал! С приездом! (*Жмет руку Кудера.*) Салбак, подожди, дай букет. Кудеру тоже полагается букет.

Председатель колхоза. Нет, нет, Анай. Делить не надо. Пусть это будет подарком им обоим. Думаю так будет лучше. (*Кудер и Салбаккай рассматривают букет и застенчиво улыбаются.* С того момента, как вошла Анай, Калбаяк и Саарбай о чем-то разговаривают между собой шепотом и загадочно улыбаются).

К албаяк. Анай, хочу попросить тебя сделать одно дело. На улице стоят кони с телегой. Отведи их Кыйбаару, да скажи ему, что он с завтрашнего дня будет работать возчиком. (*Anai, опустив голову, направляется к калитке.*)

Борбаяк (*с возмущением*). Постой, Анай! Дудки! Не выйдет, не выйдет! Моих орлов, да этому лодырю Кыйбаару? Не бывать этому, никогда! (*Калбаяку.*) Ты хоть сват и сосед мне, но этого я тебе не позволю! Не позволю! (*Калбаяк и Саарбай довольные, перемигиваются.*)

Председатель колхоза. Дядя Калбаяк, ты хоть и старший конюх, но правление колхоза тоже не позволит тебе снимать лучшего возчика.

Саарбай (*счастливо улыбаясь, председателю колхоза*). Спасибо вам, что пожаловали к нам, сердечно благодарны за добрые слова. Прошу вас в дом.

Председатель колхоза (*Кудеру и Салбаккай*). Вы — виновники сегодняшнего торжества. Прошу вас в дом, в почетный угол, на первые места. (*Люди, шумно переговариваясь, идут в дом.*)

Саарбай (*обиженно стоящей Шуружук*). Пойдем и мы, соседушка-сватушка. Забудем эту маленькую неприятность, которая вышла нынче между нами.

Шуружук. Конечно, конечно, девка! Чего не бывает между хорошими соседями. Пусть отныне плохое минует нас, только доброе, хорошее посещает нас. (*Все идут в дом.*)

З а н а в е с .

НА ЗИМНЕЕ ПАСТБИЩЕ

— Ведь пообещали нам таргалары¹ прислать на рассвете и машину, и людей. Чего же они пропали? — озабоченно проговорил немолодой арат, вытряхивая из полы распахнутой шубы целое беремя дров и складывая их у печки.

— Значит, что-то не ладится у них. Всегда вот с ними так: чуть-что — и замешкаются, — не без лукавства поддакнула жена его, подливая молока в чай. — Вот, значит, и не приехали... Что думаешь делать-то?

Муж ответил не сразу... А мороз на дворе трещал. Вот-вот повалит снег, и что тогда будет со скотом здесь, на осеннем открытом стойбище, где и в помине нет подходящих скотных дворов и ни одного путного хлева?.. Не пора ли на зимние пастбища?!.. Вот какая тревога залегла на сердце бывшего скотовода.

Он долго прихлебывал чай из пиалы, и мельком взглянув на дымовое отверстие юрты, наконец сказал:

— До зимней стоянки далеко. Сама знаешь. Так не лучше ли, пока то да се, я сам скот погоню и мало-момалу доберусь с ним до зимнего стойбища? Не погибать же здесь бычкам!?

— А мы-то как будем? Ведь стойбище совсем опустело. Ну, да ладно, мы с дочкой все-таки здесь поблизости жилья. А вот что будет с тобой и со скотом в пути? Вдруг не приедут люди, чтобы помочь кочевать на зимники?

— Э-э!.. Ничего не случится со мной. Что ты?! Ведь у меня с нашими таргаларами был не пустой уговор. Ни капли не сомневаюсь, они пришлют людей на помощь.

— «Пришлют людей»?!.. Нам-то что: если приедет машина, — перекочуем. Вот и все... А ты-то как?! Вот-вот выпадет снег. Не так-то просто перегнать по снегу этих молодых бычков.

¹ Таргалары (по-тувински пишется даргалар) — начальники.

— Ну, заладила теперь, сорока. Если вот так и будем смотреть друг на друга да препираться, то и день пройдет напрасно. Всю жизнь был пастухом, а сегодня чем же я хуже самого себя стал?..

Борбай-оол, чтобы успокоить жену, принялся, как ни в чем не бывало, наливать в чашку зеленого чаю, есть талган с тарой¹, перемешивая их с коровьим маслом и чокпеком², и, между делом, сказал:

— Вот и наши сыи Телгер-оол посулился пособить. Авось, дорогой и встретимся с ним.

Керосиновая небольшая лампа, поставленная на улгуре³, тускло освещала лицо Борбай-оола, сидевшего на одном колене против входа в юрту; а из боковых отверстий железной печки, в которой, весело потрескивая, горел сухой тальник, высекали бойкие искры. Они летели в разные стороны и помогали едва мерцающему свету керосиновой лампешки разгонять тьму во всех уголках юрты. При этом причудливом освещении, выхватывающем из темноты то один, то другой предмет, посмотрев на лицо Борбай-оола, можно было заметить, что оно украшено, если можно так сказать, складчатыми морщинами, а на висках чуть седые волосы. Однако же он еще молодец! Полюбуйтесь: под легкой бааньей шубой, накинутой на голые плечи, видно, что дядя Борбай-оол в молодости был крепкого телосложения, еще и теперь не каждый из молодых ребят сможет потягаться с ним в силе: вон какие у него круглые тугие мускулы на руках,— попробуй-ка потрогай их! Вон какие у него широкие здоровенные плечи,— загляденье!.. А глаза?! Они всегда озорные, смешливые и смышленные, быстро бегающие добрые глаза,— они еще более придавали Борбай-оолу моложавый вид, и они-то ясно всем говорили, что в его жилах еще течет кровь удалого молодца...

— Если гнать скот на зимнюю пастьбу, так уж лучше поторопиться до снега,— согласилась, наконец, жена.— А будет ли сегодня время у нашего Телгер-оола помочь нам перекочевать?

— Да, говорят, свою смену по пастьбе коров он уже отработал.

— А на зимовке домишко-то наш как?

— Стоит. Вот переедем туда, истопим его получше и утеплим.

— Нам-то с тобой что? Вот дочка...— сказала Қарама, заботливо посмотрев на спящую шестилетнюю девочку.

¹ Т а л г а н — ячменная мука; т а р а — жареное просо.

² Ч о к п е к — тувинское лакомство из топленых сливок, напоминающее халву.

³ У л г у р — посудный шкаф.

Хотя Карама и прожила на свете более сорока зим и весен, но на самом-то деле она еще хоть куда, и в чертах лица ее еще много осталось от того времени, когда она слыла первой красавицей в своем аале. И сейчас в голосе ее, звонком и невучем, как чадаган¹, слышались не грусть или тревога, а просто вполне понятное женское беспокойство за дочь и за домашнее хозяйство.

— Ну, сами сядете в кабину грузовика, а вещи вам помогут уложить в кузов машины,— успокаивающе наказывает ей Борбай-оол.— Вы приедете на зимовку раньше меня,— на машине-то долго ли?— и пока там дома одни управляйтесь, а той порой и я сам, однако, подоспею со своим гуртом.

— А народ, с которым мы будем зимовать вместе, он-то переезжает?

— Таргалары говорили, что коли нынче вернутся машины, которые вчера уехали за солью, то и другие тоже сегодня же будут переезжать. Если сегодня машины не подоспевают, так завтра, однако, переедут...

Борбай-оол вышел во двор, посмотрел по сторонам: уже рассвело, лишь дальние очертания предгорий виднелись смутно. «Надо пораньше угнать скот! Мешкать нечего»,— подумал Борбай-оол. Бычки, которых с вечера загнали в загон, завидя хозяина, один за другим вставали и потягивались, будто сами готовились в далекий путь не на зимние, а на летние пастбища — чайлаги, где их ждут сочные, сытные травы и родниковые воды.

Неподалеку от юрты, среди караганников², на небольшой поляне был вбит кол и на аркане привязан к нему добрый конь Борбай-оола. Он отвязал коня, привел к юрте и оседлал каравалерийским седлом.

Ворота загона были с вечера крепко-накрепко привязаны волосяным арканом. Борбай-оол развязал аркан, открыл настежь ворота, у которых сразу сгрудился скот, перелез через жерди изгороди в загон и присел там на корточки, считая, вся ли скотина в целости и здоровья ли. А Карама стала выгонять бычков.

— До одной головы в сборе! Мне больше прохладиться нечего тут, сейчас погоню... Ну что же, следом и вы кочуйте.

— Чaa³. Сам лучше поторопись. Ночь настигнет, тогда, чего доброго, растеряется скот.

— Вон, возле юрты лежат расколотые сухие поленья, попроси погрузить и их на машину...

Бычки, выйдя гуртом из загона, по привычке направились было в сторону горной гряды, и тогда Борбай-оол, уже усевшись на коня, рысью обогнал их и направил вверх.

¹ Чадаган — национальный музыкальный инструмент.

² Караганик — желтая степная акация.

³ Чaa — ладно.

Неразлучный друг пастуха, верный пес Эгерек поспешал за хозяином. Если какой-нибудь бычок сворачивал с дороги, Эгерек настигал ослушника, пугал его неистовым лаем и заставлял возвращаться на дорогу, всем своим видом как будто говоря: «я-то, мол, лучше вас знаю, куда вам всем, крутолобым, надо следовать»...

Как только перешли юртковатый луг, лежавший впереди только что покинутого аала, быки, ступив на торную тропочку, сразу пошли «скоро и споро».

Небо еще с утра было облачное, а к полудню и вовсе стало хмурым, мало-помалу заволоклось со всех сторон косматыми сердитыми тучами. Если утром, из-за туч, клубившихся на вершинах южных гор, солнце сумрачно и проглядывало, то теперь оно стало закрываться непроницаемой мглистой завесой.

А на севере, на той стороне Хемчика, в Кызыл-Тайге, виден уже снегопад; вон он кочует сюда, словно стадо овец спускаясь по склонам гор на широкие прибрежные луга.

Борбай-оол торопливей погнал скот, но не по той дороге за холмом, где машины ездят, а напрямик, по нижней, чтобы скоротить путь и время. Когда поднялся на холм, то невзначай обернулся и увидел там, далеко-далеко, в самом устье Чадаган-Хема, где раскинулся колхозный центр, машину, которая мчалась, вздымая дорожную пыль, вниз — по направлению к аалу, где он жил,— и он проводил ее глазами, как быстрокрылую птицу.

«Нет, нет, эта машина никак не минует нашего аала!»— подумал он.— «Это, поди, и есть та самая, на которой тарглары обещались перевезти мою семью на зимнюю стоянку. Она теперь заберет мою Караму с дочкой и скоро обратно проедет по дороге, что за холмом»,— и он погнал бычков поспешней. Пока машина не проехала, ему захотелось непременно добрести до перекрестка дорог.

Быки проголодались и потому то здесь, то там останавливались, ощипывая поблекшие, пожухлые верхушки трав, отбиваясь от стада. Много тогда было работы Эгереку!.. И Борбай-оол порой здорово на них сердился — они замедляли и без того медлительное свое передвижение и тем помешали во-время дойти до перекрестка и встретиться там с машиной; но Борбай-оол, признаться, и жалел их. Надо же им, беднягам, и посты!..

Впереди, куда ни погляди, громоздились сопки, сопки и сопки! Борбай-оол здесь изъездил все вдоль и поперек. На этой тропинке он знал каждый поворот, все растущие по обочинам ее колючие караганники и высокие богатырские тополя, чья не опавшая шелестящая листва заставляла его что-нибудь вспоминать. Тогда он уже не мешал пастьись быкам, переставал погонять их, подчиняясь своим дорогим мыслям и воспоми-

наниям, доставал шершавый кожаный кисет с табаком да неизменную трубку — и, не торопясь, трусили тихой рысцой...

Он вспоминал то время — начало двадцатых годов, когда только что приучался обхаживать своего быка и садиться на него верхом, за неимением коня, когда он только что стал пасти своих немногих овец; вспоминал, как играл со сверстниками — ребятами из соседних аалов.

«Летнее солнце, бывало, стояло в самой макушке неба,— рисовал он картины своего прошлого.— И я тогда во все глаза смотрел по сторонам. На другой стороне вот этой ближней или вот той дальней сопки раскинулась наша степь, где гнездами растут кусты колючего караганника и сладко пахнет запахами ковыля и дикого лука. Мы — молодые ребята, пастухи — приостанавливали там своих овец. Потом на своих бычках верхом состязались на скачках, или, как заядлые борцы, мерились своими силами. Ходили мы тогда в лохмотьях, в животах у нас чаще всего была пустота, но по молодости лет мы веселились — любили петь свои пастушки песни-самоскладки про горные уроцища родного Хаар-Тея:

Средь степей и холмов я живу и пою;
Там пасу небольшую отару свою.
Скажут мудрый совет мой отец, моя мать,
По-сыновьи я стану словам их внимать.

А если на вершине отдаленной сопки Хаар-Тея показывался какой-нибудь верховой пастух или пеший, в поисках своего куда-то запропавшего скота, то мы разом озорно запоем другую песню:

На гребень ты вышел, скажи-ка, хитрец,
Присматривать будто отару овец?
Прилежным прикинулся ты пастухом,
А смотришь за дочкой соседа тайком.

Допоем лукавую песенку, прыснем со смеху и, скрываясь за кустами караганников, разбегаемся кто куда. С разбегу попадаем от усталости на землю, подымая тучи пыли; а сами исподтишка следим за тем наездником или пешеходом, которого задели своей колючей занозистой песенкой, выжидая, что-то он придумает против нас.

А вот на этом пригорке, где было старое стойбище, еще доньне чернеет навоз от прежних лет. Здесь был когда-то чайлаг родителей Карамы. Как-то знаймы летом, в ту давнюю давнюю пору, съехались сюда араты из окрестных аалов, чтобы сообща, артелью выделять из шерсти войлок; вот тут-то я и познакомился с Карамой. Сказать, что познакомились, — немножко не то: до этого мы уже не раз виделись. Но встреча в этот день навсегда соединила наши судьбы. В тот памятный день мы, молодежь, ровесники, с жаром-пылом досыта и наговорились, и палками так усердно набивали шерсть, что

концы этих палок в щепы разлетались... Да, да... Здесь тогда была постлана на землю большая кожа, которую, при обработке шерсти, раньше всегда подстилали, чтобы шерсть было легче обрабатывать и чтобы в нее не попадали грязь и сор...

Только вот один этот куст караганника загораживал нас тогда от солнечного пекла. Прошло много лет. Караганник постарел, и уже не одна его ветка высохла; однако растут молодые ростки, и по весне ежегодно золотой куст все еще цветет.

Украдкой, в тени этого караганника, я тогда в первый раз осмелился мигнуть Караме, сидевшей вон там. У! — как тогда Карама зарделась, ровно ее всю охватил багряный огонь; знать, сердце ее чуяло любовь — мою и свою. И потом она стала смотреть прямо в землю, не подымая глаз.

А какой, господи, в то время Карама была расчудесной красавицей-девушкой! И нисколько я не преувеличу, если скажу, как в сказке говорится, что у ней со спины блестал ясный месяц, а спереди сияло яркое солнце. Про дочь Донгака — славную Караму — я тоже тогда сложил песню:

Ты щелком-парчою и бархатом стал,
Харап-Тей, где дрофы степные текут.
Другой Карамы я нигде не искал,—
Ты сказки чудесней... Где сыщешь такую?..

А вон там, внизу, не доходя до прибрежных тальников, одиноко высится милый старый тополь, с раздвоенным стволом. Он и до нынешнего времени стоит себе, будто благословляя обе наши жизни:

На просторном лугу старый тополь стоит —
Место наших свиданий, тем он стал знаменит.
Для души Карамы отдал сердце, ей-ей;
И с тех дней мое сердце осталось у ней!

Вон там, за рекой Чадаган, виднеется наше прежнее осенне стойбище. Теперь там выстроена молочнотоварная ферма нашего колхоза. Там мы в ту пору с Карамой поставили юрту — и поженились. С того времени прошло уже тридцать лет. Тогда тоже, как и нынче, стояла глубокая осень, поредели леса, опустели степи и луга.

Дурные же мы были в то время оба! До сих пор оба не знаем: когда именно, в каком месяце, какого числа мы справили нашу свадьбу. Конечно, тогда и время было для нас другое, не как сейчас: не знали у нас названий месяцев, не вели счет дням, неграмотны были; да и самой грамоты-то в помине не было! Только в ту пору, как мы поженились с Карамой, и была составлена и введена в Туве письменность. Со всех кочевий стекались тогда араты на занятия кружков, где нас обучали чтению и письму от мала и до велика: кто верхом, кто пешком; а кто и по два человека на одном коне или воле...

А на другой год женитьбы на том же месте родилась наша старшая дочь, теперь взрослая,— та самая знатная доярка, депутатка сельского Совета Серенма, которой гордится наш колхоз.

И стал я песни складывать. В прошлом году, в разгар пастбища, в этих самых местах я сочинил песенку:

Степей раздолье оглашая,
Поешь ты, жаворонков стая...
Хожу с колхозным стадом я,
Пастушья должность — честь моя!..

В самом деле, подходящую песню подобрал сам про себя!.. За последние тринадцать лет мы с Карамой только и живем по-настоящему, по-человечески.

Ох, как вспомнишь, что мы раньше с ней испытали в жизни, так сразу и становится скверно на душе! Даже один только раз перекочевать на другое место было бедняку не так-то легко. То надо где-то выклянчивать у богатеев подводу и вола, чтобы перевезти пожитки; то нужно перегонять свой немногочисленный скот; да и то сказать — одно название, что скот,— худой-прехудой, заморенный; до места, бывало, то ли дойдет, то ли нет... Сам тоже еле двигаешься — когда верхом, когда пешком. А тут еще и вьюжи сваливаются с быков, и дети проголодаются дорогой — ревут, а дать им нечего. И в худой одежонке замерзаем, в кулаки дуем...

В сороковых уже годах, помню, когда с Карамой переезжали в Шаарашскую тайгу, в самое жаркое время лета, то едва поднялись со скотом на вершину вон того перевала. Тогда детишки наши просили пить, а в туесках у нас — ни капли и кругом ни родника, ни ручейка. Когда ребятишки увидели излучины реки Хемчика,— стали туда показывать худыми ручонками и шептать пересохшими губами: «вода, вода!»

Ну ладно, всего ведь не припомнишь, что пришлось пережить давным-давно... Сейчас жена со старшей дочерью даже и не думают, чтобы такое когда-либо могло повториться.

Теперь-то что? Надо перекочевать на зимовку,— и колхоз, весь народ позаботится о нас, погрузят пожитки на посланную машину, и Карама с дочуркой вмиг очутятся на уроцище зимней стоянки. А там, вместо прежней дымной и дырявой юрты, построен тебе ну дворец не дворец, а славный теплый дом... В самом деле, наступило замечательное время!

Раньше, когда с Карамой кочевали по разным нагорьям и степям, что мы с ней видели доброго и хорошего? Лишь помечтаешь, чтобы на зимнем стойбище построить хоть халупу какую-нибудь; но увы, и это бывало нам не под силу. Так и проживали век свой в убогой заплатанной юрте. Впрямь походило на поговорку нашего народа: «Мечтою кошка на вершинах хребта живет»...

Да, вот они — пустые-то прежние мечты. А теперь и не счастье, сколько наших мечтаний стало явью. Вот что значило объединиться аратам в колхоз!

За хорошую пастьбу я и то побывал в Москве, съездил на Выставку народного хозяйства. Ведь ничего особенного в моей пастушьей доле нет. Всю свою жизнь работал скотоводом и знал одну эту работу. А вот на тебе: партия, народ, правительство заметили, оценили, меня, старика, окружили славой, почетом.

Недавно я сон видел. Вроде б со своей Карамой забрали мы всех детей наших — и присажаем в Москву. Пошли на Красную площадь; дивимся пятиконечным красным звездам на Кремлевских башнях; заходили и в мавзолей, поклонились Ленину... Конечно, сон и есть сон, больше ничего; но все же про этот сон расскажу Караме. Ведь и в самом деле, в будущем году мы всей семьей вместе можем побывать в Москве... Ах, да что ж это я размечтался; пора и поторопливаться!..».

Хоть день стоял пасмурный и на появление солнца не было никакой надежды, но Борбай-оол догадывался, что время-то, ого! — уже далеко перешагнуло за полдень.

Когда он добрался, наконец, со своими медлительными быками до перекрестка дорог, ему стало ясно, что с верхней дороги машина, с которой он хотел встретиться, только что проехала обратно: оставленные ею узорчатые следы были совсем свежи. Борбай-оол понял, что это семья его — Карама с дочуркой — проехала на зимовку. Ну и славно! Вот только жаль: не повстречался. Будет теперь Караме заботы и вздохов о нем... А сына Телгер-оола, что посулился помочь ему, чего-то все нет и нет.

А тут как нарочно серые свинцовые тучи, подгоняемые студеным колючим ветром, опускались зловещей хмарью все ниже и ниже, отчего вершины даже самых близких гор и те скрылись быстро из виду. Вон уже закружились первые снежинки, которые без слов говорили, что они принесли с собой зиму — снежную гостью — с горных заоблачных кряжей на низины, на прибрежные луговины Хемчика.

Сперва одинокие снежные крупинки начали падать на защекнелые руки Борбай-оола, которые едва держали повод и бич; снежинки больно секли лицо, словно прутьями, а потом начали густо идти и запорошили собой окрест и горы, и луга, и тропы и, столбовые дороги. Пороша!

Быки ступали как-то рывками и оставляли на черноземе глубокие следы копыт — и следы эти тут же терялись под ссыпавшимся сверху уже сплошным и мокрым снегом. А немногого погодя снег повалил уже хлопьями, отчего впереди идущие быки стали не видны.

Тут-то внезапно очнулся бывалый скотовод, который еще совсем недавно дремал в седле под грузом своих воспоминаний и дум о несладком прошлом; тут-то он и начал покрикивать на своих быков-неслухов, чтобы согнать их в кучу, чтобы они не растягивались в цепочку вдоль тропинки. Тут-то Борбай-оол и начал отстающих подстегивать бичом, а пес Эгерек ожесточенно помогать ему.

Оттого ли, что они перед тем порядочно ющипали травы и что снег стал обильней падать,—быки сами поспешно скучивались в тесное стадо, беспрестанно щелкали конытами, перемешивая ими снег с песком, и, сердито поматывая кудлатыми головами, недовольно мыча, пошли по пустыре.

Когда солнце, по всем приметам, было уже на закате,—Борбай-оол со своими быками переваливал крутой Мойналыкский хребет. Тогда и дунул на них такой порывистый ветер, кидая снегом, что с ног сбивал; и с каждым их шагом усиливался, и скоро разразилась настоящая пурга. Тут-то все и закружилось, ничего не разберешь: где земля и где небо, откуда шли и куда шли; куда ни смотри — завертелась веретеном, заклубилась глухая белизна.

Бычки еще теснее сбились в кучу и, задевая рогами друг друга, бодрились, услышав сквозь вой метели клич хозяина: «ха! шу!», и уже не блуждая, уверенно брели по невидимой тропе, засыпанной снегом, чутьем угадывая ее. Но самые упрямые из них, истосковавшись по корму, отставали от стада и разбрedaлись по нагорью. Однако по лаю, подаваемому Эгереком, Борбай-оол скоро находил их и, поругивая, похлестывая бичом, пригонял к остальным. Коня-то, бедного, замаял с ними...

Тут же Борбай-оол вспомнил, как он в молодости ходил один раз в тайгу на промысел белки, и пришлось ему попасть точно в такую же сумасшедшую пургу, которая, как говорит-ся, гремела колотушками во все свои бубны, словно неистовый шаман. Он тогда заблудился, не нашел охотничьего стана и ночевал в тайге, под елкой, как под шатром, прямо на голом снегу. А когда на другой день прояснилось, пурга утихомирилась, он сразу же сообразил, что зря целый день блуждал вокруг одного и того же небольшого холма, на котором и было зимовье... Борбай-оол улыбнулся; как он был в то время еще молод и несмышлен. Родная тайга была ему плохо знакома. Еще не хватало ему смекалки, сообразительности, наивен был, не старался опознавать те места, где проходил однажды. А все-таки, попав тогда в суматошную пургу, в снежную круговорть, не растерялся в трудном положении, а наоборот — даже песню запел, сам же и сложил ее тогда, наподобие хороводной:

Угомонись, эй слышишь, небо,—
Не шли на землю снегопад!
Найти дорогу к дому где бы?—
Я заблудился, сам не рад!

Угомонись, эй небо, слышишь,—
Не ссыпь на землю снегопад!
Где стан мой зимний с крышей?—
Пурга метет, сий черт не рад!

Молодость, молодость! Теперь-то он и не заблудится, как в этот раз в тайге. Он ведь не один, у него целая команда, за которую он в ответе: добрый колхозный конь, на котором он едет, верный неразлучный спутник в дороге и друг пес Эгерек, целое стадо, порученное ему...

Так он думал. А когда совсем стемнело, то быки ощупью находили переметенную снежной порошкой тропинку, что вьется змейкой среди низкорослых караганников. Только тогда Борбай-оол пригнал свое стадо к берегу Чадаган-Хема. Теперь уже близко до места зимней стоянки. Он немного успокаивается, не обращая внимания на волчье завывание урагана, и опять из-за пазухи достает кисет, из-за голенища вынимает трубку и, сидя в седле, беспечно закуривает...

Теперь бы найти брод и перегнать стадо на тот берег. Но бычки заупрямились, заупирались идти вперед, как только, дойдя до реки, заприметили, что водная поверхность Чадаган-Хема стала гладкой, как стекло, и те места, где еще с осени было много листьев и сучков, теперь совсем голые,— на тонком ледке ветер дочиста выдул малейшую соринку.

Пониже того берега, где растут островками кусты тальника и облепихи с ее янтарной, запашистой ягодой, так и не осыпавшейся до зимы, есть крутой яр, где река замерзла и до самого другого берега на ней насыпаны сугробы свежего снега; вот там-то бы и перейти на другую сторону. Да нет, не перегонишь; бычки пуриались, «как корова, получившая удар по голове обухом»¹.

Борбай-оол выломал тальниковую хворостину и стал пугать бычков; так с Эгереком вместе и подгоняли их с обеих сторон. Бычки же ни шага вперед, а сопя пятались, пятались. После безуспешных попыток сдвинуть их с места, Борбай-оол слез с коня, привязал его за куст караганника, подошел к яру и попробовал отбить глину, чтобы присыпать лед — тогда быки пойдут смелее. Но ничего не вышло: добыть голыми руками мерзлую глину не под силу человеку, даже и такому богатырю, как он.

«Не лучше ли переночевать здесь, да согнать в кучу быков где-нибудь среди караганников? — подумал он. — Ай нет, худо придумал! Ведь на таком морозе случится всякая беда и со скотом и со мной. Кабы поблизости были аалы, туда бы поднял... Что-то теперь поделявает Карама с нашей маленькой дочуркой — одни на безлюдной зимовке?.. Ай, худо-худо-худо, со всех сторон худо!..»

¹ Поговорка.

Так подумав, решил перейти через дальний мост, что горбатится повыше по течению реки,— и погнал бычков обратно. А те и обрадовались, будто думая, что их теперь гонят домой, на осеннее стойбище. Между тем, пастух спохватился: «Чем попусту загонять на гладкий лед бычков да мучить себя целый вечер, давно надо было погнать их к мосту. Истинная правда, что «маленькая лень до большой беды вырастает»...

Примерно этак через час, он пригнал свое стадо к жидкому мостику из досок, по которому и порожня машина еле-еле сможет переехать. Под мостом лед был промыт незамерзающими родниками, от полыни дымился пар. Хотя снег и перестал валом валить, но пурга еще временами по-прежнему суматошно налетала, с визгом и улюлюканьем, мостик со стоном и скрипом покачивался и, казалось, вот-вот развалится.

Бычки опасливо обнюхивали настил моста, а под мостом как раз и дымила полынь, и они, сопя и фыркая, пятились назад.

Тогда Борбай-оол попробовал поискать другого выхода.

Он повел коня через мост, а на другом конце за перила крепко-накрепко его привязал, и вынул притороченный к седлу аркан, с которым вернулся к быкам. В то же самое время пес Эгерек, угадав намерения хозяина, яростно гонял всех бычков в одну кучу, угрожающе ворча и скаля зубы на них, словно говоря: «Эх вы, глупые скотины, зачем зря мучать меня, хозяина и самих себя? Лучше побыстрее переходили бы по мосту»,— и с лаем носился вокруг.

Борбай-оол поймал одного быка, накинув ему аркан на шею, поудобней прикрутил за рога, и осторожно повел на мост. Бычок очень долго сопротивлялся, но все же, наконец, вскинул передние ноги на шаткие доски и нехотя зашагал, будто ожидая, когда же провалится под ним настил? Однако остальные бычки вовсе не стали подражать товарищу, а, наоборот, как бы насмехаясь над ним, стояли на одном месте точно вкопанные и тупо следили за каждым его шагом.

Борбай-оол привязал бычка к перилам около коня и, вернувшись, начал подгонять остальных упрямцев. Но они — ни с места!..

«Бычков побольше девяноста голов! Ведь не будешь же их по одному тянуть на аркане; а если их разделить на две части — одну оставить на левом, другую — на правом берегу, то за стадом тогда не уследишь, бычки разбегутся и растеряются. Тогда как?!» — тревожно думает Борбай-оол.

Он снова стал турьбой подгонять их на мост; но один из бычков, вожак, вырвался из стада — и лайда назад! Борбай-оол его заметил и узнал.— «Ага! Шывар-Баштыг¹! Ведь ты их

¹ Шывар-Баштыг — кличка бычка.

всегда вел за собой, а теперь сам поднимаешь бунт? Постой, постой, теперь ты им покажешь, как надо переходить через мост».

Борбай-оол быстро добежал до другого конца моста, отрезал длинный конец аркана, которым был привязан бычок, вернулся на яр и там ловко заарканил Шывар-Баштыга. И Шывар-Баштыг подчинился и еле-еле ступая по настилу моста, как будто ноги у него не гнулись, побрел за хозяином, как обреченный на убой.

Тогда и остальные последовали примеру своего заарканенного вожака, и сердито мотая косматыми головами, толкая друг друга, ринулись гуртом по шаткому мосту.

Борбай-оол успел перейти на тот берег вместе с вожаком, отвязал коня и бычка. Сматывая арканы, хотел вздохнуть свободно полной грудью: «Наконец-то!» Но не тут-то было. В то время, когда он нагнулся было за кисетом с табаком и за трубкой, на мосту поднялся шум и гул: словно весь лед Хемчика тронулся. Мост затрещал: быки, сломя голову, ошалело рвались за хозяином, как бы в нем видя единственную надежду на свое спасение. А Эгерек, точно кто-то его колотил палкой, жалобно скулил.

Борбай-оол, еще не вполне соображая в чем дело, бросился к собаке. Кобель уже бежал навстречу хозяину и отчаянно гавкал, поглядывая на полынью под мостом. Борбай-оол посмотрел вниз.— Батюшки!— в промоине под мостом, жалобно мыча, барабахался один из бычков. Борбай-оол спрыгнул на лед и искусно накинул аркан на рога и шею тонувшего быка. Тот при помощи человека стал забрасывать передние ноги на кромку льда, но снова сорвался и погрузился в воду, его потянуло течением.

Пока бычок барабахался, уходя под воду, Борбай-оол, волнуясь, быстро распоясался, снял шубу, расстелил ее на кромке льда у полыни. Молодой бычок напряг все силы, снова выбросил передние ноги на лед, где была разостлана шуба и легким рывком выскочил на твердое место, отряхиваясь и разбрызгивая воду.

Но Борбай-оол не успел одуматься, как под ним что-то треснуло, и он сам вместе с бычком погрузился в воду... По счастью, в том месте было уже не так-то глубоко: вода была как раз по пояс. Но этого было достаточно, чтобы ледяная стужа проникла до самого мозга костей. Одной рукой держа повод с быком, а другой вытаскивая из воды шубу свою, Борбай-оол быстро побрел по дну к краю полыни...

И чего только тогда не мелькнуло в его памяти; вся жизнь, словно при вспышке молнии, прошла перед ним. Он продолжал ругать себя.— «Ах, стыд-то какой! Более десятка лет он пас общественный скот и не потерял ни одной головы, был примерным пастухом. А здесь, прямо на своих глазах, ни за

что ни про что, мог загубить быка!.. Да как же он после того будет смотреть в глаза людей, доверивших ему скот? Как будет тогда стыдно...»

От одной этой мысли ему казалось, что хотя он и без того искупался в ледяной воде,— с лица его еще цуще льет студеный пот. Тогда он проворно выскочил на ледянную кромку болынцы, вытащил из воды мокрую шубу и снова расстелил на льду; здесь, впрочем, уже было гораздо мельче и не так опасно. Здесь, во второй раз, бык благополучно вышел на крепкий, совсем крепкий лед. Бедняга даже замычал от радости и, юфыркивая, побежал к своим друзьям.

Борбай-оол только тут осмотрел себя: даже верхняя рубаха, хотя он побывал в воде только по пояс, и та вся была мокрая. Он поторопился под укрытие крутого берега, разделся и стал выжимать одежду и выливать из валенок воду. Подумал было разжечь костер, да оказалось, что там, где он давеча бросил на лед пояс, кисет с табаком и кремень с трутром, теперь зияла промоина и все это добро провалилось под лед и унесло водой.

Приуныл Борбай-оол: как быть без курева, без огня? Но он вспомнил, как в молодости очищал оросительную канаву. В ту пору было заведено, чтобы люди, которые сеяли хлеб вдоль этой канавы, весной, как только снег начинал таять, сообща собирались очищать ее от песка, от камня. Он не забудет старика Дарган-оола: тот бодро разувался и босиком, по весенней холодной воде, доходившей ему до бедер, спокойно бродил в канаве и легко вытаскивал со дна камни, которые люди не смогли вынуть и при помощи рычага. После того он, бывало взглянет на тех, которые боялись разуться и спуститься босиком в канаву, и скажет:— «Если будете работать только так, ничего не боясь, лишь тогда будете сытыми!..»

А теперь будто бы наяву возник перед глазами старый Дарган-оол, и его насмешливые упреки вроде как прямо касались именно его, Борбай-оола.

Устыдясь своего уныния, Борбай-оол решил немедля ехать домой и переодеться там в сухую одежду. Он пошел отвязывать коня. Теперь только дошло до него, как мокрая одежда и обувь леденела на студеном ветру, и как остро жжет и знобит его тело.

Едва он собрался забросить ноги в стремена, как на другом берегу мелькнул свет от фар. Борбай-оол крикнул, но машина и без того направлялась на мост. Как только она поравнялась с ним и дверка открылась, голос человека, выглянувшего из кабинки, поспорил силой с голосами пурги:

— Что вы тут делаете, дружище? Эге! Почему на вас одежда мокрая и со льдом еще?

Услышав этот голос, Борбай-оол сразу узнал секретаря

райкома партии, который зимой и летом часто приезжал в его аал. Борбай-оол уж так сейчас обрадовался ему!..

— Тарга, случилась просто беда! — только всего и смог сказать он, силком подводя коня, боявшегося машины, у которой работал иеприглушенный мотор.

Тут секретарь что-то по-русски молвил своему шоферу, сам выскочил из машины, взял за повод лошадь у Борбай-оола, а самого его чуть не силой втолкнул в машину. Шофер повернулся к дяде Борбай-оолу, снял с него мокрую одежду и укутал двумя олеными дохами.

Секретарь тем временем расспрашивал Борбай-оола: откуда он кочует и куда направился? Потом сам пояснил, что как только пошел тустой снегопад и загремела пурга, так он сразу поехал к животноводам, чтобы на местах ознакомиться с трудностями их перекочевок на зимники в такую несусветную погоду.

— А вы, дядя Борбай-оол, сейчас же отправляйтесь домой на зимовку в этой машине! Вот так. А я на вашем коне погоню быков, куда падо. Дорогу знаю, не беспокойтесь.

Борбай-оол хотел было возразить секретарю и только стал приподниматься в кабине, как дверка машины захлопнулась, шофер, что-то сказав секретарю, понимающие кивнул головой и помчал машину вперед.

Борбай-оол успел увидеть, что верный пес Эгерек сперва было рванулся за хозяином, но увидя, что быки остались на месте, вернулся к стаду — он свое дело знает, и стадо, значит, не пропадет; Борбай-оол еще более успокоился.

Проезжая через широкие луга, Борбай-оол заметил, как ветер падувает увалы снега, и машина ныряет по ним, как по саженным волнам разбушевавшегося могучего озера, и, нашупывая светом фар еле заметную кромку дороги, стрелой летит вперед. Он понемногу согревался, укутанный дохами, и уже спокойно обдумывал происшествия дня, свалившиеся на его голову.

Мысли его возвращались к секретарю. — «Ведь такой большой тарга! А вот запросто принял на себя стадо его быков, и теперь остался один на безлюдном месте в такую сильную пургу да еще в ночное время. Славное открытое лицо у этого секретаря, славная открытая улыбка, ясные молодецкие глаза, но твердое решительное слово! Справедливое слово... Ай, славный нам достался секретарь!.. Может, пустые люди, балаболки, услышав о таком поступке секретаря, и посмеются над ним или пожмут плечами. Но, однако, он, Борбай-оол, не из таких: он всегда умел глубоко уважать и чтить добрый нрав и добрые дела настоящих людей. Он равняет себя по ним, он говорит: «так и я поступил бы!..»

Борбай-оол думал, но никак не находил достойных слов, чтобы выразить верно поступок секретаря. Наконец, внезапно,

громко вслух, только для самого себя, он сказал, найдя это единственное нужное и правильное слово: «Вот он, партийный человек!..»

Скоро машина подкатила к самому бревенчатому зимовью пастуха. Спасибо водителю: по плохой иеройной дороге, где обычно никто почти и не ездил, он вел машину ловко и уверенно. «В чудесное время мы стали жить, что там ни говори. Нет аратам теперь мест незнакомых и нет чужих людей!» — подумал Борбай-оол.

Видимо, стекла в окнах его избы на зимовке сильно промерзли, потому что свет от керосиновой лампы едва пробивался наружу.

Прежде чем войти в избу, Борбай-оол улыбнулся, представив, как сейчас обрадуется ему Карама и шестилетняя дочурка.

ЗМЕЯ МОЖЕТ УЖАЛИТЬ

I

Севильба собиралась на курорт. Ей нужно было отправить своих маленьких сыновей к родителям, жившим на отдаленном пастбище. Но мать, словно почувяв об ее отъезде — нежданно-негаданно явилась сама.

...Они сидели за столом друг против друга и неторопливо пили чай. Севильба рассказывала о своей болезни и предстоящей поездке. Мать рассеянно слушала и больше обычного вздыхала. Казалось, она была занята своими думами. Наливая ей вторую чашку чаю Севильба сказала:

— Ты неразговорчивая сегодня, мама?

— О чём говорить, дочь моя? Гляжу на тебя, и на ум приходит много разных мыслей — не знаю с чего начать.

— Может быть я плохо выгляжу? Врачи говорят — скоро поправлюсь... Зря переживаешь.

— Ты выглядишь не хуже других, но только, по-моему, напрасно ходишь в больницу: раньше люди тоже болели, но никуда не уезжали из дома.

Севильба пытается защищаться.

— Ой, мама, если болезнь вовремя не излечишь — она может обостриться...

Пропустив ее слова мимо ушей, мать с редким упорством продолжала:

— В старину люди тоже болели, а никуда из дома не уезжали. Сейчас, чуть где колнет, сразу же бегут к врачам... Едут на курорты.

Севильба удивленно посмотрела на нее.

«К чему она так говорит. Неужели не хочет оставаться с детьми?» Но тут же эту мысль выкинула из головы. «Нет, мать и отец этого не позволят. Наоборот, им нравится возиться с малышами. Скорее всего мать не хочет, чтобы я уезжала из дома», — решила она и стала расспрашивать ее о колхозных делах.

Мать коротко рассказала о всех сумонных новостях и событиях, а затем с таинственным выражением на лице, понизив голос до шепота, сказала:

— Еще одна новость, дочь моя... Недалеко от нас есть аал, где заготавливают на зиму дрова. В нем недавно появился старик — пришел с верховьев Хемчика. Особенный — предсказатель. Знает, что было и что будет потом...

Севильба, радуясь, что мать, наконец, разговорилась, спросила:

— Что же он предсказал, мама?

— Старик недавно ночевал у нас. Пришел поздно вечером, и стоя долго смотрел в дымовое отверстие юрты. Лишь после этого он поздоровался с нами и сел...

Ты знаешь отца — он у нас шутник — спросил его, что интересного он увидел в дымовом отверстии? Старик долго молчал, потом ответил:

«Ваша дочь живет в верховье реки. Скоро она уедет из дома. Знайте, если она поедет — с нею осенью, до снегопада, случится непоправимое несчастье». Мы очень удивились, так как ничего не слышали о твоей болезни. Позже люди нам сказали, что ты собираешься ехать лечиться.

Севильба не раз слышала рассказы стариков о могуществе лам и шаманов, но в жизни ей никогда не приходилось встречаться с ними. Не то сейчас время. Но все-таки от рассказа матери ей стало не по себе.

— Откуда старик узнал, что я уезжаю? — с тревогой в голосе спросила она.

— Он — колдун, недаром смотрел в дымовое отверстие. Помнишь Шыдара, нашего соседа? У него два года болели руки и ноги. Когда старик об этом узнал — сказал ему:

«Твои руки и ноги болят потому, что ты взял от нечистого человека аркан».

Шыдара вспомнил — к нему действительно приезжал человек за тарой, за которую взамен отдал аркан из шкуры косули.

Севильба не хотела верить истории с арканом. Скорее всего — это случайное совпадение. Но то, что старик знал о предстоящей поездке, удивляло ее, становилось странным и загадочным. Ведь она почти никому не говорила о том, что у нее последнее время болели суставы, и что врачи предлагали ей

поехать на курорт, и по этой причине местный комитет школы, где она работала уборщицей, дал ей путевку. Только от старика родители могли услышать о ее болезни.

— Ты знаешь старушку, мать Карапмая,— продолжала свое повествование мать.— Она умерла еще этой весной... Вчера мы по ней справляли поминки — на них был и этот старик. Он вызвал духа этой старушки и говорил с ним. Вот что сказал дух:

«Я рано ушла от вас потому, что поела мяса животного с холодным дыханием, которое привнесли с севера. А я могла бы прожить еще три года».

Люди говорят — ей в этом году было семьдесят лет.

— А правда она ела мясо?

— Правда. К ней приезжали гости и привезли в мешке говядину. Поев ее, она заболела и умерла... Старик еще говорил, что старушка водила за собой молодую девушку, лица ее не было видно. Я спросила старика: кто эта девушка? Но он упорно молчал, как будто набрал в рот воды. Только под конец, сильно опьянев, сказал: «Это та самая девушка, которая собирается уйти на тот свет осенью до снегопада». Тут он посмотрел на меня таким странным взглядом, что я чуть не потеряла сознание.

Услышав это, Севильба невольно съежилась. Она вдруг подумала: «Старик говорит правду». Ей в голову пришла мысль, что скоро она умрет, а ее дети останутся сиротами и все время будут звать ее к себе.

II

На другой день мать уехала домой, взяв с собой шестилетнего Дукара и трехлетнего Толя. Севильба осталась одна в пустом доме, наедине со своими раздумьями.

Через два дня нужно было выезжать, но она еще не была окончательно готова к отъезду, не знала, что делать, за что в первую очередь браться. Присев к окну, она задумалась: стоит ли вообще ехать? С этой мыслью Севильба просидела до позднего вечера и, даже не попив чаю, легла спать. Но сон не шел к ней — та же надоедливая мысль неотступно сверлила виски. Разве отказаться от путевки? Отец и муж не оправдают ее поступка, а ехать — страшно, у нее до сих пор не выходил из головы рассказ матери о предсказании старика.

«Был бы рядом Шагдыр,— вздыхала она, лежа в постели с открытыми глазами,— он сразу бы напел правильное решение».

Уже перед рассветом она забылась в тяжелом сне.

Проснулась Севильба оттого, что кто-то сильно барабанил

в окно. Она выглянула на улицу. За окном стоял Шагдыр — он приехал с паници, отпросившись у бригадира для проводов жены.

Затопив печку, Шагдыр поинтересовался:

— Ну как, все приготовила в дорогу?

Севильба, не спавшая и думавшая о поездке почти всю ночь, сразу не знала что ответить. Наступила тягостная для обоих тишина: было слышно, как в печке весело трещали сухие дрова и в зеленой кастрюле шипел чай.

Шагдыр удивленно вскинул брови.

— Что-нибудь случилось, Севиль?

Севильба стояла перед ним, как школьница, не выучившая урока — растерянная и смущенная. Наконец, она тихо произнесла:

— Я не поеду на курорт.

Шагдыру показалось, что он ослышался. Еще недавно жена, получив путевку, была радостная и веселая, а сейчас — как будто ее подменили. Не хочет ехать, почему? У Севильбы не было никаких секретов от мужа, и она все рассказала ему о приезде матери, о предсказании старика.

Внимательно выслушав ее, Шагдыр покачал головой.

— Дело плохо, если старик говорил правду. Но знаешь — есть поговорка: «Не увидев горы — подол халата не поднимай, не увидев воды — обувь не снимай». Надо выяснить — зачем он это рассказал твоим родителям?

Он — бродячий старик, никого здесь не знает, и не имеет никакого отношения к тому — заболел или умер человек. Ему это безразлично... Был бы он добрым, честным — не приехал бы сюда из далекого Хемчика, не оставил бы свой аал, своих соседей, родных.

Там живут такие же люди, как и мы с тобой. Они трудятся в колхозе, хотят жить счастливо и радостно. Почему же он сбежал оттуда? Думаешь — там мало земли, или плохо греет солнце? Просто он ищет, где можно легко, беззаботно прожить. Он — тунеядец.

Когда ему дома перестали верить — он перебрался сюда, где его никто не знает и объявил себя предсказателем. Он делает вид, что помогает людям, на самом деле — ищет, где теплее провести ночь, где можно досыта наесться, приобрести одежонку. Среди нас есть еще темные, неграмотные люди, которые верят этому шарлатану и хапуте... Где ты видела, чтобы ламы, шаманы и такие «предсказатели» помогали нам строить новую жизнь? Этого никогда не было и не будет. Этот старик вызывает нас на состязание — думает, что мы темные, отсталые, что ж... «Только змеи умирают лежа», — посмотрим, чья возьмет... Поезжай спокойно на курорт, а осенью покажемся матери и докажем — прав ли был этот «предсказатель».

Чем внимательнее и напряженнее слушала Севильба мужа, тем легче становилось у нее на душе. Поднялось настроение, мысли стали ясными и твердыми.

«Надо ехать»,— решила она, стыдясь за свою мимолетную слабость. Ей вдруг стало легко-легко, будто она сбросила с плеч тяжелый груз, который давил голову и сжимал грудь. Она посмотрела на Шагдыра потеплевшим взглядом — в нем светилось счастье и гордость за него.

III

В середине октября стало примораживать. В тайге почти каждую ночь выпадал снег. Вскоре он выпал в долине, и наступила настоящая зима. Еще до снегопада мать приехала в гости к Севильбе повидать внучат. Она сидела на кухне и наблюдала за Севильбой, как та готовила обед.

— Как себя чувствуешь, дочь моя? — спросила она после долгого молчания.

— Хорошо... Спасибо, мама, — довольная отвечала Севильба.

В это время появился на пороге Шагдыр. Поприветствовав мать, он спросил:

— Что слыхать о старице, мамаша, где он сейчас?

— О каком старице спрашиваешь, — сделав вид, что не понимает о ком идет речь, спросила старушка.

— О предсказателе, мама, который жил у вас летом, — напомнила с улыбкой Севильба, икоса поглядывая на нее.

— Ах, это вы про Чылбын-Хелина? — с показным удивлением проговорила старушка. — Недавно куда-то исчез, как в воду канул. Теперь о нем ни слуху ни духу.

— Вы знаете, мамаша, из-за него Севильба чуть было не отказалась от путевки, — сказал Шагдыр.

— Этот окаянный старик и меня попутал, — вздохнула мать. — Когда Севильба уехала, я не могла спать, даже поссорилась со стариком... Сейчас вижу — врал все старый лгун... Прошел период желтого листа, выпал снег, а дочь моя жива и здорова.

— Мне до сих пор непонятно, как старик узнал, что Севильба собиралась ехать на курорт? — тихо проговорил Шагдыр, глядя вопросительно на мать.

— Теперь-то я знаю как, — встрепенулась старушка. — Об этом ему рассказал Кушкаш-оол, наш сосед. Он в ту пору заезжал к вам, но у вас дома, кроме Дукара и Толи, никого не было.

Севильба, резавшая за столом лапшу, услышав это, внезапно присела на стул.

— Вспомнила! — воскликнула она. — В тот день меня и Шагдыра действительно не было дома. Это Дукар рассказал

ему все о моей болезни и путевке, и просил передать, чтобы бабушка приехала к нам.

Шагдыр задумчиво произнес:

— Вот так шаманы, разные «предсказатели» и «волшебники» и обманывают народ. Они умеют пользоваться нашим гостеприимством. Услышав новость в одной юрте, они идут в другую, а потом повсюду разносят слух, что они все видят и знают, таким образом, среди темных и отсталых людей создают себе авторитет... Надо быть очень внимательным и бдительным... ламы, шаманы и им подобные, как змеи — могут ужалить. А змеи бывают ядовитые.

Салим СЮРЮН-ООЛ

ГДЕ МОЙ БАРАН С БЕЛЫМ ЛБОМ?

1

Ооржак Хунаевич ушел рано утром, не позавтракав. Вскоре он вернулся домой. Тактанма подала на стол ароматный хан, ливер и сочную грудинку, налила в миску горячего бульона с круглыми бисеринками жира. Белое гладкое ее лицо так и лоснилось от предвкушаемого удовольствия. Ооржак Хунаевич сразу сообразил, откуда все это появилось, но промолчал.

— Где ты был в такую рань? — спросила жена.

— Да-а, кое-какие дела улаживал, — ответил он и, кивнув на стол, спросил:

— Где ты все это взяла?

— Младшая дочь Баян-оола принесла. Жена у него вчера родила. Вот в честь новорожденного они закололи барана на той¹. Ешь, садись.

— Ну, как на вкус эта баранинка? — усаживаясь, спросил жену Ооржак Хунаевич.

— Вот странный. Мясо как мясо.

— Сын-то поел?

— Давно, уже убежал играть.

— Однако, какой жирный баран, а ведь весна только начинается, — удивился Ооржак Хунаевич, нацеливаясь ножом на лучший кусок.

— Наверное в колхозе выменял. У них же своего не было, — рассудила Тактанма, вытирая передником вспотевшее лицо и со вкусом прихлебывая бульон из пиалы.

— Баян-оолы никогда нам не приносили мяса. А сейчас принесли, в чем дело, жена?

— Видимо хотят тебе угодить, ты же теперь фермой заведешься, — улыбнулась Тактанма. Он сделал непроницаемое лицо и лишь пытливо взглянул на жену.

¹ Той — праздник.

После завтрака Ооржак Хунаевич оделся на ходу и, уже при выходе, сказал:

— Я на работу, потом поеду к чабанам.

— Ой, ой! — запричитала Тактанма. — Какой ты непоседа. Вчера заявился ночью. Сегодня опять уезжает. Или ты постороннему стал? Побудь хоть сегодня дома. Я поеду в райцентр навестить родных.

— Потом, потом, жена. У меня нет времени. У чабана в Кошкелиге ягнята гибнут. Ветврача найду и повезу туда.

В это время в дом с криком влетел застыхший мальчик:

— Мама! Папа! Наш черный баран с белым лбом пропал. Нет его нигде.

Тактанма вылетела за порог, только ноги промелькинули. Выйдя следом за нею, Ооржак Хунаевич услышал причитания жены из кошары:

— Вор, конечно, утащил! Ненасытная утроба! Откуда его сейчас найдешь?

Ооржак Хунаевич не зашел туда и крикнул издали жене:

— Ну что там? Нету?

— Унесли, проклятые, — всхлипнула Тактанма и, высунув голову из кошары, сказала:

— Поищи, людей расспроси там.

— Времени у меня в обрез. Если его украли, где теперь найдешь. — И Ооржак Хунаевич, не оглянувшись, пошел по направлению к конторе колхоза.

— Куда же ты идешь, засохшие твои кости? Позвони в милицию. Слышишь! — кричала ему вслед Тактанма.

2

Бывают мужья, которые ни в чем не могут перечить женам. Таким был и наш герой. В доме он ничем не распоряжался: деньги отдавал жене, полагаясь во всем на нее. Без ее разрешения ничего он не делал. О нем можно было сказать поговоркой — муhi не обидят. Никто никогда не видел, чтобы он обижался на всякие мелкие насекомые. В нем не было духа стяжательства, с открытой душой он шел каждому навстречу, стараясь чем можно помочь человеку.

Зато жена была полной противоположностью: скуча, неуступчива, на язык остра и от каждого правдивого слова корежилась, как сухожилие, брошенное в огонь.

Отроду молчаливый Ооржак Хунаевич сердился, когда она поднимала шум из-за пустяка, и старался или уйти, или зажать уши, чтобы не слышать ее крика.

От их нового дома до конторы правления было довольно далеко. Ооржак Хунаевич направился к ветврачу. Дорогой его останавливали по делам разные люди. И пока, наконец, он добрался до правления, прошло много времени...

За спиной раздался сигнал автомашины. Оглянувшись, он увидел синюю милицейскую машину. Дверца открылась, и из машины выпрыгнул капитан милиции и его сосед Баян-оол.

У соседа был расстроенный вид, и он неловко отвел глаза в сторону.

Ооржак Хунаевич сразу понял, что произошло. Видимо, жена подняла шум, позвонив в милицию.

Баян-оол быстрым шагом подошел к Ооржаку Хунаевичу.

— Здравствуй, браток. Понимаешь, меня подозревают в краже твоего барана. Прямо не знаю, что это случилось.

Волосы его были взлохмачены, печалью блеснули его глаза.

— Кто так думает? — уточнил Ооржак Хунаевич.

Капитан милиции прервал его:

— Итак, вчера вы давали ему черного барана, двух лет, с белой головой на той в честь ребенка?

— Да, это так, тарга.

— О чем жена не знала?

— Да, не знала.

— Почему?

— Зачем же все женам рассказывать. Между мужчинами бываю свои расчеты и планы, тарга.

Капитан посмотрел на него недовольно и хмуро, потом сказал Баян-оолу:

— Вы можете быть свободны, товарищ.

А затем он строго обратился к Ооржаку Хунаевичу:

— Странно однако. Что же получается, уважаемый? Муж с женой не сговорились, сами наделали всяких дел, а потом вызывают милицию. Вы что же считаете, что у нас нет другой работы?

Вид у капитана был явно огорченный.

— Что же говорить, тарга, виноваты мы. Кто же знал, что жена дров наломает, — сказал Ооржак Хунаевич.

— Видимо, жену свою надо вразумить. Бесшабашная, ответственная женщина... Роженица только из роддома вышла. Поберечь бы ее надо, порадоваться с ней. А чего нагородила ей ваша жена? — в сердцах сказал капитан, с треском хлопнул дверцу машины и уехал.

«На этот раз она будет шуметь больше обычного. Как-то выслушать ее ругань», — подумал Ооржак Хунаевич. Пришел он домой к полудню. Едва он переступил порог — а жена тут как тут.

Пожелтела от злости, глаза как у пьяной, на носу выступили капельки пота, грудь вздымалась, как у лошади на скачках. Она преградила дорогу мужу.

— Что случилось? — спросил, растерявшись Ооржак Хунаевич и несомело взглянул на жену.

— Он еще спрашивает, плут несносный! Кто тебе позволил моего барашка чужим людям отдавать?

— Образумься сиерва, потом я тебе расскажу,— попытался он успокоить жену.

— Не нужны мне твои слова. Ты баражка мне верни. Мое го белолобого барапика. Уходи и не возвращайся без него!— кричала Тактанма, стуча маленькими жесткими кулачками по его большой спине и толкая мужа к дверям.

Ооржак Хунаевич молча уклонялся от ее ударов, сыпавшихся на него градом. В такой оборонительной позиции он дошел до кровати. Но не тут-то было. Жена ему, конечно, не дала сидеть спокойно. Тогда он решил уйти. Тактанма, минуту назад гнавшая мужа из улицу, закрыла дверь и раскинула руки, опервшись на дверные косяки. Муж молчал. Тактанма еще пуще выходила из себя. В конце концов, не выдержав, она ринулась на него в новом приступе ярости и гнева. Распалившись, она ухватила его за волосы и стала тянуть его к полу. Тактанма тянула его все ниже и ниже, и он, как бычок, следовал за нею.

— Уё, уё! Отпусти, сарым,— попытался воздействовать на жену Ооржак Хунаевич. Ничего не помогало.

— Кому-кому, только не Баян-оолам!— твердила жена.— Чем они оплатят нам за баарана? Ну скажи мне, мужик с холодными глазами? Или его жена, эта тонконогая бабенка, тебе дороже меня?— ругалась Тактанма, с каждой минутой все вдохновеннее собирая в кучу всякую чушь, которая ей приходила в голову.

Но всякому терпению приходит конец. Ооржак Хунаевич схватил ее в охапку, задел ведро с водой, и тотчас оба были облиты настоящим дождем. В эту минуту кто-то вошел. Тактанме мешали разглядеть что-нибудь пряди мокрых волос, которые как грива, закрыли ей лицо.

Ооржак Хунаевич стоял спокойно среди комнаты. Увидев Баян-оола (а это был он), Тактанма пыталась убежать. Муж загородил ей дорогу.

— Повтори при нем, что ты сказала,— голос мужа произвучал как приказ.

— Не нужно. Я слышал, браток,— утихомирил его Баян-оол.

Тактанма трулей, как от преследователя, вылетела в соседнюю комнату и исчезла.

— Как вам вернуть мой долг — баараном или деньгами?— и Баян-оол вытащил из кармана деньги.

Ооржак Хунаевич махнул рукой и покачал головой.— Ничего мне не надо, ни баарана, ни денег. Не такой уж я бедный, чтобы этот проклятый черный бааран с белым лбом делал погоду в моем хозяйстве,— голос его наполнил крепким гулом весь дом, так чтоб было слышно спрятавшейся жене.

— Ну нет. Я не хочу быть перед тобой в долгу, неудобно.

— Я сказал, значит все. Денег я не возьму.— Ооржак Хунаевич почти силой вытолкнул соседа на улицу. «Гора коня утомляет, гнев человека утомляет». В доме стало тихо. Тактана-ма словно растаяла.

3

Прошло три дня. Ооржак Хунаевич был у чабанов. Время перевалило за десять вечера. Тактана-ма гладила белье. Когда вернулся муж, она перестала гладить, разожгла огонь в плите и быстро приготовила ужин. Ооржак Хунаевич прошел к уснувшему сыну, провел рукой по нежным волосам и наклонившись, тихонько поцеловал его. Тактана-ма позвала его к столу.

— Что нового?— спросил, обжигаясь ложкой с горячим супом, муж. Он явно старался задобрить жену.

Тактана-ма не ответила. Не глядя на мужа, она возилась у кухонного шкафа. Видимо, все еще сердилась.

— Чая, до каких пор будешь молчать, посмотрим,— рассудил Ооржак Хунаевич спокойно.

Жена молча укладывалась спать. Он слышал, как загудели пружины кровати. Наевшись, он накрыл посуду газетой, с наслаждением затянулся махоркой. Потом погасил свет, разделся в темноте и лег на кровать сына. Тактана-ма слышала все, но лежала не шелохнувшись, лицом к стене.

— Молчишь? Посмотрим долго ли еще выдержишь,— сказал Ооржак Хунаевич и вытянулся на кровати, заложив руки под голову. В комнате было темно и тихо. Лишь где-то под полом шуршали мыши.

Тактана-ма думала о белолобом черном барашке, ей не терпелось узнать дальнейшие события. Через некоторое время, не выдержав, она приподнялась на кровати, так, что на пол свесились ее тугие черные косы, и спросила:

— Ты скажи все-таки в чем дело? Почему ты даром отдал барана чужому человеку?

Ооржак Хунаевич тоже приподнялся и ответил:

— Какая ты быстрая: вишь о чем захотела узнать! Он не чужой, а наш человек. Во-вторых, я ему не даром отдавал барана, а за долг.

— Что еще за долг у тебя появился?— зацепилась сразу Тактана-ма.

— Это задолжал наш Чыртак-оол.

— Чыртак-оол говоришь?— удивилась жена.

Это был родной брат Тактана-ма. Он почти стал их сыном, с восьми лет рос в семье сестры. Чыртак-оол взял у Баян-оола рубашку и брюки, которые тот купил в магазине для себя, но они оказались ему малы. Потом это как-то забылось. Чыртак-оол уехал служить в армию, не расплатившись.

Ооржак Хунаевич эту историю знал, и на душе у него

остался неприятный осадок. Он думал: «Молодо — зелено, взял вещи у многосемейного человека и уехал, ничего не сказав».

Так он рассказал обо всем своей жене. Она молча выслушала и наконец выпалила:

— Почему же тогда ты не отдал ему деньгами?

— Он пришел не за деньгами, а поделиться радостью. «Было семь дочерей, теперь есть сын — богатырь. По такому слухаю нужен той обязателью. Не дашь ли барана зарезать гостям». Вот, пока вы были с сыном в кино, я и отдал ему барашка.

— Обязательно что ли резать надо?

— Гм... Это дело хозяйствое, никто не запрещает. А главное есть обычай народа...

— Но приходил-то он за долгом?

— Нет. Он просто пришел за помощью. А у нас-то совесть есть. Чыртак-оол родня нам? Родня. Значит, надо за него держать ответ. Так ведь?

— Угу... — ответила, поколебавшись, Тактанма.

В комнате совсем стало темно, даже не видно двух силуэтов. Они снова улеглись. Немного погодя раздался голос Ооржака Хунаевича:

— Ты помнишь пословицу: «когда линейку строгаешь, надо хорошо измерить, когда шум поднимаешь, надо хорошо подумать». Не разобравшись, нечего затевать всякие разговоры. Мне иногда неудобно становится за тебя перед людьми. Прекрати такие вещи, пожалуйста. Ты вообще стала нервной. Может, сходишь к врачу? Договорились, жена?

Тактанма глубоко вздохнула.

Владимир ЕРМОЛАЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧУЛЬДУМА

Главы из повести

В райисполкоме кроме секретаря никого не было. Начинался сенокос, и все работники выехали в колхозы и труженики. Чульдуму оставалось до дома не больше двадцати километров. Лопсан предложил ему заночевать, но Чульдуму не терпелось поскорее увидеться с родными.

Пока нашлась новая лошадь, прошло немало времени и выехать удалось только перед закатом солнца.

Беспокойно поглядывая на темные облака, за которыми пряталось солнце, Чульдум несколько километров, пока позволяла дорога, ехал скорой рысью. Дальше,—он знал это хорошо, дорога будет камениста и неудобна для быстрой езды. Скоро начались промоины, отходившие от древних оросительных каналов, дорога пошла среди кустов караганника и зарослей терезина¹, пересекаемая ложбинами. Долина суживалась, и вскоре река оказалась зажатой в высокие каменные щеки.

Солнце закатилось, и сумерки стали быстро сгущаться. Ущелье, где гремела стесненная река, перебрасывая пенные гребни через валуны, сузилось настолько, что тропа едва умещалась на каменистом берегу. Езда на лошади, которая то и дело спотыкалась,—была довольно рискованной, поэтому Чульдум слез с коня и пошел пешком.

Только через час выбрался Чульдум из ущелья. В широком разрезе гор открылось займище с отдельными столетними лиственницами и зарослями высоких караганников. Он снова сел в седло и стал поторапливать лошадь.

Впереди послышались сдержанные голоса людей и топот большого стада. Вскоре он различил маячивших в кустах двух всадников. Обрадовавшись появлению людей, Чульдум крикнул:

— Эй, эжим!

Но всадники вместо того, чтобы остановиться, шарахну-

¹ Терезин — вид ковыля.

лись в сторону и мгновенно скрылись в непроглядных зарослях.

Чульдум остановился и прислушался. Где-то близко по караганику проходило стадо. Он тронул коня и поехал на звуки. Через минуту наткнулся на двух огромных быков, каких можно встретить только на Хемчике. За ними в темноте различил еще несколько голов, дальние — еще и еще...

Озадаченный всем этим Чульдум вернулся на тропу и стегнув верховика, быстро, как только позволяла темнота и дорога, поехал дальше, не переставая думать над странным поведением всадников. Он вспомнил предупреждение Кудерека и подумал: «Тут тоже какие-то таинственные караганчики...» — и невольно пощупал карман кителя, где лежал браунинг...

Переехав мелкий брод через речку, он выехал на открытую поляну. До дому оставалось с километр. Дорога была ровная, знакомая, и Чульдум пустил коня крупной рысью.

Поднявшаяся из-за гор желтая луна, точно огромный детский шар, оторвавшийся от поводка, поползла вверх по небу, разгоняя темноту над долиной. И тут Чульдум увидел знакомые три лиственницы, стоявшие недалеко от дороги. С этих лиственниц он когда-то собирал золотые светляки сладкой камеди, под ними играл с ребятишками — своими сверстниками. А где же юрта? Отцовской юрты не было. И даже дворы из жердей, остающиеся всегда на месте, исчезли.

«Куда они скочевали? — недоумевал Чульдум. — А главное — почему?» Много годов эта поляна служила постоянным летником для их семьи, тут было так удобно, привычно, и никогда раньше и мысли не было о перемене места...

Вдруг верховик поднял голову и призывающе заржал. Не прошло и минуты, как где-то выше по речке, ему ответило сразу несколько лошадей. Верховик мотнул головой, дернул повод из рук седока и, точно подстегнутый, сорвался с места и помчался вскачь на конские голоса.

За узкой полосой леса мелькнул огонек. В ярком свете луны Чульдум еще издали узнал свою родную юрту. Теплая волна радости ударила в сердце и разлилась по всему телу. Он пришпорил коня и уже через несколько минут соскочил с него у старой изгрызанной коновязи.

С громким лаем собаки окружили его, не давая возможности сдвинуться с места.

— Хак! Хак! — закричал на них высокочивший из юрты человек. — Эки, эжим! — приветствовал он Чульдума. — Далеко ли путь, кого ищете, эжим?

Чульдум не сразу узнал погрубевший голос брата. Когда он уходил на войну, Аракче не было еще и двенадцати лет, а сейчас перед ним стоял взрослый парень, чуть пониже ростом самого Чульдума. Желая подшутить над братом он сказал:

— С дороги я сбился. Места незнакомые... Нельзя ли у вас переоочевать?

Но тот уже узнал его и бросился обнимать.

— Брат! Чульдум! Что ж ты меня обманываешь, да я тебя сразу узнал,— с первого слова. Давай я привяжу лошадь, а ты иди скорее в юрту, мама там!

Чакан, сгорбившись, стояла у очага, вылавливая в чаше ковшиком листья чая. Выбившиеся из-под платка седые волосы вспыхивали в свете костра золотистыми искрами.

Взглянув на вошедшего, она выронила ковшик и, если бы Чульдум не поддержал ее,— упала бы.

— О, Чульдум, сынок мой!— тихо говорила она, прижимая его голову к своей груди.— Ты вернулся, сынок... Живой, здоровый?! А я тебя всегда ждала: и день, и ночь, каждое утро и каждый вечер. Все думала, где-то мой сыночек, здоров ли, не болеет ли?

Заметив шрам на щеке сына, она осторожно погладила его, заплакала и обессиленная опустилась на орун¹.

Чульдум склонился к матери, взяв ее натруженные работой руки, стал успокаивать. Она притянула к себе сына и сквозь слезы говорила:

— Сядь со мной. Вспомни, как ты бегал вокруг очага, как вон там, возле двери, играя с ягнятами, ты засыпал... Она еще долго говорила, вспоминая разные случаи из его детства, такие важные для сердца матери.

Отца дома не было, он поехал в горы, где пасся его табун.

— Почему вы бросили наш старый летник?— спросил Чульдум брата.

Посмотрев на мать, Аракча ответил:

— Все дело в том, что отец слишком доверяет Санжи-Ламе и слушает его советы... Тот сказал, что мать у нас болеет из-за какого-то злого духа, поселившегося там...

— Неужели отец поверил ему?

— Дело не в нечистой силе, а в том, что отец зачем-то понадобился Санжи-Ламе или Ананде здесь, на этом месте... Потом, как-нибудь в другой раз об этом поговорим. А теперь покушаем лучше.

Ложась спать, Чульдум рассказал Аракче о загадочном случае с двумя всадниками, испугавшимися его оклика.

Аракча сказал:

— Это, наверное, кто-то из богатых животноводов угонял свой скот подальше, чтобы не отдавать в колхоз. Как раз там, где они встретились тебе, проходит тропа в горы. Раньше она была еле заметной, а теперь ее так проторили, что можно на машине ехать...

¹ Орун — кровать.

— Почему же никто не препятствует угону?

Аракча удивленно посмотрел на брата:

— Кто будет препятствовать! У всех же есть скот, и каждый думает: лучшие продам, чем отдавать даром в колхоз...

Утром приехал отец. Он был чем-то озабочен и потому встреча с сыном была немного сдержанной. Отец молча обнял его, потом отступал на шаг, серьезно осмотрел сына, затем потрогал ордена и медали, изучил материал кителя. Довольный результатом осмотра, заговорил:

— Чего же ты раньше не ехал домой? Ведь война кончилась три года тому назад. Где был и чем занимался эти годы?

— Так я же писал, что находился в госпитале, потом в санатории, а после опять пришлось ложиться в больницу. У меня в легком застрял осколок, после операции начались осложнения... Вот я и задержался.

Чульдум достал из внутреннего кармана кителя кусочек железа с горошину и протянул отцу:

— Вот посмотрите какой он...

Все стали рассматривать лежавший на ладони Седена маленький осколок.

— Сынок, отдай мне его,— попросила Чакан.

— Возьми, мама, возьми! Да тебе зачем он?

Не отвечая, Чакан взяла двумя пальцами железную горошину и держа ее наотлете, вышла из юрты. Она донесла ее до берега и размахнувшись, бросила в реку...

Седен продолжал расспрашивать сына:

— Рассказывай, как воевал, говорят, страшно там, на войне. А ты теперь, пожалуй, большим начальником будешь, председателем или секретарем... Ну, а мы все по-старому живем, маленько хуже... Выпьем, сынок, ради твоего приезда!

Он достал из аппара¹ бутылку разведенного спирта и разлил по чашкам... Когда выпили, Чульдум осторожно сказал:

— Я думал, что наша семья в колхозе...

Седен долил в чашки и, повернувшись перед глазами бутылку, усмехнулся:

— И ты, сынок, тоже о колхозе говоришь... Ладно, допьем спирт, тогда поговорим...

Посидели, помолчали.

Седен сунул трубку в кисет и долго набивал ее табаком, рассиянно глядя на огонь в очаге. В юрте было жарко. В чугунной чаше варились мясо. Старик был в одной рубахе с раскрытым воротником, в синих далембовых штанах. Когда он, наконец, закурил — энергичное, суховатое лицо его стало беспокойным...

— Колхоз, говоришь? — начал он, — колхоз может и хорошо, да люди-то разные... Возьми тождем, — разве там ладится?

¹ Аппара — сундук.

Нет. Каждый хочет делать по-своему так, как он привык в своем хозяйстве делать. Разные хозяева — разные порядки, разная работа. Что мне нравится, то тебе не по душев... Спорят сначала, а потом разругаются.

Но в тожеме, как бы ни ругались, как бы ни расходились во мнениях, а каждый остается при своем скоте и при своем имуществе... А в колхозе, сын, не так. Совсем не так...

Он аккуратно выбил из трубки огонь на деревянный борт очага и, заправив ее новой порцией табака, ловко подхватил на трубку выбитый горячий пепел и, прижимая его пальцем, стал раскуривать... Затянувшись несколько раз, он продолжал

— А в колхозах не так, как в тожемах. Там — мои кони будут колхозными, овцы и быки тоже будут колхозными. А вот что имеется у колхоза, то никогда не будет моим! Понял?.. Выходит: если я отдаю в колхоз все, что имею, то получать мне будет уже не с кого... Было время, не имел я ни коня, ни овцы. Тогда я пошел к баю пасти его скот. Бай меня кормил, а колхоз разве будет меня кормить?.. Если я уйду из колхоза, куда мне деться? Баев теперь нету...

Чульдум протянул руку:

— Подожди, отец, ты что-то неладное говоришь. Кто тебе такое наговорил? Это не твои слова, чужими они мне кажутся.

— Не я один так думаю, сын мой. Да и не о себе одном я забочусь... Нам со старухой уже немного надо, а вот он,— Седен кивнул на Аракчу, который безмятежно спал, подложив под голову свернутый олбук,— он-то как будет жить без скота? Да ведь и тебе я должен выделить из хозяйства какую-то долю...

Чульдум дотронулся до отцовского колена:

— Мне, отец, ничего не надо. Не единой шерстинки! Да и Аракча ничего не возьмет от тебя, ему надо ехать учиться. Не захочет он в юрте жить... А тебе было бы все-таки лучше вступить...

— Постой, сынок,— перебил его Седен. Я знаю наперед, что хочешь сказать, мне уже не один раз говорили, иди в колхоз — там твоя старость будет обеспечена, будешь сыт и одет... Жить культурно будешь и все такое прочее. Но, «не раскусив зернатары — не узнаешь ее вкуса» — так говорит наша пословица. А я вот хочу посмотреть на эту самую культуру, и никак не вижу ее. Где она? Какая она? Вот говорят, человек культурный, если он сбросил халат и надел пиджак, если он ходит с сумкой через плечо или с такой плоской барбой, которую называют портфелем...

* * *

На дворе были уже сумерки. Возле конторы колхоза стояло на привязи несколько оседланных лошадей. Чульдум вошел в юрту.

Народу было много. Несмотря на большие размеры юрты, она едва вмещала людей: сидели в два, в три ряда, занимая даже самый центр, где обычно находится очаг. Ни стульев, ни скамеек не было, сидели на полу, поджав под себя ноги, или скрестив их, расставив колени. Было так накурено, что керосиновая лампа едва справлялась с синим туманом, полосами уходившим в дымовое отверстие, и кое-как освещала лица зратов. На хозяйствском месте против двери сидел председатель колхоза Бальчир — пожилой человек в темном грубого сукна костюме и кирзовых сапогах. На стриженой голове у него резко выделялся глубокий шрам. Живые проницательные глаза смотрели умно и благожелательно.

Председатель подвинулся и жестом пригласил Чульдума сесть рядом. Взгляды всех обратились на незнакомого человека: «Кто такой?» — безмолвно спрашивали они...

Чульдун оглядел присутствующих. Было человек двадцать, — в далембовых, в чесучевых и даже шелковых халатах. Кто в шляпе, кто в кепке, многие сидели без головных уборов. У большинства лица настороженные.

— Так вот, товарищи, — продолжал председатель, прерванную приходом Чульдума беседу, — девять семей без предупреждения и без ведома правления скочевали на свои старые стойбища. Как мы поступим с ними?

— Оштрафовать надо! — раздался голос от дверей.

— Ладно, оштрафуем, — согласился председатель. Предлагаю наказать их так: заставить вывезти из Карасука дрова для школы. Согласны?

— Согласны, согласны! — послышались голоса.

Председатель достал из сумки, лежавшей у его ног, листок бумаги, исписанный химическим карандашом и показывая его собранию, объявил:

— Есть еще одно важное дело, товарищи. Мы должны принять меры против тех людей, кто скрывает от колхоза свой скот...

Стало тихо, точно сидевшие прислушивались к каким-то далеким звукам. Председатель продолжал:

— Вот например, колхозник Наксыл...

Сидевший слева у стены человек в старой чесучевой шубе вдруг вскочил, как бы намереваясь уйти, но тут же сел обратно на место и рывком выдернул трубку из-за голенища.

— Колхозник Наксыл, — продолжал спокойно председатель, — скрыл от нас десять голов крупного рогатого скота и пять лошадей... Скот и лошади находятся у его тестя — Алдын-оола.

— Это не мой скот! — сердито выкрикнул Наксыл.

— Эш Наксыл! Нам точно известно, скот и лошади — твои. Сам Алдын-оол сознался... Но хотя ты и обманул колхоз, мы считаем, что сделал ты это по ошибке, по несознательности, а

не по злому умыслу. Мое предложение тебе такое: сознайся в своей ошибке, пригони животных в колхоз. Что скажешь на это?

Низко склонив голову, прокинувшийся отчаянию дымил трубкой. В юрте опять наступила тишина, слышно было только как хрипит и захлебывается исчищенная трубка Наксыла. Медленно разогнув спину, Наксыл поднял лицо и, глядя куда-то поверх людских голов, неожиданно спокойным голосом сказал:

— Пригоню... Завтра.

— Я так и думал,— обрадовался Бальчир,— Наксыл честный человек. Я его давно знаю, по он наслушался чьих-то речей.

Бальчир взял чашку с остывшим чаем, отпил и заговорил снова:

— Есть у нас и еще такие люди, которые дали неправильные сведения о своем хозяйстве,— тоже скрыли скот... Он замолчал и медленно обвел взглядом сидевших.

Чульдум заметил, что некоторые при этом заерзали.

— Да, есть такие люди,— продолжал председатель,— но я сегодня не буду называть их имен, пускай сами подумают и исправят свои ошибки.

Кто-то постучал в дверь и, приоткрыв ее, спросил по-русски:

— Можно к вам?

— Можно, можно!— ответило несколько голосов.

Через порог перешагнул человек выше среднего роста в сером брезентовом дождевике и в кожаном картузе. Сняв картуз, он поздоровался.

— Я председатель колхоза «Новая жизнь». Фамилия моя — Кононов. Приезжал в Чадан по колхозным делам, встретил вашего секретаря, и он попросил меня приехать к вам на собрание и поделиться опытом нашего колхоза. Если пожелаете, могу рассказать о своем колхозе...

— Желаем, желаем! Просим!

Кононова усадили между Чульдумом и Бальчиром. С интересом и любопытством разглядывали араты незнакомого человека из русского колхоза и тихо переговаривались между собой.

До войны Чульдум бывал в поселке этого колхоза. Он находился на выходе речки Оралыг из гор Танну-ола. На добрую сотню километров оттуда открывается вид на долину Улуг-Хема. Там за Улуг-Хемом стеной поднимаются к небу горные хребты, овеянные легендами о железных плотах, о каменных маралах, о богатырях...

— Так вот, товарищи, слушайте,— начал рассказ Кононов. В войну меня ранило, и я надолго попал в госпиталь, а когда поправился, вчистую отпустили домой.

Партийная организация в нашем поселке в то время была небольшая, но народ все крепкий, закаленный — партизаны да фронтовики. Но больше половины — калеки: кто без руки, кто без ноги, а то и без обеих... Собрались мы, стали обсуждать на-

ши колхозные дела: хозяйство развалилось, все рушится. Одним словом --- куда ни кинь — везде клин. Расхлябались колхозники, а тут еще подкулачники подсыпают разного мусора им в головы. Решили мы опереться на трудолюбивых честных мужиков и поставить колхоз на ноги.

Стали беседовать с людьми, выяснять причины упадка колхоза. Крику, шума много было. В жизни как бывает: мужик за колхоз стоит, а женщина за свой огород, за корову да за поросенят.

На общем собрании выбрали меня председателем колхоза. Бригадирами назначили тоже коммунистов.

Дело было в марте, сев на посев, а у нас ни одного комплекта справной сбруи, ни одной целой бороны, ни одной хорошей телеги... Колхозный трактор находился в ремонте в Кызыле. Надо было его выкупать, а касса колхозная — пуста. Что делать? Собрали партийцы между собой три тысячи, да две тысячи колхозники насбирали. За ремонт заплатили, а пахать и сеять все равно пришлось на лошадях, потому что опоздали привезти трактор.

Среди колхозников не оказалось ни одного щорника. Опять беда. Разыскал я старика-единоличника, уговорил его взяться за ремонт колхозной сбруи. Сделал. Отремонтировал старую, да еще и новой пятнадцать комплектов сшил. Другой старичок отремонтировал телеги. Остальное сделали сами — кто что смог.

Но с народом трудно было: то один, то другой не выйдет на работу, срывают планы, не выполняют задания... Станешь говорить, а они отвечают: нам что больше других надо, что ли... Собрали мы собрание, я и говорю: зачем вы меня выбрали, если не желаете слушаться, если не выполняете моих распоряжений? А они смеются: «Ты, наверное, плохо распоряжаешься, коли тебя не слушаются».

Кононов повернулся к Бальчиру и спросил:

— У вас тоже бывают такие разговоры?

Тот улыбнулся и ответил:

— У нас еще не успели разговориться, все большие помалкиваем...

Все рассмеялись.

— Пошли партийцы по домам. Приходят к одному, к другому, начинают разговор: как живешь, в чем нуждаешься, чем недоволен, каковы семейные дела... У каждого попросят совета, как лучше наладить колхозное хозяйство... Всех обошли, обо всех узнали, каждому рассказали о колхозных нуждах, о том, что если бы все дружно работали, то наша артель поднялась бы так, что люди стали бы завидовать нам.

После этого замечаем: по-другому стали работать мужики, заботиться начали о коллективном деле и мне помогать... Ну, я теперь милости просим, приезжайте к нам в гости, посмотрите.

какие дома себе строят колхозники, сколько позавели добра. Но самое главное — хозяйство колхоза раз в десять выросло!

Чульдум заметил, с каким вниманием слушали араты русского человека, он видел их лица, отражавшие душевые волчения: одни — недоверчиво хмурились, другие сдержанно улыбались, трети восторженно светлели... И не было среди них равнодушного человека, которому был бы безразличен рассказ о трудных шагах далекого колхоза и его людей,— таких же простых тружеников, как и они сами... Пойдут они сейчас по своим юртам и каждый по-своему воспринявл услышанное, будет обдумывать собственное отношение и будущее поведение в артельной жизни.

* * *

На другой день к Чульдуму пришли Аир, Ольжат и Лизимбей. Они предложили ему поехать с ними к табуну. Надо было выбрать с десяток рабочих лошадей и привести их в поселок.

Чульдум согласился и поинтересовался, кто пасет колхозный табун.

— О, там у нас опытный старый табунщик — Тамба, он когда-то был пастухом у самого Ананды! — сообщил Ольжат.

В тот же вечер они выехали в горы. Переночевали в кедровой тайге, у подножья таскыла. На следующий день добрались до табуна. В летнее время здесь, на высокогорных плато, пасутся колхозные табуны лошадей и стада крупного рогатого скота. Пока их еще не так много, как хотелось бы: необозримые пространства с привольными пастбищами невольно рождают мысль о будущих несчетных стадах...

Тропа извивалась в зарослях полярной берески и карликовой серебристой ивы. Иногда она расщеплялась или пропадала совсем, чтобы вновь неожиданно появиться на прогалине среди кустов.

Вдали у невысоких, кряжистых кедров, показался чуть припятный дымок над черным конусом юрты.

— Тамба там живет, — сказал Аир.

Какой-то человек вышел из юрты, постоял, глядя в их сторону из-под руки, потом отвязал от столба лошадь, вскочил в седло и скрылся за кедрами.

Отбиваясь от собак, Ольжат и Чульдум вошли в юрту. На полу лежал мужчина и что-то пьяно бормотал. Около него вязалась пустая бутылка. В очаге дымили головешки. На кровати спала женщина, она, по всем признакам, была также пьяна.

Это были Тамба и его жена.

— Картина! — сказал вошедший Аир. Зря ты хвастал Ольжат: «Старый... опытный... у самого Ананды пас табун...» Вот он нам напасет, растеряет лошадей.

Ольжат промолчал и первым вышел из юрты.

— Куда теперь? — спросила Лизимбей, когда все стали садиться на лошадей.

— Поседем разыскивать табун. Там должен быть Хунажик — помощник Тамбы, может и он валяется где-нибудь в кустах, — мрачно ответил Ольжат.

Проехав километра два без тропы, по зарослям березки, они выехали на вершину пологого холма, откуда открывался вид на обширную равнину, почти лишенную леса.

— Вот и табун! — радостно крикнула Лизимбей, показывая вправо, где среди зарослей виднелись разномастные спины лошадей.

— А я палатку вижу! — объявил Аир, стоя ногами на седле и разглядывая голубоватое пятно возле одинокого кедра.

— Чай, ча! — весело крикнула Лизимбей и первая поехала к палатке, искусно лавируя в кустарниках.

Остальные последовали за ней.

У костра сидел юноша в синем халате с подоткнутыми половами. На голове у него, вместо шапки, торопился конусом неопределенного цвета платок, на ногах — легкие кожаные маймаки. Он сосредоточенно мешал поварешкой в небольшой походной чаше, морщился и крякал, отворачиваясь от едкого дыма костра. В трех шагах от него стоял огромный сухой кедр, добыла отмытый дождями и потерявший на старости лет свою красу — зеленую хвою и золотистую кору. Он широко раскинул корявые толстенные сучья, и одним из них держал за повод оседланного коня. Небольшая палатка из синей далембы, была поставлена по-монгольски на одном колу.

Хунажик очень обрадовался приехавшим, и сразу же поклонился на свое невеселое житье:

— Сюда редко-редко кто заглянет... Живу с одними лошадьми. Скоро сам начну по-лошадиному ржать... Тамбу и тоже редко вижу, он все куда-то уезжает, а больше пьянствует.

— Кто сегодня у него был на пегом коне? — спросил Чульдум.

— Или Мадыкай или сам Санчи-Лама, черт носит вездесущего старого паута. Это у Ананды в табуне пеганые лошади имеются.

— Кто такой Мадыкай?

— Сын Ананды, — вмешался в разговор Аир. — Он в Кызыле служит. К нам в поселок часто приезжает. Видно наши девушки ему приглянулись... — Аир лукаво взглянул на Лизимбей: — Правду я говорю?

— Знаешь, Аир, если ты еще раз напомнишь мне об этом человеке, я перестану с тобой разговаривать, — возмущенно отрезала девушка.

— Садитесь, товарищи, кушать! — пригласил Хунажик, доставая поварешкой куски вареного мяса и раскладывая их на листьях лопуха. Вчера козла добыл. Жирный! Тут их много.

Когда расселись вокруг костра, он неожиданно задал вопрос:

— Что бывает пастухам, если из табуна исчезают лошади?

— То есть, как исчезают? — удивился Ольжат.

— А так: с вечера у чалого жеребца в косяке было двадцать кобылиц, а наутро оказалось только семнадцать...

— Где же пастухи были? — сердито спросил Аир.

Хунажик развел руками:

— Разве могу один за всем табуном досмотреть! Тамба что ни день, то пьяный... Ему не хватает времени к табуну пристать, все с гостями гуляет...

— Что за гости? — спросил Чульдум.

— Откуда же я знаю, — я с ним не гуляю. Мое дело маленькое, что скажет Тамба, то и делаю. На то он и старший табунщик.

— А ты кто? Колхозник? Так почему же говоришь, что твое дело маленькое? Почему не сообщал председателю о пьянстве Тамбы? — напустились на Хунажика Аир и Ольжат.

Лизимбей тоже стала доказывать ему, что он, как комсомолец, не имеет права замалчивать поступки табунщика и оставаться в стороне.

Хунажик вначале растерялся под градом сыпавшихся на него упреков, но вдруг рассердился, вскочил на ноги и, размахивая руками, закричал:

— Что вы на меня набросились, как волки на жеребенка! Вам хорошо там в поселке, живете все вместе, а я тут один на сто километров кругом... Вы думаете, мне сладко живется? Нет, не сладко! Вы сморщитесь, попробовав моей жизни! Да никто из вас и не согласится остаться здесь один с табуном... Смелости у вас не хватит! Сменяйте меня к черту! Не буду больше настичи!..

Лицо Хунажика стало серым, глаза вонзались то в одного, то в другого. Он зло разбросал ногами припасенные у костра дрова, сдернул с головы платок и швырнул его в костер...

Лизимбей схватила платок на лету, подошла к Хунажику, взяла его за руки:

— Ну, перестань, перестань... Ты прав, Хунажик: забросили мы тебя, забыли о тебе. Но теперь это исправим. Не волнуйся только, успокойся!

Хунажик сразу остыл, сел у костра и долго молчал, ковыряя сучком в золе.

И все почувствовали свою вину в том, что молодой паренек, едва вступивший в жизнь, один заброшен в такую даль, где не с кем перекинуться словом, ни поиграть, ни посмеяться, ни поделиться с другом тайными мечтами...

— Эх! — вздохнул Хунажик. — И скучно же бывает иногда! И страшно бывает так, что в голову залезает мысль: брошу

все, убегу в поселок. Пускай все пропадает! Ночей не сплю... Костры жгу, да стреляю, а когда зарядов не хватает, то волков пугаю вот этой штукой... — он сунул руку в сумку, извлек оттуда деревянную трещотку и, подняв ее кверху, покрутил. Раздался громкий треск.

— Трещит, как сенокосилка! — рассмеялся Аир.

Странно, — проговорил Ольжат, рассматривая трещотку. Не из-за этой ли штуки у нас кони косилки таскали... Ведь они из этого табуна взяты...

Аир пожал плечами:

— При чем тут трещотка?

— У меня в гостях не только волки бывают, — продолжал Хунажик. Вчера днем медведь прошел воин по той поляне: седой, лохматый, ростом с доброго коня будет... Увидел меня, встал на дыбы, рявкнул и пошел дальше.

Гости рассмеялись.

— Вам смешно, а мне не очень хотелось смеяться, когда он встал на задние лапы да замахал своими лапищами... Но хуже, когда люди появляются около табуна. Не в гости, конечно, приезжают, а коней воровать... Да не один, а по два, по три человека. Что я с ними сделаю!

Лизимбей обратилась к Чульдуму:

— Очень вас прошу, товарищ Чульдум, помогите уговорить председателя сменить Тамбу и прислать к Хунажику еще одного или двух ребят. А то, действительно, одному тут страшно.

— У вас такой разумный председатель, что едва ли придется его уговаривать в таком важном деле. Кстати, Лизимбей, считайте меня своим сообщником во всех ваших комсомольских затеях и делах.

Девушка благодарно улыбнулась:

— Постараемся использовать ваше опрометчивое предложение. Мы будем очень рады вашей помощи, только смотрите, не провалитесь вместе с нами, наши затеи не всегда разумны...

— Кто-то еще едет, — прервал их Хунажик, посмотрев на привязанных к кедру лошадей, беспокойно прядавших ушами.

Далеко по хребту горы ехали рысцой три всадника. Непонятно было, почему они ехали по горе, где, по словам Хунажика, не было тропы.

— Не к добру они опять тут ездят, — заметил он. — Неделю тому назад тоже какие-то трое, а может они самые и есть, — проехали около табуна, а на другой день я не досчитался двух кобылиц с жеребятами... В ту ночь услышал я какой-то шум, что-то неладное творилось в табуне: кони ржут, перекликаются, топот такой, будто жеребцы гоняются друг за другом. Ночь была темная. Тучи над головой нависли. Дождик пошел мелкий-мелкий, да густой... Куда пойдешь, что сделаешь в такую темень?.. Вдруг слышишь — выстрел. Ну, думаю, теперь

мне возле табуна делать нечего: как раз пулью получу, как Кылын-оол — табунищик из «Красной звезды», которого застрелили у палатки.

— Где это? — спросил Чульдум.

— Там, за горой. Километров двадцать отсюда. Взял ружье, накинул на себя кошму и ушел от палатки подальше... Сижу, жду утра. За спиной у меня кедр, впереди — куст брезки. Прислушиваюсь, что творится в табуне. Но шуму слышу: сбился табун в кучу. Потом началась гроза: молния, гром... И уж не слышно табуна, ничего нет: ни топота, ни ржанья, ничего! Задремал я, а проснулся не то от выстрела, не то от грома. Дождь перестал. Заря зиялась и стало светло. Смотрю, табун уже разбрелся на косяки и пасется. Подошел к палатке, а там от моего костища осталась одна яма!

Встревоженные рассказами Хунажика, товарищи стали обсуждать как лучше наладить охрану колхозного табуна.

* * *

— Вы идите, девушки, не задерживайтесь! — говорила Лизимбей, выпроваживая Сару и Уйнук из юрты. — Я скоро приду, вот только перепишу список нашей бригады и отнесу председателю. Да не забудьте захватить соль и сахар: на покосе не осталось ни того, ни другого. И еще зайдите по пути в юрты, проверьте — не спит ли кто из ребят.

Пристроившись на оруне, Лизимбей положила себе на колени крышку от ящика, на нее лист чистой бумаги и стала заполнять его именами своих товарищек. Четырнадцать человек! Это же большая сила!

Первой в списке стояла Сара. Крепкая, сильная, она может любого мальчишку своего возраста за пояс заткнуть! А Уйнук! Не смотрите, что она маленькая, невидная, но очень умная, сообразительная девочка. Разбудите ее среди ночи и спросите: сколько, Уйнук, у нас в колхозе коров, телят и овечек? Она без запинки расскажет все правильно... А Раю с Базынкой! Два человека, а одна мысль... Что думает одна, то думает и другая, что делает Раю, то и Базынка, куда пошлешь Базынку, туда побежит и Раю... Со стороны можно подумать, что они близнецы, сросшиеся мыслями при рождении, а на самом деле и родились-то они в разных сумонах.

Следующим в списке — Аир, этот кряжистый парень всегда и на все имеет свое мнение, вечно спорит и готов с кулаками доказывать свою правоту. Его за это недолюбливают, но никто не скажет, что Аир плохой парень. Дальше — Ольжат. Красавец Ольжат! Одни его кудри смоляные чего стоят! Не одна девушка о нем вздыхает... Дельный, толковый, семь классов кончил. На собраниях он часто спорит с ней — с Лизимбей.

я тоже крепко отстаивает свое мнение, но когда случается им оставаться одним — с глазу на глаз — Ольжат становится сам не свой... Что с ним делается? Непонятно. Но Ольжата надо вычеркнуть из списка, потому что он в другой бригаде и уже сам бригадиром стал. Теперь они будут соревноваться. Посмотрим, кто кого!

Потом в списке значатся Санчат, Биче-оол, Тембрел, Ажикма и другие, — все хорошие ребята. За некоторыми, правда, надо смотреть и смотреть, — того и гляди что-нибудь патворят.

Она закончила список, сложила лист вчетверо и побежала к председателю.

В юрте Бальчира сидели Лопсан и Чульдум. Лизимбей подозворовалась, передала список Бальчиру и обратилась к Лопсану:

— Вы сегодня будете у нас на покосе?

— Даже ночевать там собираемся. А завтра я уеду в районный центр, вам оставляю товарища Чульдума.

— Как — насовсем? — не скрывая радости, воскликнула она.

— А, обрадовалась! Ну, не совсем, а покос-то он у вас будет.

— Мы будем очень рады!

— Да ты не радуйся за всех. За себя только...

Чульдум прикрикнул на Лопсану:

— Слушай, чего ты донимаешь девушку, задерживаешь ее!

— Ладно, ладно... Я ведь шучу, — оправдывался тот, видя, что Чульдум, да и девушка готовы рассердиться на него.

Лизимбей, не прощаясь, только взглянув на Чульдума, вышла.

Минуя в беспорядке расставленные по поляне юрты, она направилась в поле. Солнце еще стояло невысоко, но уже пригревало основательно. Воздух был напитан ароматом трав и цветов. Особенно хорошо пахло от низкорослой бледно-голубоватой полынки, что росла на каменистых сухих местах. В это время года даже колючий караганник становится красивым и расцветает множеством ярко-оранжевых цветов, похожих на детские башмачки.

Чтобы сократить путь, Лизимбей взяла прямое направление на Шынактыг, где находились покосы. Однако вскоре ей пришлось пожалеть об этом: переходя старое русло оросительной канавы, она оступилась и задела большой ногой за острый камень. Сильная боль заставила ее присесть и дождаться, когда она утихнет.

Растирая ушибленное место, она оглядывала местность, открывавшуюся с высокого косогора, по которому проходила главная артерия древней оросительной системы. Кругом лежала нетронутая степная целина. Многие столетия лежит она с

тех пор, как последний неизвестный труженик покинул ее, оставив в борозде примитивную соху с самодельным чугунным темехом, отлитым где-то под горой Темир-тау, в первобытной корчажной литеиной...

Девушка смотрела на множество курганов, разбросанных по целине... Сколько они могли бы рассказать о далеких временах! А курганы разные,--- значит и люди жили здесь разные. Вон там высокий, с маленькой гору курган, --- он состоит из крупных окатанных валунов и галечника, весь курган цветет яркими красками лишайников. Вот тут --- другой, похожий на лунный кратер: широкое кольцо из камней, внутри кольца --- ничего, кроме кустов караганы да травы. Отойдешь от кольца на десять-двадцать шагов и опять, еще большее кольцо вокруг первого.

Лизимбей вспомнила, как приезжала сюда экспедиция. Ей тогда было лететь восемь. С подружками она приходила к месту раскопок и издали наблюдали, как выбрасывали землю из большой ямы, просеивали ее на ситах, что-то собирали и завертывали в бумажки. Седой человек в очках позвал девочек, но подошла только Лизимбей. Он показал ей глиняный горшок с выломленным краем, железные стрелы и трухлявый деревянный лук. Она очень удивилась: зачем седому человеку понадобились старые, негодные вещи?..

Боль в ноге утихла, и Лизимбей пошла дальше, осторожно выбирая путь. Она вышла на ровную степь, покрытую шелковистой невысокой травой. Впереди, до самых покосов, виднелась все та же равнина без единого кустика и деревца. И только небольшая группа белых камней сверкала на солнце посреди этой степи. Дойдя до них, она взобралась на плоский валун величиной со стол. Интересно, почему среди степи оказались эти белые, как сахар, камни? Сколько их? Раз, два, три, четыре, пять, шесть! Они лежат по кругу на равном расстоянии один от другого. Это, наверное, не случайно! Если провести мысленную линию от камня к камню через центр заключенного в них круга, то получится шестиконечная звезда. Это еще одна загадка древней жизни. А как все это разгадать?

Девушка продолжала идти и думать. И с каждым шагом перед ней вставало все больше и больше вопросов --- один другого сложнее, труднее.

Она вспомнила своего отца, умершего в прошлом году от простуды. Он каждый год сеял один --- два шана проса и ячменя. Питались кое-как, лишь бы не умереть с голodom... А таких семей много. Кому-то бедная жизнь арата была выгодна. Наверно баям, потому, что чем больше бедняков, тем больше у бая даровых работников... Об этом надо будет рассказать ребятам. Обязательно.

А мысли Лизимбей взбирались все выше и выше... Кому же была выгодна кочевая жизнь аратов? Наверно им же все,— баям. Кочуя с одного места на другое, арат не может иметь ничего такого, что не уложилось бы на выночном быке. Потому-то у него вместо плуга — андазын, вместо бороны — кара-ганик. Ни молотилки, ни мельницы не могло быть у кочевого человека. Куда он с ними! Молотилку заменяли быки, которые своими ногами обмолачивали колосья ячменя и метелки проса; вместо мельницы арат приносил деревянную ступу. Так жил ее отец, так жили еще многие араты.

* * *

Чульдум проснулся, приюднялся на локте и осмотрелся вокруг. Все еще спали. Начинало светать. Звезды гасли одна за другой на линялом небе, острые прямые стрелы далекого пока еще солнца беспокоили восток.

Он сбросил с себя полушибок и потянувшись провел рукой по волосам. Они были мокрыми от росы.

Справа и слева спали ребята и девушки. Недалеко лежали обнявшись Рая и Базынка. Вечером они дольше всех не ложились,— на них нашел беспричинный смех, и девушки не давали покоя другим. В конце концов на них прикрикнули, и тогда они обе враз замолчали.

Рядом с Чульдумом, раскинув руки, спал Аир. Одна щека у него была вымазана сажей, а возле лица лежала колючая ветка караганника: девчата за что-то мстили Аиру. За ним виднелась кудрявая голова, поседевшая от росы, это Ольжат. Он и вся его бригада пришли на стан поздно и, не поужинав, легли спать. Лизимбей, Сара и Уйнук устроили себе ночлег под кустом ивы, соорудив из веток шалаш.

Заря разгоралась. Краски неба меняли цвета, гасли и вновь разгорались еще сильнее. И вот уже горит, полыхает небо, оно становится выше и глубже. Гаскылы сбросили синие тени и зажгли на своих вершинах солнечные факелы...

Чульдум прислушался к музыке утра. Недалеко в траве перепелка звала кого-то: пи-ть пой-дем, пи-ть пой-дем; в кустах ивняка жаловалась крохотная пеночка. Просвистели над самой головой три красавца-селеznия и, совершив крутой вираж, шлепнулись в озерко — в трех шагах от спящих людей. В кустах у канавы куропатка-мамаша сердито наставляла своих несмышленных цыплят...

Чульдум не мог больше лежать. Он вскочил и поддавшись зорному желанию напугать спящих, крикнул:

— Здравствуй, утро ясное!!!

Два десятка голов приподнялись и уставились на него сонными недоумевающими глазами.

— По ма-ши-нам!!! — еще громче крикнул Чульдум.

В ответ ему начался медленный, неохотный подъем молодого народа, видевшего в сладком утреннем сне столько приятного...

Чульдум рассмеялся и огорченно сказал:

— Эх, ребята, ребята, на хлеб не заработкаем — если такими темпами будем подниматься каждое утро!

Закинув полотенце на плечо, он пошел на канаву. Сняв рубашку, стал плескать на себя холодную воду, вспомнив при этом, как он в детстве боялся воды и по месяцу не умывался...

— Представляю, какой я был тогда... — вслух проговорил он и засмеялся.

— Над чем это ты? — раздался за спиной голос Лопсана.

— Над собой. Вспомнил свою чумазую юность... Он вытерся, и повесив полотенце на ветку ивы, продолжал: — В армии товарищи меня спрашивали, какая у нас культура, обычай, обстановка в домах... Я охотно рассказывал, и все жалели меня за бедность и отсталость. И мне это нравилось. Но однажды кто-то взъярился да и посмеялся надо мной, — дескать, вернешься домой, забудешь как в баню ходят и перестанешь умываться... Обиделся я, и с тех пор замкнул на замок свое детство и никогда, никому больше не показывал....

Ольжат стоял с железным ведром возле бочки и нараспев приглашал:

— Подходите, кому лень на канаву идти! Подходите лентяи, лодыри, волынщики!

Возле него образовалась очередь. Ольжат щедро выливал им на головы по полведру, а когда вода в бочке кончилась, сказал:

— Вот и хорошо, ребятки. Теперь берите ведра и таскайте воду в бочку... За три дня вода в ней застоялась, а теперь будет опять свеженькая. Он громко расхохотался, увидев как вытянулись физиономии ребят.

Шутки, смех и песни оживили прохладное утро. Вспугнутые на озерке утки с криком пролетели над станом и скрылись за дальней тополевой рощей.

Прозрачный пар поднимался от скошенного луга и собирался в продолговатое белое облако. Легкий, едва ощущимый ветерок медленно двигал его к таскылам. Вот оно зацепилось за вершины деревьев и начало карабкаться по ним выше и выше — к самой верхушке горы, немного покрутилось над ней, и, погнувшись, округлые мягкие формы, поднялось в воздух и отправилось в путешествие по голубому небосклону.

Чай пить никто не стал, кроме тех, кто вчера не ужинал. Решали сначала поработать. Обе бригады с жаром принялись грести и копнить подсохшую траву. Задолго до обеда на ближнем участке гребля была закончена, и теперь бригады расходились в разные стороны от стана.

— Ой, девочки, помогите! — взмолилась Лизимбей, таша в узкой руке котел с продуктами, в другой узел с посудой.

Базынка и Рая, находившиеся поблизости, отобрали у неё всю пошту и побежали вперед. Через несколько минут они уже выбрали место на краю луга и сложили там под ивой котел и узел.

— Вот тут и обед будет у нас, — сказала Базынка и взглянула на подружку, но привычке ожидая ее согласия.

На обширном лугу, пересеченном неглубокими овражками, мелькали фигуры девушек в пестрых платьях и ребят в длинных трусах. Двое юных граблей собирали сено в валки, а валки в копны, которые захватывались веревочной петлей и доставлялись к стогу.

Лизимбей подозвала одну из девушек и, передавая ей коробок спичек, сказала:

— Тебе, Уйнук, поручаю приготовить обед. Сегодня у нас будет только суп да чай, так что ты уж постараися получше приготовить. Впрочем, ты у нас ведь мастерица на это дело. Ну, беги скорее, а то ребята вот-вот кушать запросят... А за тебя я сама поработаю. Давай-ка твои грабли!

Уйнук была уже на полдороге, Лизимбей вдруг вспомнила и побежала за ней, крича:

— Уйнук, Уйнук! Подожди! Я забыла сказать тебе: с огнем будь сегодня особенно осторожна, видишь какая сушь. Если начнется ветер — сразу же гаси костер!

— Напрасно беспокоишься, я ведь не маленькая, понимаю.

— Ну, то-то. Беги.

Солнце стояло над головой. Небо чистое, и на горизонте сливаюсь с ним, маячили далекие горы с едва приметными пятнами снегов. Тайга, языками спускавшаяся с них в долину, дымилась в жарком мареве. На лугу гудели паути и оводы и мешали работе: лошади бились в упряжи, отчаянно махали хвостами и кусали себя за бока...

Все чаще поглядывали ребята на большую иву, из-под которой вырывался дым костра. Некоторые бегали на канаву, пили нагретую солицем воду, обливали себя с головы до ног, но это мало помогало от жары. По пути они забегали под тень ивы и заглядывали в кипящий котел...

Уйнук выпроваживала их, напутствуя не очень ласковыми словами:

— Уходите отсюда! Лень работать, так и бегаете поминутно на канаву. А сюда вам совсем незачем заходить!

Уйнук пошла с ведром за водой.

Пробравшись сквозь зеленую стену к воде, Уйнук зачерпнула ведро воды, поставила его около канавы. Здесь было

прохладно и дышалось так легко, что не хотелось уходить. Она сбросила идики, зашла по колена в воду и начала обмывать ноги.

Зеленовато-серая жамышевка неслышно села на ветку и с любопытством стала разглядывать девушки. Уйнук зачерпнула горсть воды и брызнула на нее. На той стороне канавы фыркнула лошадь и треснула сучок.

— Ой, кто это! — испугалась Уйнук и выскочила из канавы. Она всмотрелась в тальниковую гущу и увидела метрах в десяти оседланную пеганую лошадь, привязанную к большой талине.

Торопливо обувшись, девушка схватила ведро и стала выбираться из чащи.

— Обед готов? — услышала она громкий голос Сары, стоявшей с вилами у стога.

— Готов. Идите обедать!

Работавшие на конных граблях ребята остановились и стали выпрягать лошадей. Базынка и Рая, обнявшись, пошли к стогу, где собирались и другие.

— Значит, у нас больше половины уже сметано, — говорила Лизимбей. — Я думаю, до заката солнца успеем закончить работу. Хорошо бы узнать, как дела в той бригаде. Кто сходит?

— Я съезжу, моментально! — радостно крикнул Биче-оол, рассчитывая лихо прокатиться верхом.

— Не волнуйся, молодой человек, никто тебе коня не даст, лошадям надо отдохнуть, а не раскатывать таких сорванцов... Если хочешь иди пешком, тут недалеко. Что, не охота стало? Эх, ты...

— Я сбегаю! — заявила Севиль.

Ей не больше пятнадцати лет. Она одета в старенький халатик, на голове голубая сatinовая косынка — ее гордость и предмет неустанных забот: каждое утро надо прогладить крохотным утюжком, которым разглаживают только пиды... На ногох — материны идики, — они велики, но в них зато не наколешь ногу на кошенице. Ходила она некрасиво, переваливаясь по-утиному...

— Ну и проходишь до вечера... — насмешливо сказал Биче-оол.

— Нечего подсмеиваться! — оборвала его Лизимбей. — Снимай, Севиль, идики, давай их сюда. — Она села на траву и сняла свои сапоги. — На, надевай!

С сияющим лицом девочка стала переобуваться. Через минуту она уже быстро шагала к главному стану. И тут все увидели, что походка у Севиль совсем не утиная: шла она широким шагом, бодро размахивая руками...

— Обеда-ать! — громко звала Уйнук.

— Идем, идем! — ответила Сара.

Под кудрявой ивой на утоптанной траве большой горкой лежали чашки, тарелки,— все что могло служить подходящей посудой для обеда. Красная, как степной мак, Уйнук хлопотала у костра.

— Жду, жду вас... Который раз уже подогреваю! — ворчала она, приворю разливая суп в посуду и раздавая обедающим.

Кто-то из девушек громко возмущался:

— Что это такое, почему нариям в тарелки налили, а нам в деревянные чашки? Вчера только кричали о равноправии... Посмотрите на них: сидят как три бурхана, и тарелки перед ними!..

Биче-оол и Тембрел пытались спорить, но за шумом и ходом их никто не слушал. Санчкат закрывался рукавом и не знал, куда ему деваться от насмешек.

Когда шум начал стихать, Лизимбей серьезно сказала:

— Уйнук права, девушки. В нашей бригаде всего трое мужчин...

— Ну и мужчины... Мальчишки.

— Мальчишки или не мальчишки, но они всю тяжелую работу делают. Не нашлось же никого из девчат, кроме одной Сары, кто бы подавал на стог. А вы говорите — бурханы...

Легкий ветерок пошевелил свисающие ветви ивы и освежил застоявшийся под ней жаркий воздух. Надоеvшие пауты отстали от людей и вместе с волной ветра унеслись в знойное небо. Под деревом стало прохладнее.

Кто-то крикнул:

— Севиль идет!

— Идет! Идет! — закричали все разом, вскакивая с мест. Базынка не утерпела и побежала навстречу Севили. За ней пустилась и Рая. Лизимбей тоже хотелось бежать за ними, но она сдержалась и, спокойно поднявшись, стала ожидать. Ох, как хотелось поскорее узнать! А вдруг та бригада уже кончила!

Севиль прибавила шагу и еще издали крикнула:

— К ночи кончат!

— Ну, значит мы не отстаем,— облегченно вздохнула Лизимбей.— Кто хочет, может отдохнуть, а кто не устал — на работу! Пойшли!

Шумно и весело направились к недометанному стогу.

Солнце склонялось к западу. Бригада закончила греблю и возку колен. Предстояло вывершить стог и придавить острый хребет его тальниковых хлыстами.

— Девушки! Все сюда! — позвала Лизимбей. Кто из вас может тальнику нарубить? Ну! Что же вы молчите? Значит спать «бурханов» будем просить?

Стоявшие на верху стога Биче-оол и Тембрел громко рассмеялись.

К Лизимбей подошла Севиль.

— Я умею рубить...

— И я тоже,— сказала Уйнук.

— И мы сумеем,— не очень решительно заявили Рая и Башыка.

— Вон там два топора лежат, бегите кто-нибудь принесите. Пойдемте скорее, пока солнце не закатилось.

Лучше всех орудовала топором Сара. Она подсмеивалась над неповоротливостью девчат и покрикивала, бросая им срубленные талины:

— Тащите, тащите, негодные девчонки!

Биче-оол и Санчкат связывали хлысты вершинами и укладывали на стог. Закончив, они скатились со стога и, подняв большие пальцы рук, хвастливо крикнули, показывая на свою работу:

— Во!

— А почему он у нас горбатым получился? — удивилась Лизимбей, оглядывая стог издали.

— Ничего, на первый раз хорошо,— сказала Сара.— Только очень лохматый, как медведь...

— Все, товарищи, кончили! Пойдемте на стан,— весело опровергнула Лизимбей.

Солнце ударились краем о гору, вспыхнуло, и догорая нестерпимым светом, укатилось за горизонт. Откуда-то со степи, закрывая полнеба, тучей летели галки, нарушая криком тишину вечера.

Уйнук и другие девушки собрали посуду, котел и остальные поварские орудия. Севиль сбегала с ведром за водой и затаила кострище.

— Пошли, товарищи, пошли! — торопила Лизимбей.

Отойдя немного, все приостановились и повернулись к стогу. Впервые в своей жизни видели они такое большое сооружение, сотворенное их руками... Глядя на громадный стог зеленого хорошего сена, каждый по-своему определял его ценность. Сара сказала:

— Теперь наши телята не будут зимой пропадать от голода.

Севиль — дочь колхозного чабана — поведала подругам:

— Когда овцы начнут ягниться, я буду подкармливать их хорошим сеном...

— С таким сеном ни один конь не захудает,— сказал Биче-оол.

— Эй, с дороги! — закричали мальчишки-ездовые, погоняя лошадей, погромыхивая на кочках поднятыми граблями.

— Куда вы гоните! Не смейте так! — пыталась остановить их Лизимбей. Но те уже проскакали мимо...

Вечер был тихий, безветренный. Молодежь шла, весело перебрасываясь шутками. Каждому хотелось сказать что-нибудь остроумное, такое, чтобы все смеялись и радовались выдумке. Сегодня они так хорошо, дружно поработали! Никого не приходило

дилося подталкивать, даже Рая с Базынкой не теряли время на разговоры.

Впереди показался балаган большого стана.

— Давайте, девушки, споем! — предложила Сара.

И полетела песня над родной степью, то усиливаясь, то затихая... Замер от счастья старый караганник, не слыхал он в молодости таких песен, не приходилось ему до этого времени видеть столько счастливых веселых и здоровых девушек и юношей; приподнялись горы, чтобы не проронить слов песни, не шелохнулся травы на поле, и вечерние цветы раскрывают свои лепестки павстречу песне.

Безвестный поэт слову подбирал эту песню, девушки и юноши дополняли ее мечтой о любви и счастье. Вот почему так задушевно звучит она и в час вечерний, и в час восхода солнца, и в тихую ночь у костра...

И вдруг резкий, пронзительный крик оборвал мелодию:

— Ребята! Ой, девочки! Что это?

Все обернулись и увидели отставшую Уйнук. Обхватив голову руками, она продолжала отчаянно кричать:

— Ой, девочки!..

За тальниковой рощей большой канавы поднимался столб желтого дыма. Огненные языки пронизывали его сверкающими молниями, окрашивая воздух в зловещий багряный цвет...

Дрогнули юные сердца, как ножом резанула мысль: «стог загорелся!» Не сговариваясь, вся бригада повернула обратно и помчалась что было силы к покосу.

За изгибом канавы они увидели страшную картину: огромным факелом пылал стог сегодня только созданный их руками... Бежавшая впереди Рая упала на траву и уцепившись пальцами в свои пышные волосы, забилась точно раненая птица. Плачущая Базынка пыталась ее поднимать, но сама упала рядом с подругой... Остальные бежали вперед, хотя уже всем было ясно, что спасти сено невозможно.

К горевшему стогу нельзя было подойти на полсотни метров. От страшного жара горела вокруг отава, даже ива, стоявшая в отдалении, под которой обедала бригада, и та начала тлеть... Из бушующего пламени вылетали огненные клочья и, подхваченные воздушным потоком, высоко вздымались к небу и рассыпались там на тысячи искр.

В немом оцепенении стояли юноши и девушки перед неистовавшей стихией. Лизимбей, прижимая руки к груди, все повторяла:

— Что же это? Да что же это такое?..

От большого стана прибежали верховые. Первым подскакал Лопсан. Он слетел с лошади и с искаженным лицом бросился к Лизимбей.

— Кто поджег? — закричал он, и этот крик точно удар кнута отдался в сердцах молодых людей, оплакивавших свой погибший труд.

Лопсан схватил за плечо стоявшего рядом Биче-оола:

— Ты поджёг?.. Сознавайся, курил? Да? Тот посмотрел на него испуганно и отошел в сторону.

— Ну чего вы тут кричите! Думаете нам легко, — укоризненно сказала Лизимбей.

Прибежали Ольжат и Чульдум.

— Как это случилось? — спросил Чульдум. Сдерживая слезы, Лизимбей рассказала, что знала. А по существу и рассказывать нечего было, никто не знал причины пожара.

Увидев Лопсана, перебегавшего от одного к другому и пытавшегося заставить кого-то в чем-то сознаться, Чульдум взял его за рукав, негромко сказал:

— Ты чего психуешь! Не видишь, как ребята убиты несчастьем! Надо немедленно сообщить в райком партии, а ты ребятишек пугаешь...

Лопсан диковато посмотрел на Чульдума, хотел что-то возразить, но только махнул рукой и, вскочив на коня, исчез из глаз.

— Что это с ним? — спросила Лизимбей. Чульдум ничего не ответил. Он посмотрел вслед Лопсану и, покачав плечами, пошел вокруг догоравшего стога. Обойдя его и тщательно осмотрев траву, по которой мог подойти огонь к стогу со стороны, он сказал Лизимбей.

— Загорелось в самом стоге. Снаружи нет никаких следов. Может ребята курили?

— Я им строго-настрого запретила курить возле стога. И никто не видел, чтобы они курили в этот день.

— Странно. Очень странно...

Прошло не больше полчаса, от большого стога осталась только груда раскаленного пепла. Девушки и юноши все еще стояли и смотрели на опадавший пепел и вспыхивавшие по временам под ним языки огия.

Солнце давно уже замело свой след лохматыми тучами. Стало совсем темно. В безмолвной тревоге стояли тальники у канавы, не слышно было звона струй, испуганные пожаром птицы не подавали голоса, почернел, ощетинился иглами старый караганник... Лизимбей и вся ее бригада молча бредли на большой стан.

Михаил ПАХОМОВ

СЕМЬЯ

I

Урчат моторы. За бортом — седые клочья облаков. В прогалине не виднеются островерхие исполины — скалы Саян. Самолет бросает толчками то в сторону, то вниз, то вдруг он круто набирает высоту, которая в глазке спидометра показывается цифрой 3900.

— Вот она какая Тува! — говорит приятелю Антон, заглядывая под крыло самолета. — Держись, браток, работы нам хватит: горы, видать, юны, как девушки.

Приятель не ответил, погруженный в свои мечты. Антон подумал: «Как-то тут с жильем? Когда смогу вызвать к себе семью?»

Еще в вагоне он почувствовал тоскливо одиночество, которое не покидало его и в самолете. В глазах стояли образы сына и жены. Он будто наяву видел свою Лиду и слышал её голос: «Лучше бы нам не расставаться». Невесело просил и Петъя: «Папа, не уезжай!..»

«Конечно,— уже который раз думал Антон,— можно было взять их с собой. Но сразу придется ехать в горы, где ни жилья, ничего нет — тайга да скалы. Вон ведь они какие!» И он опять смотрел под крыло самолета: целое море гор. В синей дымке они, белоголовые, тянулись к небу, а у их подножий — дремучая тайга. Под крылом в густой черни засеребрилась, скованная льдом, извилистая речка.

— Ус! — сказал кто-то из пассажиров.

Антон не отозвался и продолжал смотреть вниз. Лес постепенно редел. Навстречу плавно двигались серые скалистые горы с глубокими впадинами, на дне которых желтели еще не тронутые зеленью поляны. Горные кряжи извивались причудливыми рубцами и шрамами, переходили в голые холмы; из ущелий широкой белой лентой величаво выплывал Улуг-Хем, а там и кварталы Кызыла...

— Тува... Вот она, мечта геолога, целинный край сказочных сокровищ,— подумал Якушенко.

В геологоразведочной экспедиции дел было много: начался сезон поисков. Поездки и походы по неизведанным тропам гор и тайги. Антон живо ощущал неожиданные контрасты природы, но образцам добытых пород видел ее подспудные богатства. Встречался с людьми, как и он, окончившими институты и техникумы в разных городах страны, и с рабочими-горняками из коренной тувинской национальности, которые неугомонными муравьями разбегались по горам и ущельям, стремясь шире раскрыть подземные кладовые Родины.

В поисковой партии, работавшей на взгорье Узун-Сарыг, Антон отбирал образцы породы в траншею, прорытой с помощью мощной компрессорной установки. К нему вразвалку подошел приземистый горняк. Что-то очень знакомое показалось Якушенко в чертах лица этого загорелого человека; широкий лоб, нос с горбинкой и черные-черные глаза, отливающие блеском антрацита. Горняк смело протянул Антону руку и минуту молча, с улыбкой, пытливо всматриваясь в его лицо.

— Здравствуй, тарга! Давно ли в нашем крае? — спросил он.

— Здравствуйте. Месяц, как прибыл сюда, — ответил Якушенко, всматриваясь в горняка. — Мы, кажется, где-то встречались?

— Да, кажется, встречались. Давно это было. Фамилию вашу не помню, а лицо знакомо. Воевали мы вместе.

— На Украине?

— Под Ровно.

— Тогда ясно, еще раз здравствуй, дружок, — схватил Антон за руку бывшего однополчанина. — Самдан?

— Да, Самдан. А ведь вы Якушенко, товарищ лейтенант?

— Он самый. Не ожидал? — и он обнял горняка.

— Откровенно — да, — освободившись из объятий, заговорил Самдан. Трудно было ожидать встречи: ведь мы тебя тогда считали погибшим.

— Да я и сам не знаю, как выжил. Очнулся уже под Москвой, в лазарете. Ну а как ты вышел из этого пекла тогда? Давай присядем. — Якушенко опустился на выступ скалы и дрожащей от волнения рукой начал раскрывать портсигар.

— Покурим, — предложил он Самдану, примостившемуся рядом.

— Вряд ли удалось бы нам пробраться тогда к городу, да «катюши» помогли, — сказал Самдан, повернув улыбающееся лицо к Антону.

Время текло. Яркое весенное солнце с высокого голубого неба щедро источало свое тепло, а однополчане, кажется, не могли наговориться. Самдан вспоминал, как он с двумя другими гвардейцами из Тувы ходил ночью в разведку и приволок из вражеских окопов пьяного гитлеровца с крестами на мундире.

— Стукнули мы его предварительно прикладом, заткнули рот портянкой и повели под руки. Пыхтел только, гад. Сон что ли ему приснился: не сопротивлялся, как в гости шёл.

— А я после госпиталя угодил уже в Померанию,— рассказывал в свою очередь Антон. Поведал другу, как участвовал в штурме Берлина, встречался с американскими солдатами на Эльбе. Рассказал и о том, как после войны служил на Востоке, демобилизовался в чине майора, потом учился в институте и вот теперь — инженер-геолог.

— Я вот уже третий год в горах,— сказал Самдан. Копаем. Что-то нужное, говорят, находим... Опять, значит, вместе мы, тарга? — помолчав минутку, спросил он.

— Опять. Женат?

— Семья у меня: жена и двое детей. Здесь же. Товарищи не отпускали из колхоза. Но меня потянуло сюда, в горы. А как ты, тарга? Жена есть? Или один?

— Пока один. Квартиру дадут — семью привезу. Сын у меня — во! — поднял большой палец Антон, улыбаясь.

— Сын — это хорошо. Надо, чтобы еще дочь была. Без скорей жену, дочь родится, тувинкой будем звать,— весело балагурил Самдан...

II

В горячке поисков по скалам и ущельям Антон еле замечал, как буквально мелькали для него дни и ночи, проходили недели, а потом и месяцы. Только в свободные минуты он все чаще и чаще вспоминал свой невеселый разговор с женой в далеком Киеве на берегу Днепра. Разговор этот состоялся, когда они, после прибытия с Дальнего Востока, вышли всей семьей на берег.

Киев тогда одевался в весенний наряд. В скверах, в газонах, парках все покрылось зеленью, буйно расцветали сады. Кое-где еще были видны отпечатки войны: огороженные пустыри — места разрушенных домов, оплывшие и зараставшие воронки — следы фугасок. Но это мог приметить лишь тот, кто искал.

В густых вереницах празднично одетых людей по Крещатику шел он с Лидией и их пятилетним Петькой. Лидия несла букет сирени, только что купленный для нее в цветочном магазине. Антон беспрестанно курил, выбрасывая окурки чуть ли не в каждую урну, попадавшуюся на пути. Петька шел впереди, то и дело оглядываясь на родителей, безумолку расспрашивая обо всем, что впервые видел в этом многолюдном и великолепном месте города. Вскоре они вышли на набережную и молча залюбовались тем, как по Днепру, поблескивая красками, шли первые пароходы. Времени было больше чем достаточно, чтобы поговорить обо всем, что занимало, тревожило. Однако Киев,

Днепр, веселые киевляне не могли не возбудить новых впечатлений, воспоминаний о прошедшем, мечты о будущем.

Петъка спустился к самой воде на отмель и кидал в реку камешки.

Антон, тогда только что демобилизованный из армии, которой отдал почти пятнадцать лет, волновался, что в «гражданке» не найдет себе места. Его пугала перемена в жизни: он не имел никакой специальности. В начале войны пришлось уйти из геологического института с последнего курса и сразу — в бой.

— Отвоевался, отслужился,— после довольно длительного молчания сказал он жене,— а теперь что делать? Кругом родная Украина, изъезженная и исхоженная, все близкое, знакомое, податься, кажется, некуда.

— Как так «некуда»? Работать,— ответила Лидия в раздумье.

— Работать? Не грузчиком ли на пристани?

— Тогда продолжай учебу. Ведь мы же говорили об этом: ты будешь учиться, а я поступлю куда-нибудь работать. Печатать и стенографировать не разучилась. Проживем. А когда ты окончишь институт, я возьмусь за свои науки.

«Проживем!»— Как же права оказалась Лидия.— уже который раз думал Антон, находясь вдали от подруги.

Действительно, прожили. Год учебы в институте, где ему помогли закончить последний курс, оставленный в начале войны, промелькнул почти незаметно, и он стал инженером. И вот уже началась она, когда-то страшившая его «гражданка».

В работе был Антон неутомим. Вставал чуть свет, поднимал товарищем по партии — разведчиков тувинских недр и с головой уходил в работу. Кто-то из горняков однажды пошутил:

— Жадный ты, товарищ инженер, куда спешишь? Ведь — не семеро по лавкам!

— Можно подумать, что в нашей стране всего уже полным-полно, и спи-посыпай,— с нотками раздражения на брюзгу ответил Якушенко, и это надолго заставило замолчать тех, кто непрочь был почесать язык, чтобы продлить досуг.

Высокий, плечистый, с большими руками Антон, казалось, не знал устали. Нередко, откладывая в сторонку свой геологический молоток, он брался за кайлу и вгрызался в тело горы, заменяя тех, кто, по его мнению, имел право на передышку — лишний перекур. Горняки, особенно молодежь, работавшие в отряде Якушенко, относились к нему с уважением и, увлеченные его задором, работали от зари до зари.

Так, в походах и тяжелом труде, Антон почувствовал дыхание осени. Снегами заискрились вершины отрогов Саян, берега горных речек обрамлялись серебристыми кружевами припаев, опала листва с берез и кустарников, как-то похудали и прибед-

нились лиственницы. Лишь косматые кедры да стройные ели: гордо хранили свой зеленый наряд.

Самдан как-то, раскуривая с инженером на «передыхе», сказал:

— Теперь, тарга, зима уж вот-вот навалится.

— Злая? — спросил Антон.

— Да ничего, зима правильная, настоящая. Нос береги, — с улыбкой припугнул он.

— Сколько градусов бывает мороз?

— До шестидесяти доходит. Но бояться нечего. Здесь тихо, ветра совсем не бывает. Мороз сухой. Звенит только и все. Не то что на Украине: ветер, грязь, муть какая-то, а не зима. Здесь зимой, особенно в горах, совсем хорошо: на небе — ни облачка, солице сияет. На склонах гор даже в январе снег подтает, траву обнажает.

— Когда же семью-то привезешь? — вдруг поинтересовался Самдан. — Смотри, как бы сарымка не подвела, — улыбаясь, пригрозил он.

— Скоро, друг, приедет моя семья. Давай за дело, а то видишь, в ущельях уже тени стущаются. День короткий стал. А работы еще уйма. — И Антон направился в разрез, продолжая думать о словах Самдана насчет какой-то там «сарымки». Тут не до сарымки. Работа за горло держит.

Домой он часто писал письма, делился в них с женой и сыном всем, что волновало, обещал дать вызов, но все откладывал — постоянные командировки. Если даже и дадут в городе квартиру, то еще неизвестно, будет ли она хотя бы приблизительно такой, в какой живет Лидия в Киеве: если и будет такой же, то жить ему с семьей все равно придется лишь урывками. Не заскучает ли Петъка: от бабушки уедет и отца дома будет видеть редко. Не подождать ли, пока определится место для работы непосредственно в поисковой партии с квартирой для семьи?

Каждую неделю он получал письма из дома, а бывало и так, что за период длительного скитания в поисковых отрядах для него накапливались целые пачки писем из Киева. Письма сына особенно были трогательны: печатными буквами он, как умел, раскрывал свою душу, складывал слова. На листках бумаги были оконтурены его пухленькие ручки с растопыренными пальцами. Накопился уже целый альбом фотографий. Лидия писала, что по-прежнему работает, но все больше и больше скучает о нем, своем чертешке, как любила она называть Антона; писала, что Петъка ни на минуту не прекращает разговора о своем папе, что даже «мама, твоя теща, которую ты величал не иначе как «Свекруха Лыхая», и та непрочь теперь взглянуть на своего «непутевого зятка». Лидия просила, чтобы писал он чаще, а если можно, то чтобы скорее возвращал-

ся. Когда теряла надежду на скорую встречу в Киеве, спрашивала, когда же смогут они с Петькой приехать к нему?

«Подождите, милые, еще немного,— отвечал он.— Не беспокойтесь, все будет хорошо. Я не забываю о вас ни на минуту. Вот и сейчас, Петька, золотко мое, я представляю твою милую мордашку. Вот она! — и Антон по памяти рисует профиль сына, стараясь вывести одному ему известные приметы дорогого лица. Тут же делает набросок любимого профиля жены. И этот профиль напоминает ему портрет мадонны, врезавшийся в память во время войны при эвакуации Дрезденской галлереи. Именно в этом виде он рисует профиль Лидии — скорбный и величавый, благородный и волевой. Таким ему представляется голубоглазое существо, с которым связано все: воспоминания, мечты, жизнь.

После размышления над рисунком он заканчивает письмо:

— Вот пока и все. Ваш Антон...»

А время неумолимо шло. Сентябрьским вечером направился он по тротуару улицы Ленина города Кызыла в парк. Навстречу с чемоданчиками в руках шли в дорожных костюмах и громко разговаривали девушки. Поравнявшись с Антоном, одна из них, черноглазая, спросила:

— Товарищ, скажите, пожалуйста, как нам найти облиздравотдел?

Якушенко смущился: девушки, видимо, только что с самолета, не знают, где их пристанище, и обращаются к нему за помощью, а он и сам не знает, где этот здравотдел. Он готов было признаться, что сам новичок, но темноглазая девушка так просительно смотрела ему в глаза, что он соврал:

— Я провожу вас, если не возражаете.

— Пожалуйста, проводите! — хором ответили девушки. И он повел их вдоль улицы, незаметно разыскивая вывеску на двухэтажном здании, в котором, как он слышал, и размещается облиздравотдел. Девушки продолжали шумный разговор, и ему несложно было скрыть от них свое смятение. Девушка между тем шла рядом. Он невольно заглядывал в ее лицо, и нашел, что спутница имеет большое сходство с Лидой. Только глаза были карие да густые темные брови, птицей взлетевшие на высокий лоб.

— Откуда и далеко ли держите путь?

— Из Ленинграда,— непринужденно сказала девушка.— Из института и прямо вот сюда, в центр азиатского материка. Ведь он здесь, в Кызыле?

— Кажется, да — неуверенно ответил Антон.— Впрочем, я ведь тоже здесь недавно.

— Тогда давайте же познакомимся,— еще больше оживилась амazonка, как окрестил ее про себя Антон.— Я Терешкина, Клавой зовут.

-- Антон Якушенко,— сказал он и протянул свою широкую ладонь с длинными пальцами.— Будем друзьями...

В выходной день состоялось закрытие летнего сезона парка. Исполинские тополи шуршили пожелтевшей листвой, бордовым цветом благоухали кусты черемухи, бежевой расцветкой — тальники, кое-где сохраняли зеленый покров листья кусты пионника да белой акации.

Побродив по аллеям парка, Антон и Клава пришли на спортивную площадку, где шла национальная борьба. Кызыльчане огромной, в несколько рядов, стеной окружили борцов. На трибуне гремел духовой оркестр. Его звуки гулко катились над парком, улетали к скалам Вилан за приемиревий Енисей.

Пробравшись в толпу, стесненные со всех сторон, они, чтобы не отстать друг от друга, как-то нечаянно взялись за руки и не столько любовались борьбой, как все, сколько занимались друг другом. Клава без умолку рассказывала о веселых случаях, какие знала из студенческой жизни, о впечатлениях, которые захватили ее по дороге в Туву. Свои рассказы она пересыпала серебристым смехом, будто боялась, что ее собеседнику вдруг покажется скучно. Антон, как мог, поддерживал беседу, сдержанно улыбался и то смотрел в ее безмятежное подетски красивое лицо, то устремлял свой невидящий взор куда-то вдали. В груди его бушевало, и он боялся, как бы не выказать девушке свое смятение.

«Куда это несет меня судьбина,— спрашивал он себя, слушая прелестное щебетание девушки (ему так и казалось, что не говорит она, а как воробышек щебечет). Чем все это кончится? Не слишком ли доверчиво относится она ко мне, как к старшему товарищу, которого встретила случайно и расстаться с которым будет легко? Вот и рука ее доверчиво трепещет в моих пальцах.

А что ж ты сам-то делаешь?— спрашивал он себя как бы со стороны.— Уж не мерзостью ли отдает от тебя, товарищ Якушенко — коммунист, офицер запаса, орденоносец? Ты-то сделал хоть какой-нибудь намек, чтобы юная Клава не очень-то доверялась при встречах с людьми, которых знает плохо? Нет, не сделал. Ты не хочешь быть «сухарем», боишься, что покажешься аскетом. А может быть и так, что она-то по молодости и в самом деле не в меру доверчиво относится к тебе только как к старшему товарищу, а ты уже перешагнул барьер этого товарищества? В самом деле,— ломал он голову, изредка даже невпопад поддерживая разговор,— уж не увлечение ли это из-за проклятого одиночества? Да, но как же поступить, чтобы не оказаться перед этим юным созданием каким-то черствым малограмматным дядей, либо просто круглым идиотом. Ведь можно просто оборвать это знакомство и сбежать от неё. Но не оскорбит ли такое Клаву?

Даже как старший товарищ я не смею допустить подобное. Это было бы просто глупо с моей стороны. Но как же все-таки поступить тебе, разнесчастный ты Антоша..?»

— Последний день я с вами, Клава,— вдруг решительно выпалил он, потянув ее за руку из толпы.

— Вы уезжаете? — удивилась она, перестав улыбаться и высвобождая руку, но пошла за ним в тень деревьев, на которых грачами разместились ребятишки, шумно обсуждая ход борьбы в кругу толпы.

— Да, поеду работать в партию, обзаведусь квартирой.

— Жену вызовете из Киева и будете жить-поживать, добра наживать, — словно продолжая его речь, проговорила Клава.

Это было самое больное место в сердце Антона, и он, задетый за живое, совсем растерялся и не знал, как себя держать. Перед ним, как в тумане, предстал образ жены, и любимый Петька затмил его взор. Он с большим усилием посмотрел в лицо Клавы и, не видя его, краснея, пролепетал:

— Что вы, Клава... мы же, мы... далеки друг от друга. Мы... — он, как проснувшийся ребенок, вспомнил, что говорит не во сне, но продолжал плести свое, не соображая, чем все может кончиться. — Мы, правда, брака не расторгли, но вместе не живем уже второй год. Тёща. Вы знаете какая у меня теща? Это какое-то наваждение, ведьма, баба-яга! Я никогда бы не расстался с Лидией. Она чудесный человек. Сын к тому же у нас. Но жена не хочет уходить от матери, — врал он, еще более краснея, — а я тещу терпеть не могу, не хочу жить примаком.

Клава, словно не слушая, что говорил Антон, с улыбкой смотрела на грачей-ребят, а он, помедлив минуту, продолжал:

— Год учился в институте и год мучился. Жена меня любит, но с матерью расстаться не хочет. А мне от этого не легче. Я один-одинешенек и как видно, никто меня не поймёт!

— Да-да, — со вздохом протянула Клава и, желая отвлечь Антона от тяжелых, как ей казалось, переживаний, сказала:

— Пойдемте в театр. Сегодня ведь «Калиновая роща» идет.

— Пошли.

Оркестр играл туш победителям третьего тура. Публика громко аплодировала. Кто-то кричал:

— Браво Самдану! Молодец, горняк!

Якушленко, услышав имя своего однополчанина — узун-сарыгского рабочего, пожалел, что не заметил его среди борцов, когда стоял в толпе, хотел было вернуться, но, постояв минуту, пошел вслед за Клавой вдоль аллеи парка.

— Зайдем в ресторан, поужинаем сначала, а потом — в театр — предложил он, взяв девушку под руку.

III

Крутые склоны гор покрылись первым пушистым снегом. Он рваными языками спускался в низину и постепенно исчез.

зал. Далекая Хемчикская долина пестрела светлыми квадратами убранных хлебов, посеревшими рощами тополей и кустарников. Над долиной висела пелена сизого прозрачного дыма. Приближение зимы там лишь еле чувствовалось. А здесь, на высоте двух с половиной тысяч метров, под ногами звонко журчала первая пороша.

Антон медленно шел по разрезу, всматриваясь в его стенки, останавливался, стучал геологическим молотком по породе, выбирал и складывал в сумку осколки камней и шел дальше, записывая что-то в блокнот. В конце разреза он присел покурить с горняками. За уступом скалы рокотали тракторы, сердито корчали компрессоры. На противоположном склоне крутой горы бульдозеры кромсали дернину, выворачивали редколесье, прокладывая к вершине горы извилистую дорогу. Рокот моторов наполнял тайгу деловитым шумом.

Подошел Самдан. Положив перфораторный бур на борт разреза, он уселся рядом с Антоном.

— Как дела, инженер? Хозяйка когда к тебе приедет?

— Не знаю. Жить еще ей негде.

— Можно построить. Лес — вот он, рядом. Смотри — больше, чем в твоей Украине. Любую лиственницу руби, как свечи. Четыре бревна из одной можно вырезать. Двадцать лесин — и дом,— рассуждал Самдан.

В это время за перевалом громыхнул взрыв. Эхо прокатилось по окрестным склонам и умерло где-то в тайге.

— Хорошо палят! — сказал Якушенко.

— Салют празднику Октября,— согласился Самдан.— Сегодня после собрания пойдем к нам. Мы барана купили. Хан кушать будем. Спирту по стопке выпьем. Завтра большой праздник. Отметить надо.

— Ваша бригада уже отметила. Годовая программа выполнена досрочно.

— Да, но в честь завтрашнего праздника и хан сварить нужно. Приходи, инженер, вечером. Ждать будем. Жена мои будет рада видеть такого гостя.

— Спасибо, друг, Но я еду сегодня в райцентр. Дело есть. А завтра там буду на демонстрации.

— Ой, инженер, что-то часто ты ездишь в райцентр. Сарымка, наверное, есть? Поэтому и жену не везешь, так?

— Что ты, Самдан, никакой сарымки у меня нет,— энергично отбил нападение Антон и почувствовал, что кровь прилила к лицу.

— Есть, есть сарымка! Не обманешь. Сам знаю: человеку в далекой стороне сарымка нужна. Смотри, инженер, жена приедет — плохо будет. Но, кроме шуток, приходи вечером ко мне...

Закончив обследование траншей, Антон по крутым косогору, балансируя руками, сбежал в поселок, сдал образцы пород

в камералку и на попутной машине поехал в райцентр. В стороне от дороги, когда машина скатилась с гор, он увидел, что в долине колхозники перегоняли стада на зимние горные пастбища. Повстречался грузовик, на котором ехала женщина с детьми и домашним скарбом.

— В горы кочуют,— сказал шофер-тувинец. Зимовка наступает.

— А как же в горах они живут? Ведь домов там нет, а у колхозников малые дети?

— Есть домики, а где нет — зимуют в юртах. Ребятишки школьного возраста живут в интернатах, а в летние каникулы приезжают к родителям.

Слова шофера о детях напомнили Антону семью, и он еще тяжелее почувствовал одиночество, гнетущую тоску и — стыд. Он уже готов был отказаться от свидания с Клавой Терешкиной, которая работала теперь врачом в районной больнице. Приедет сейчас, пойдет на почту, даст семье в Киев телеграмму и вернется в Узун-Сарыг, пойдет в гости к Самдану.

Не доехав полкилометра до райцентра, шофер остановил машину и сказал:

— Мне дальше. Тут рядом, вы пешком доберетесь, тарга. Реку не хочется переезжать. Мост ремонтируют.

Якушенко поблагодарил и вышел на дорогу, которая вела через высокий мост. Под мостом в зеленоватой воде Хемчика крутились воронки. В одной из них, будто не в силах выбираться, в пене мелькала зеленая веточка кедра. Антон подумал:

— Вот и я, вроде этой ветки, кружусь и не знаю, выберусь ли на правильный путь. Петья! Только один он что стоит! А Лиза? Неужели она хуже Клавы? — Лучше, лучше, лучше!

На почте, взяв бланк телеграммы, он написал:

«Дорогие Лиза Петя поздравляю праздником Великого Октября Желаю здоровья скучаю Днями шлю вызов Антон»

С почты пошел в столовую. Когда выписывал ужин, буфетчица пошутила:

— А что же вы ничего посолиднее не заказываете к ужину? Ведь завтра праздник!

— Что ж, налейте стаканчик красненького,— нехотя сказал он, доставая деньги.— Устал чертовски.

— Может быть, коньячку?

— А есть?

— Да, чуть-чуть найдется. Налить?

— Пожалуйста.

После стакана коньяку ужин показался особенно вкусным. Настроение изменилось, но сердце тосковало. Одиночество почувствовалось еще остree. Раскрасневшийся, с легким шумом в голове, вышел Антон из столовой и побредел, не зная куда. Семья и Клава не выходили из сознания. Они ему были нужны поза-рез. Только кто-то из них мог снять это острое ощущение оди-

почестя. Но кто? Тот, кто ближе, конечно,— Клава. Но нет! Не пойдёт он к ней, нет! А ноги шагали в направлении к сё дому. Он силой заставил себя зайти в Дом культуры. Но там еще никого не было, кроме уборщицы, которая протирала диваны, готовя зал для торжественного собрания. Антон взглянул на часы. Было шесть вечера. До собрания еще два часа. Куда деваться?! Зашел в библиотеку. Взял томик В. Кочетова «Братья Ершовы». Полистал журналы, газеты. Читать не хотелось. Он вышел и побрел к дому Клавы.

«Ну и что в этом такого,— как секундомер, выстукивали в разгоряченном мозгу торопливые молоточки: самолет идет на посадку не там, где следовало — с погодой приходится считаться, товарищ Клава! Ведь ты единственная здесь. Только ты поймешь мое состояние. Ты же ведь и не помышляешь отобрать меня у семьи. Ты просто добрый, чуткий мой юный товарищ. Верно?»

Клава жила с учительницей Светланой Сайн. Та всегда была сильно занятой. Вот и сегодня, убрав вместе с Клавой к празднику свою квартиру, она заторопилась в Дом культуры.

Клава, стоя у зеркала, укладывала прическу и думала о своём отношении к Антону. Кто же он для неё? Влюбленный или просто человек, которого встретила на пути жизни да и не расстается с ним, как с добрым попутчиком. Только ли «добрый»?

«Может влюбилась ты, девка, в этого попутчика? — спрашивала она себя уже который раз. — Но ведь он не пара тебе, голубушка. Двадцать пять и сорок — разница немалая. К тому же у него Петька и любящая жена».

В дверь постучали.

— Войдите! — обернувшись к двери, звонко крикнула Клава.

— Разрешите? — переступив порог, несколько фамильярно сказал Якушенко.

— Конечно, что за вопрос, — подала руку Клава. — Здравствуйте, Антон Петрович. Давно ли на нашей земле?

— Нет, только что. Да вот забрел, — словно прося прощения сказал он.

— Проходите. Я чайку согрею. Хотите? Лимоны есть.

— О, с удовольствием! Лимон... да еще бы коньячку!

— Завтра праздник. Бутылочка у нас со Светланой подготовлена. Вдруг, говорим, кто зайдет...

Доклад секретаря райкома партии Монгун-оола подходил к концу. Он говорил о достижениях, с которыми встречают хемчужане праздник Великого Октября. Зал был переполнен: работники МТС, транспорта, строители, учителя, врачи. Антон и Клава сидели в десятом ряду и, когда закончился доклад, они вместе со всеми звонко аплодировали, радуясь успехам хемчужан.

После концерта, данного коллективом учителей средней школы, и шумных танцев, Антон, обращаясь к Клаве, спросил:

— Вас проводить?

— До калитки, пожалуйста.

— А дальше?

— Не надо.

— Ох, когда же кончится это «не надо»?!

Клава не ответила. До калитки шли молча. Каждый думал о своем. Их догнала Светлана, и они распрашивались.

Встречи их продолжались. Якушенко шел напролом. Но она оттягивала решение их судеб. И только при встрече Нового года, после упорного преследования и клятв Антон добился своего: они поженились. Клавдия искренне поверила в заверения Якушенко и слепо брела к берегу своего счастья: продолжала ждать, когда он совершил развод со своей женой. Не знала она содержания писем, которыми обменивались супруги. Ждала и терзаясь.

— Антон! Дай мне, ради бога, адрес твоей жены,— уже в который раз просила она,— хоть поздно, но я напишу ей обо всем. Легче будет мне и тебе. У Лидии глаза откроются. Ведь ты обманываешь ее. У тебя ведь сын!

— Нет, дорогая, писать ничего не надо. Весной поеду в отпуск, разберусь и привезу разводную,— успокаивал Якушенко.

Время шло. Уходили письма с Хемчика в Киев, приходили из Киева. В них были слова любви и надежды, тревог и печалей. Антон писал, что работает и живет высоко в горах, в общежитии холостяков. В одном из писем он послал фотокарточку, на которой был изображен с геологическим молотком и блокнотом в руках. Рядом с ним стоял Самдан, раскуривая трубку с длинным чубуком. Оба в рабочих комбинезонах, обветренные, загорелые.

«...Почему не шлю вызов? Одним вам не доехать. В мае приеду и заберу вас, мои милые. Поцелуй за меня мое золотко — Петьку. Не скучайте. Уже недолго до нашей встречи... Твой Антон».

Но той же почтой в Киев шло другое письмо, тайно от Якушенко отправленное Клавой.

...Утешением Лидии и ее Петьки были хорошие письма из далекой Тувы. С тех пор, как уехал Антон, прошел год; в садике опять цветла вишня. Воздух наполнялся ароматом сирени. Весеннее солнце золотило облака украинского неба. Сидя в беседке с сыном, Лидия говорила:

— Вот скоро конец занятий, Петенька. Как кончишь в школу ходить — мы сразу поедем к папе.

— А велосипед заберем с собой? Там, в Туве есть где кататься?

Кататься есть где, конечно. Только велосипед вряд ли нужно брать. Далеко тащить. Там же есть магазины. Купим.

По аллее неторопливо шла бабушка. В руках белел конверт.

— Петя, беги к бабусс, она письмо от папы несет, скорее. сыночок,— заторопила Лидия.

Петья выхватил письмо из рук бабушки и помчался к матери. Бабушка молча шла следом. Она заметила, что письмо из Тувы, но не от Антона. Женский почерк и непонятная подпись. Она не знала — радоваться ли ей, если что случилось с зятем: он ей был ненавистен, или горевать — дочь жалко. Но чувствовала, что письмо необычное, в нем что-то особенное...

Наподобие внезапного шквала бури, врывающегося в открытое окно, взбужевало сердце Лидии. Письмо незнакомки. Она побледневшая, с трясущимися руками, большим напряжением воли заставила себя прочитать письмо до конца. В сознании ярко горело одно слово: «измена!». Петя не узнавал своей матери: обычно спокойная, улыбающаяся, она рыдала.

— Мама, что ты плачешь? Папа умер?

Молча прижала она к груди сына и долго не могла прийти в себя. Ей казалось, что померк белый свет, поникли цветы вишен, испарился аромат сирени,— все завяло, опустело.

Старуха молчала, присев на краешек плетеного кресла. не мешала слезам дочери: пусть выплачется, слезы облегчают страдания, ум просветляют.

IV

Вопрос о поведении инженера геологоразведочной экспедиции, коммуниста Якушенко был поставлен на рассмотрение парторганизации Узун-Сарыгской разведочной партии. Собрались коммунисты, и перед ними, как бывало в армии, в стойку «смирно» вытянулся Антон.

Парторг доложил существо дела и поставил вопрос, быть Якушенко в партии или не быть.

Собрание было шумное, коммунисты возмущались: как это мог член партии почти с давоенным стажем, офицер запаса, имеющий несколько правительственные наград, оказаться в роли обычвателя?!

— Товарищ Якушенко — хороший инженер, чуткий и требовательный руководитель,— говорил буровой мастер Кужугет Самдан.— Мы вместе с ним воевали против фашизма. Кровь за Родину проливали. Стариков, женщин, детей защищали. Он был настоящий солдат. А вот к своей семье отнесся, как феодал: жена есть в Киеве, здесь тоже имеет жену. Он не только мой однополчанин по войне и руководитель на произ-

водстве, но прямо — друг. Однако я считаю, что его поведение несовместимо с высоким званием коммуниста...

Через несколько дней дело Якушенко разбиралось на бюро райкома. То же суровое осуждение. Те же предложения — исключить из партии. Якушенко обещал все уладить, искупить вину. Но не поверили. Исключили.

Осталась надежда на обком. Может быть, там простят.

Заседание окончилось поздно. Антон вышел из райкома и не знал, куда себя девать. В голубом небе перемигивались звезды. Где-то за околицей выла собака. С Хемчика тянулся хиус. В груди горело. Нудно гудело в ушах.

«Куда идти? Кто поймет тебя?» — ломал Антон голову и, сам того не замечая, шел на квартиру Клавы. Ему казалось, что она, только она была причиной поражения его как коммуниста, она и должна пожалеть. «И простит ли?»...

Объяснения с Клавой были настолько коротки, что Антон смутно понимал, было ли то наяву, или это был сон.

— Прости меня, — невнятно пробормотал он, еле переступив порог дома, в котором прожил какой-то месяц. — Я вынужден вернуться к семье. Надежда на обком. Или я — вне партии. Этого мне не перенести.

— Вон! — звонко крикнула Терешкина. — Трус и негодяй мне противен! Я думала, что ты мужчина, а ты тряпка. Исключат тебя или оставят — ты мне все равно не нужен. Горький урок ты мне дал. На всю жизнь запомню. Уходи!

Был январский вечер. Над Кызылом висела кисея морозной дымки. Укутанные туманом тускло блестели уличные фонари. Только исполинская новогодняя елка щедро играла разноцветными огнями гирлянд да шумные ватаги детей, не признававших никаких градусов мороза, веселой гурьбой ворошились на ледяной горке, наполняя пространство звенящим шумом.

Словно первоклассник на первое занятие в школу, шел Якушенко туда, где разноцветно полыхала елка, возилась детвора и гуляли взрослые. Шагал он по замерзшему асфальту тротуара, его раздражал гулкий стук каблуков, и он старался ступать мягко. Ему казалось, что многочисленные толпы людей знают о его недостойном поступке, презирают и нарочито отворачиваются, делая вид, что не обращают на него никакого внимания, будто он тут совсем и не существовал. И это было невыносимо.

«Даже не замечают!» — сокрушается он. В голове его шумит, что-то давит на сердце. После заседания бюро райкома он впервые захотел выпить да так, чтобы хоть на какое-то время забыть обо всем, что стряслось, и направился к зданию с колоннами, над входом в которое крупная надпись: «Ресторан «Улуг-Хем».

Раздевшись в вестибюле, Антон, стараясь казаться бодрым,шел уверенкой походкой с приподнятой головой, как на прием к начальству. Поднявшись на второй этаж, он очутился в громадном салоне, сплошь заставленном столиками, вокруг которых ужинали кызыльчане.

Присматриваясь, где бы найти свободное место и сесть, Антон вдруг услышал:

— Вот и папа наш появился.

Ошеломленный, он был уверен, что так могла сказать только Лидия, но озираясь не видел ее: в глазах рябило. Казалось, что паркетный пол под ногами заколыхался.

— Подойди, Антоша, здесь мы,—снова услышал он голос жены и уже увидел ее совсем рядом за столиком у буфета. Петька, сильно подросший, как показалось Антону, как-то неловко сполз со своего стула растерянно прижался к плечу матери, видимо, не зная, что делать. Казалось, что он способен был в эту минуту лишь на то, чтобы разреветься.

Антон растерялся. Он не знал, куда девать свои, вдруг показавшиеся ему слишком длинные руки. Чувствовал, что вся кровь отхлынула от лица и на макушке зашевелились волосы: уж чего-чего, а жену и сына он тут никак не ожидал встретить да и не ждал он их приезда в Туву — недавно отправил телеграмму, что выезжает за ними, и вдруг...

Лидия и Петька не спускали с него глаз и ясно видели его растерянность. Несмотря на внешний лоск: тщательно отутюженный костюм, дудочками брюки, цветастый галстук, пышные баки, низко свисавшие по щекам, и буйная шевелюра, подобранные в прядку на затылке, делали его неизящным, но смешным. Таким они его никогда не представляли.

Когда Антон справился с волнением и, подойдя к семье, не смело поздоровался, поцеловав жену и сына в лоб, Лидия сказала:

— Я ехала сюда — эти длинные тысячи километров за тем, чтобы спасти тебя как человека, как коммуниста...

Перед Антоном была, несомненно, та знаменитая мадонна. Она смотрела ему в глаза — властная, грациозная, и он, как завороженный слушал ее нежные, но и неотвратимо твердые слова:

— Я не узнаю тебя, Антон. Мы жили с тобой несколько лет. Я никогда не подозревала, что ты способен даже на малейшее вероломство. Да и у тебя, я думаю, нет ничего, в чем бы ты мог упрекнуть меня. Вспомни: где только я с тобой не была! Дальний Восток, Курилы, Север! А разве я не просилась с тобой сюда, в эту далекую Туву? Ведь я хотела ехать с тобой куда угодно, хоть на Луну! — улыбнулась она, и слезы мелким бисером покатились по ее розовеющим щекам.

— Ну довольно, Лида, — с горечью вымолвил он, ты же

знаешь, что виною всему была твоя мать. Ведь я мог бы остаться работать и на Украине. Но я не в состоянии был переносить ее издевательства, а ты не хотела уходить от нее.

— Но ведь это неправда! — прервала Лидия Николаевна.

— Что неправда? Ты не знала, что с тещей мы жили, как кошка с собакой?

— Да, знала. Она во многом была к тебе не права. Но и ты был не идеален.

— Так ведь ты же не хотела расставаться с матерью.

— Вот это и неправда. Скажи, не просилась я с тобой?

— Да... но я не знал, где и как буду жить. Брать тебя и ребенка просто не рискнул. Я и сейчас живу в общежитии.

— Выгнала?

Антон молча кивнул.

— Очень хорошо! Таких, как ты, надо гнать. Ведь ты же запутался сам и путал других. Нигде даже не заикнулся, что у тебя семья. Вот это и довело тебя до того, что ты покатился вниз, обманул эту несчастную девицу, которую можно назвать и бесчестной. Ты до последнего времени подло писал нам письма, распинался в любви к Петьке, ко мне. Кого же ты любил на самом деле? Вот они твои послания о верности. — Лидия извлекла из сумки пачку конвертов, фотокарточки. — Посмотри кого ты обманывал? Вот и само твое золотко! — указала она на сына. — Ведь иначе ты Петьку и не называл!

— Ты права, Лидия! Но Терешкину не бесчесть.

— Ты ее обесчестил.

— Она не раз просила у меня твой адрес, чтобы написать тебе..

— Спасибо ей — первая сообщила мне правду.

— А я не давал, хотел... Я и сам не знаю, что я хотел. Прости. Ради тебя, ради нашего Петьки я готов сделать все, что ты хочешь.

— Что же мне хотеть? Я по горло сыта твоей «любезностью».

— Прости! Петенька, золотко мое! — потянулся он к сыну.

— Ради Петьки и ради того, чтобы до гроба сохранить хорошее воспоминание о том, чем мы жили, я готова простить тебя, но простит ли тебя партия?

Антон не обратил внимания, что за соседними столиками люди, кажется, впервые в жизни заплакали: рыдал по-мужски, с тяжелым всхлипыванием. Голова и плечи его вздрагивали.

СТИХИ, ПОЭМЫ, БАЛЛАДЫ

Степан САРЫГ-ООЛ

ПАРТИИ МОЕЙ

І юлстолетъя в мире живу:
Чудеса видал наяву:
видел коней
ветра быстрей...
Обогнали самолеты
этих коней.

В детстве сказки слушать любил,
как герой луну покорил,
как он взлетал
к дальним хребтам...
Я завидовал крылатым
сказкам-мечтам.

Если сказку сложит народ —
значит, он мечтою живет:
сказку поймешь —
сказка — не ложь,—
все желания народа
в сказке найдешь.

Сказка правдой стала вполне
в молодой советской стране:
радость, светла,
к людям пришла —
ныне с гордостью я славлю
наши дела!

Сын полей задумчивой ржи
в космос первым путь проложил:
к солнцу — сквозь тьму!

Слава ему!
Дай, герой, тебя, как сына,
я обниму.

Шаг за шагом и день за днем
праздник жизни мы создаем:
вместе, одной
дружной семьей
славу партии любимой
пойте со мной!

РАЗГОВОР С САЯНОМ

Я спросил у старого Саяна:
— Отчего ты так помолодел,
В честь чего ты тонкий шелк тумана
На седую голову надел?
— Прилетали ветры отовсюду.
Целовали радостно меня,
Новости, похожие на чудо,
Принесли они в начале дня.
Наш Гагарин в космос взмыл, как птица!
Слава и хвала богатырю-
Космонавту!
Как же не гордиться,
Не принарядиться, говорю?
— Но в халате вересковом, новом,
Стянутом кедровым пояском,
Ты неразговорчив и взволнован
И со мной как будто не знаком...
— На далеком Западе, на Юге
И в заокеанской стороне
Горы мне протягивают руки
И с почтеньем кланяются мне.
Я, на поздравленья отвечая,
В космос путь указываю им.
Ждут они, вершинами качая,
Мы с тобой потом поговорим.

СЛОВО АКТЕРА

Посвящается О. Намдара.

Помню: аал я покидал —
сел на быка, рано, чуть свет.

Помню: театр домом мне стал...
Годы прошли — двадцать пять лет.

Вспомню порой беды тех дней —
я неуклюж, робок бывал.
Роль пастуха — что мне родней? —
даже ее вдруг забывал.

Сами плоды в рот не летят,
нет на земле легкой судьбы —
можно сменить старый халат,
годы труда — как позабыть?

Знаю: меня вырастил труд:
вот я, в труде, стал понимать,
как на борьбу люди идут,
как за детей борется мать.

В сердце свое я перелил
сотни сердец в жарком огне;
чтобы в театр люди пришли,
чтобы они верили мне.

Я подарил песню мою
Азии всей, Африке всей —
слушай, Земля, как я пою!
В космос лети, песня степей!

Крепко держу в сердце своем
сердце вождя, душу вождя —
труд мне помог стать Ильичем.
в роль Ильича сердцем входя.

Солнцами лиц светится зал,
крылья сердец к сцене летят!
Вот для чего бедный аал
и покидал годы назад.

Сергей ПЮРБЮ

Ч Е Ч Е К

Отрывок из поэмы.

Вас, юные читатели, друзья,
не утомлю своим рассказом я:
не докучая предисловьем длинным,
о гордой девушке начну рассказ —
с Чечек, моей поэмы героиней,
хочу я сразу познакомить вас.
Излишнюю не воздавая честь,
я расскажу о ней — такой, как есть,
как выросла, и как жила она —
простая девушка, не даньги¹
из сказок, разукрашенных мечтою.
Как многие в былые времена,
простого счастья рано лишена,
моя Чечек осталась сиротою.
Как многим, довелось ей с жизнью спорить,
познать ребенком и нужду, и горе.

Лет до семи она росла беспечно,
еще не омраченная ничем.
Ребенком милым, не владея речью,
моя Чечек журчала, как ручей.
Ее ласкать не уставала мать,
отец ни в чем не мог ей отказать,
ее не шлепали родные руки —
счастливая Чечек не знала муки.
Она не знала, что повсюду счастье
вечерним солнцем скрыто от людей,
что муки в жизни могут все сгущаться,
как сумерки, сменяя ясный день.
Росла, не беспокоясь ни о чем:
так бабочка под солнечным лучом

¹ Даньги — царевна.

не устает развиваться и играть —
и были счастливы отец и мать.

Прекрасно детство было, как весна,
и юная Чечек росла, нежна,—
нежна, как ветка раннею весною,
мила, как нераскрывшийся цветок,
что дорог нам особой красотою...
Ей не настал еще цветенья срок.
Еще с любимой куклою играла,
совсем ребенок, милый и простой,
не знала жизни, ничего не знала —
и вот — осталась круглой сиротой.
Ее привычной ласкою не встретят
отец и мать, что были так нежны:
они чумой жестокой сметены,
Чечек одна, совсем одна на свете.
Что ей поможет? Кто ее спасет?
Судьба, быть может, что-то принесет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1.

Давно опала мертвая листва.
Стоянок летних шумные места
безмолвны, и унылы, и пусты —
нет и следа от прежней красоты.
Но чей там голос в тишине звенит?
Оставлен кто-то? Брошен? Позабыт?
В степи чернеет юрта, как могила,
двух мертвцевов она внутри укрыла
и девочку — ребенка лет семи,
любовь и жизнь исчезнувшей семьи.
— «Авай!»¹ — она зовет, — не слышно: «А?».
— «Ачай!»² — зовет, — ни звука. Тишина.
Она глядит на них в недоуменьи
и будит их — ей страшен их покой...
Читатель, ты узнал в ней, без сомненья,
Чечек, оставшуюся сиротой.

2.

Днем тишина, чумая и глухая,
но луч последний солнца потухает —
и сразу буря налетит такая,

¹ Авай — мама.

² Ачай — папа.

что все кругом оглушит, ослепит...
Как сердцу холодно, когда в степи
завоет, вместе с бурей, волчья стая!
Как бедная Чечек перепугалась!
Притихла в уголке, в комочек сжалась,
как маленькая пойманная птица —
вот-вот готова с жизнью распуститься.
От страха, как в ознобе, вся дрожит,
не может глаз сомкнуть, всю ночь не спит,
не знает, что и делать, растерялась...
А буря все сильней приходит в ярость.
Лишь на рассвете, когда буря смолкнет,
уснет она — тревожно, ненадолго.

3.

Однажды промышлял старик Хая
на Кара-Суге¹. Близко те края
от Энмек-Ката². И туда забрел он.
Глядит — темнеет юрта перед ним.
Не кружится над ней дымок веселый,
все кажется и мертвым, и пустым.
В ту осень было юрт пустых немало,
но удивился человек бывалый:
услышал он — ребенок в юрте плачет...
Хая подумал: что же это значит?
Ни пешего, ни конного не видно...
Как только матери с отцом нестыдно?
Подходит — видит: девочка, одна,
стоит у юрты. На него взглянула —
и в ужасе скорее в дверь шмыгнула,
как будто смерть увидела она.

4.

Взволнованный, старик вошел за ней.
От страха и тоски дрожа всем телом,
она заплакала еще сильней,
как будто мертвых разбудить хотела.
Никто не отозвался и не встал —
никто еще из мертвых не вставал.
И понял все тогда старик Хая.
— «Не плачь, не бойся, доченька моя,
иди ко мне», — но, ничего не видя,
она твердила в горе и обиде:

¹ Ка ра-Су г — дословно: черная вода.

² Э н м е к-К а т — дословно: кривая гора.

— «Авай, ачай...». Что делать? Чем помочь?
Старик забрал ее с собой, как дочь.
В пословице давно сказал народ,
что сироту согревший — не умрет.
Так и Чечек в одной из бедных юрт
нашла, как дочь, и ласку, и приют.

5.

Как долго скучный зимний вечер длится!
Хая на чадагане¹ заиграет,
а дочь Чечек молчит, не шевелится,
глядит бездумно, как костер пылает.
И после ужина молчит она,
но в юрту тихую еще не скоро
приходит сон. Душевным разговором
нарушится ночная тишина.
Какую сказку славную расскажет
Кара-Кадай — заслушаешься даже!
Ночное небо — темное, густое —
мерцает одинокою звездою,
но сказка раздвигает дымоход
и в мир огромный девочку ведет.
И на оруне² долгими часами
она лежит с открытыми глазами.

6.

Хая надолго промышлять уходит.
В тайге, в горах все время — там и спит.
Кара-Кадай, когда он на охоте,
шьет, кожи мнет — на месте не сидит.
Дочь выросла, помощницею стала:
на целый день уходит в степь с отарой.
Ребенком начала она трудиться,
так и росла в труде, за годом год.
Сыта, одета, жизни не страшится,
веселая, Чечек всегда поет.
Поднимется на холм, и громко песня
звенит, как ручеек в ущелье тесном:

«Нет у меня ни узды, ни седла —
как я поеду на иноходце?
Нет у меня, как у птицы, крыла —
как же мне с сердцем своим бороться?»³

¹ Чадаган — музыкальный инструмент.

² Орун — лежанка.

³ Отрывки из народных песен переведены С. Козловой.

7.

Когда, закат весенний провожая,
начнут подруги шумный хоровод,
веселая, проворная, живая,
Чечек в игре от них не отстает.
В «хромой старухе» (есть игра такая,
любимая среди ее затей)
Чечек не отдает своих «детей»,
ее за это хвалят и ласкают:

— «Бела черемуха, как снег —
в каком лесу она росла?
Как пихта, стройную Чечек
какая мать родить могла?»

Смукается Чечек, лицо краснеет,
а черные глаза еще живее
сверкают, как лучи сквозь белый иней...
Посмотрит невзначай — и сердце вынет.

8.

...«Беда мне, бедняку, везде, везде беда,
я голодный бреду везде, всегда.
Скупому богачу везет, везет везде,
и удача ему, и почет везде...»—

Нет, не моей фантазии полет:
так кровью сердца написал народ.
Добычи много из тайги забрал
Хая — знаток охотничьей науки.
А сколько сшили всякого добра
Кара-Кадай морщинистые руки!
Дурзун-мейрен направит тужуметов¹.
Придут, набросятся, как саранча —
все заберут: пушину, порох, чай,
тару² — хоть нищими бреди по свету!
За что страдает бедный человек,
не понимает юная Чечек.

9.

Хая неважно эту зиму начал
и до весны сдружился с неудачей.
Как темная весенняя вода,

¹ Тужумет — чиновник.

² Тара — просо.

к аратам в юрту хлынула беда.
К ним, на стоянку, на Дунгурлуге,
элчи¹ приехал — старый долг забрать.
Но нет мехов, и нечего отдать.
Что отвечать нойонскому² слуге?
Старик не мог солгать, и не умел:
— «Верну,— сказал он,— будущей весной».
Чиновник, словно зверь, рассвирепел,—
последнюю корову взял с собой.
Как горевала бедная Чечек —
глотая землю, плакала она...
Кругом была весна, и таял снег —
жестокая, голодная весна.

10.

Нетрудно отыскать Дурзун-мейрена:
он там, где плач и стон слышны всегда
за ним и днем, и ночью, неизменно,
приходят к людям горе и беда.
От пьянства, и разврата, и обжорства
опух лицом и высох сердцем черствым.
Он, не трудясь, разбогател обманом,
обман прикрыл молитвой и бурганом³.
Где пил и жрал он — не найти еды,
где ночевал — не обойти беды.
Хозяином, владыкою сумона
он сам себя повсюду возвеличил.
Все, что ему понравится — привычно
с собою заберет бесцеремонно.
По всем арбанам, как чума, пройдет.
Проклятьем провожал его народ.

11.

Беспечные, как дети, ручейки
сбежали с гор, отпели, отзвенели,
и вербы на опушке, у реки,
как будто бархат голубой одели.
Не зря народ в пословице сказал:
«У жадных — завидущие глаза».
Опять приехали за старым долгом.
Дурзун-мейрену преданный шакал,
ни с кем не разговаривая толком,

¹ Э л ч и — гонец.

² Н о й о н — князь.

³ Б у р г а н — бог.

последнего коня с собой забрал.
Бескрылой птице в небе не кружить —
арату без коня не легче жить.
Остался без коня охотник старый.
Как к человеку, он к нему привык.
Тяжелая пора в семье настала,
мрачнее черной тучи стал старик.

12.

Остались козы. Их Чечек спасала,
с утра до вечера пасла в горах.
Кончалась детства светлая пора,
она взрослея и умнее стала.
Беспечных прежних песен не поет,
недетские вопросы задает:
— «Скажи, отец, ответь мне — почему
все люди не равны, не знают счастья,
как звери дикие, друг-друга рвут на части?
Давно хочу понять — и не пойму».
Кара-Қадай боится этих слов —
старик до ночи говорить готов.
От горя, издевательств и обмана
щемит и колет сердце постоянно,
как будто все в огне оно горит...
Хая подолгу с дочкой говорит.

13.

«Как ни глядеть, как ни идти —
везде прекрасен Теректиг:
широк, глубок, не видно дна...
Так слез людских земля полна.
Напали волки — ой, беда!
Пропали тучные стада.
Дурзун-мейрен пришел в сумон —
сумон дотла опустошен.
Где правда? Где закон найдем?
Какому хану бить челом,
чтобы наказан был злодей?
Управы не найти нигде,
никто не хочет защитить —
самим придется отомстить...»
В сердцах отважных, словно эхо в скалах,
кипела песня гнева, не смолкала.

14.

Тепло. Пробилось первыми ростками
оставшееся на току зерно.
Лес заискрился нежными листками,
в степях, в долинах — всюду зелено.
В прозрачном небе празднично и звонко
запели жаворонки... Но Чечек
весенний день не радует ничем:
у ней душа борца, а не ягненка.

— «Волчище вгрызается в конекую
холку ...

сломай зубы волку!

Чиновник отца моего избил —
глаза б я ему раздавил!» —
так жалобно она, тоскливо пела.
В душе такая ненависть кипела —
хотелось отомстить, убить, ударить...
Ох, как обидно, что она не парень!

15.

Однажды у отрогов Семигорья
Чечек домой с отарой возвращалась
и пела песню радости и горя...
Был тихий вечер. Сумерки сгущались.

— «Стель весною расцветает —
жалъ, что осеню увянет.
Человека мать рождает —
жалко, что его не станет...»

На освещенной солнцем стороне
ей повстречался парень на коне.
Вот поравнялся, обменялся взглядом,
как будто он всегда был с нею рядом,
как будто все о ней давно узнал,
и о себе ей рассказал всю правду...
Чечек была нежданной встрече рада —
встревожена — смущения полна.

16.

— «Булун-Шынаа, безоблачный всегда,
закрыли туч кочующих стада.
Откуда тучи с самого утра?
Что загрустила, младшая сестра?»
Не отрываясь, на нее смотрел он:
как все, на солнце сильно загорела,

совсем обычным был ее наряд —
простой, зеленый, выцветший халат.
Да, так она была одета — просто,
как степь вокруг, чужда нарядам пестрым.
но — странное дитя родных степей —
красивая — как не запеть о ней!
Об этом стане, стройном, как тростник,—
две черные косы его ласкали,—
а эти губы? Что сказать о них?
Цвѣтут хурегелдея¹ лепестками!

17.

Чечек всегда была прямой и смелой,
а тут неловко стало. Покраснела.
Заметно было, как она смутилась —
в смущенъи даже рукавом закрылась.
Взгляд отвела, и отошла в сторонку,
и спрашивала парня потихоньку:

— «Конь и рад бы в степь, на волю, ой! —
Кнут — вот ему какая доля, ой!
Каждый бедняка пугает, ой!
Что тут поделать, я не знаю, ой!»

Вы с бедным человеком не встречались
и ничего не знаете о нем.
Зачем вы надо мною надсмеялись,
зачем хотели растоптать конем?
Привычка, может быть, у вас такая?
Наверно, сын какого-нибудь бая?»

18.

Мерген обиделся, отбросил повод,
на землю быстро соскочил с гнедого:
— «Не веришь мне? Поверь моим рукам:
тверды, как кожа, руки бедняка.
Мозолистые руки — вот ответ,
что у меня плохой привычки нет.
Они тебе всю правду говорят:
нет, я не бай, жестокий и надменный —
я с детских лет батрачу у мейрена,
такой же, как и ты, простой арат.»
Чечек молчала. Из-под рукава
в его глаза еще раз посмотрела —
правдивый взгляд, уверенный и смелый,

¹ Хурегелдей — гвоздика.

сказал ей много — больше, чем слова.
И за руки взялись они впервые
и говорили долго, как родные.

19.

Давно зари последний луч погас,
давно и степь, и горы потемнели —
по-прежнему они вдвоем сидели,
не отрывая друг от друга глаз,
обнявшись, позабыв про жизнь и муки,
страшились только одного — разлуки.
Чечек забыла, как она страдала,
как много горя жизнь ей принесла,
и козы разбрелись, куда попало —
она о них забыла. Не пасла.
Любовь! Чечек не знала к ней дороги,
не думала о ней и не звала,
и вот нашла душе своей тревогу
и тайну сердцу своему нашла.
Высоко в небе звезды зажигались...
Лишь поздно вечером они расстались.

20.

Что делается с дочерью Хая?
Совсем другая стала, изменилась:
была такою резвой — не унять,—
а вот теперь она остепенилась.
Безрадостно и тяжело жила —
и вот вся жизнь как будто расцвела
Нет, больше не тревожилась она,
что навсегда останется одна.
Печали прежней словно не бывало.
Чечек спокойнее и мягче стала.
Что с дочерью? Кара-Кадай не знает,
но многое, конечно, понимает:
посмотрит на Чечек и улыбнется,
нет-нет да и с Хая перемигнется,
смеются, шутят, к дочке пристают:
— «Скажи, как зята нашего зовут?»

21.

С чем сравнивать Чечек? Скажу я просто:
была она девчонкой, стала взрослой.
Исчезла детская припухлость щек,
ее лицо немного удлинилось

и стало выразительней еще --
оно все заревом любви светилось!
Чечек менялась с каждой новой встречей,
скромнее стала и еще сердчней,
и глаз задумчивая глубина
какой-то новой прелести полна,
и косы черные на стройном стане
еще длиннее и прекрасней стали.
Не до нарядов беднякам-аратам,
одежды всей не очень-то богато,
но выглядит Чечек всегда нарядной:
что есть — она все носит аккуратно.

22.

В короткий срок везде, во всех аалах,
любовь Чечек известна людям стала.
Соседи не скучились на слова,
повсюду быстро разнеслась молва,
что дочь Хая, охотника, арата,
какой-то бедный человек посватал.
Смеялись, годовой качали баи:
— «Нужна кому-то нищенка такая!
Ну и хозяйка будет — красота!...
Собаки нет, не только что скота!»
Счастливая Чечек стыдилась сплетен —
в степь уходила рано, на рассвете.
«Век не жила в степи я —
нет от жары терпенья.
Людям попасться в сплетни —
хуже беды последней».

23.

Давно поставить на чайлаге юрты
всех голубое лето приглашает.
Дурзун-мейрен всех раньше уезжает:
он в Дужерлиг кочует завтра утром.
И вместе с ним Мерген кочует тоже:
нет прав — и оставаться он не может.
Позднее будет кочевать арат...
Пришла разлуки горькая пора.
Назначили последнее свиданье
Мерген и погрустневшая Чечек...
Всего-то лишь на месяц расставанье,
а кажется разлукой навек!
— «Ну что ж — пускай разлука неизбежна:

нас не покинут верность и надежда!» —
так поклялись, прощаясь над ручьем,
Мергей с подругой юною вдвоем.

24.

В степи раскрылись нестрые цветы,
их много — желтых, красных, золотых...
Прекрасна степь! Я даже в затрудненьи
ей подыскать достойное сравненье.
Как будто девушка свиданья ждет,
похорошела вся и приоделась —
как будто радуга, прервав полет,
на тысячи осколков разлетелась.
В разгаре лето — лучше нет поры!
Все от зимы жестокой отдыхает,
и с радостью спокойной принимает
земли и солнца щедрые дары.
Не нужно вечно думать о еде:
саранка и кандык растут везде.
Кипит работа в юртах: масло бьют,
чокпек готовят и ааржи — курут¹.

25.

Земля в туман закуталась, как ввойлок,
и спит себе глубоко и спокойно.
Попрятались все звезды в облака,
ни шороха нигде, ни огонька.
Все спит, но тесно сердцу молодому
в такую пору оставаться дома.
Никто из молодых не засыпает:
душа кипит и время подгоняет.
Но подождите — что за шум раздался?
Однако кто-то на коне промчался!
Еще немного — и то там, то здесь
по всей степи звенит за песней песнь:
— «Над лесом полный месяц встал.
веселых песен час настал.
Поторопись, любовь моя —
из средней юрты жду тебя!»

26.

Ну как тут будешь спать! Чечек неслышно
оделась, чтобы спящих не будить,
и, в руки взяв идики, быстро вышла
из юрты в степь, где молодость гудит.

¹ Названия молочных продуктов.

Бьет у аала Иргит-хама бубен.
От двух чайлагов молодежь гурьбой
шумит, соперничает меж собой,
задорной песней степь ночную будит:
«Ребята Биче-Доргун» —
точь-в-точь сырое полено.
Ребята в нашем чайлаге
цветут, что алые маки».
Проходит время, и туда-сюда
расходится веселая орда.
Чечек с Мергеном неразлучны снова:
они вдвоем уселись на гнедого.

27.

Тут сын Дурзун-мейрена появился —
чванливый себялюбец Монзуле.
Ни дать, ни взять — мешок с зерном в седле!
Подъехал — и как клещ в поводья впился.
Мерген хотел скакать на перевал,
но Монзуле, ни слова не сказав,
схватил Чечека сначала за рукав,
потом и всю ее к себе прижал.
Тогда Мерген, с гнедого соскочив
и рукава повыше засучив,
сорвал с насильника одежду живо
и, приподняв, швырнул его в крапиву.
Такой уж ойтулааш¹ — с кем подерешься,
ни на кого не жаловаться лучше:
на то игра. Поддержки не получишь,
а все равно стыда не оберешься.

28.

А что слыхать про наших стариков?
Давно-давно мы с ними не видались...
— С тех пор, как без скота они остались
Теперь им жить и вовсе нелегко.
Старик Хая охотится, как прежде,
Кара-Кадай шьет обувь и одежду.
Что есть у них — всегда с другим делили,
про них недаром люди говорили:
— «Хая, Кара-Кадай со всем аалом
поделятся последним одеялом.»
Когда Хая с добычею придет,
то всем соседям мясо раздает.

¹ Ойтулааш — игры.

— «Танды — кедровая тайга!
Ты, словно мать, мне дорога:
пройду тайгой — и вот я сыт...
Мои стада тайга хранит!»

29.

Стояла осень поздняя. Все так же
Хая был занят промыслом обычным.
Дней десять пробыл он на Хулбус-Даше,
а возвратился с небольшой добычей.
— «Приехал за тобой: Дурзун-мейрену
на зиму надо заготовить сено,
шерсть бить и кожу мять — работы много!» —
сказал Хая суровый бошка¹ строго.
— «Он, верно, ждет подарок? Араку?
Но нет теперь коровы у меня,
и сам к нему приехать не могу:
на чем приехать, если нет коня?
Нет у меня подарка для мейрена.
Вот разве только острый нож остался
да старое ружье — стреляет верно!» —
сказал Хая и горько рассмеялся.

30.

Принес добычи мало — обвинят,
на скот набросятся голодной стаей...
Как жажда мести жжет!.. Сильней огня,—
а от бессиля слезы закипают.
Кара-Кадай сама не меньше тужит,
но спрятала свою печаль поглубже.
Старик Хая не может удержаться:
рассердится, ну и пошел ругаться.
— «Проклятые проклясть меня не могут —
давно их проклял сам бедняк-арат.
И чем я перед ними виноват,
когда и где им перешел дорогу?»
Чечек не раз слыхала, как ворчал он,
и слезы у старухи замечала.
Услышит — горечь в сердце закипает...
Молчит она и тяжело вздыхает.

31.

— «Танды — кедровая тайга!
Скотом, добром я не богат,
но песня все-таки звенит:

¹ Б о ш к а — сельский староста.

мои стада тайга хранит!»
Безоблачный, прекрасный день сверкал.
Хая, в тайгу готовясь за добычей,
надел идики¹ и еду собрал,
все подготовил быстро и привычно.
И в это время четверо вошли,
ни с кем и ни о чем не говорили,
на старика набросились, скрутили,
и, окружив, из юрты увели.
Ведут Хая все дальше от аала².
и вот уже дошли до перевала,
идут все дальше, вот уж вниз спустились
и, наконец, совсем из вида скрылись.

32.

Повсюду осень держится еще.
В коричневый, багряный, желтый шелк
поля оделись, степи и долины,
но все кругом уныло и пустынно.
Вот потянулись стаи журавлей,
и запевают высоко и чисто,
как будто жаль с ночлегом им проститься,
с привычной радостью родных степей.
Настала темнота — хоть глаз коли:
Хая и не чернеется вдали.
И продолжали жить надеждой снова
Кара-Кадай и гордая Чечек,
что час придет, рассыплются оковы,
освободится бедный человек.
Надеялись, и верили, и ждали —
обнявшись, долго в темноте стояли.

БАЛЛАДА О ПЕРВОМ ПИСЬМЕ

I

Кого сегодня удивит рассказ о том,
Как милым письма пишутся, друзья?
Но столько чувств связала жизнь с одним письмом
Что про него молчать не в силах я.

Друг Онер-оол в те дни вестей от милой ждал —
Она ушла с родными за хребет.
Сжигал его огонь тоски — он так страдал.
А от любимой ни словечка нет!

¹ Идики — обувь.

² Аал — селение.

Ах, если б мог наш Онер-оол взлететь орлом
И над горами крыльями взмахнуть!
Ах, если б синий ветер мог за тем хребтом
Шепнуть его любимой что-нибудь!

«Ах, если б мог письмо послать...» — мой друг поет.
Но только в песне можно птицей стать —
Ведь письменности не имел тогда народ.
Мог Онер-оол об этом лишь мечтать.

Надежды искра чуть жива в горах тоски
И сердцу тесно стало вдруг в груди...
Слова любви, слова беды звучат, горьки,
Он вдали глядит... А что там впереди
Увидит он — глаза его пусты.
Любимая, когда ж услышишь ты?..

II

Но, видно, так мечта его была сильна.
Что, как трава сквозь почву, прорвалась
Навстречу солнцу — радость нам несла весна:
Пронесся слух — есть письменность у нас!

И, словно от сосны к сосне лесной огонь,
От юрты к юрте шла она, спеша.
И на букварь друг Онер-оол кладет ладонь
В тетрадке буквы пишет, не дыша.

Всех раньше слов сумел сложить он, говорят,
Из букв чудесных нежное — «Севил».
Потом: «люблю», «люблю» — сто раз подряд
Писал, где мог, пока хватало сил.

Потом те песни записал он, как умел.
Что пел недавно — их печаль и боль...
И песни новые, что он теперь запел,
Счастливый, — их надежду и любовь.

Как изменился друг — он вновь увидел свет.
Ушла тоска, он вновь обрел покой,
Он первое свое письмо вложил в конверт
И адрес надписал своей рукой!

Чтоб за хребтом из этих строк, горя,
Мечта взошла, крылата, как заря...

И счастье он сумел добыть письмом своим:
Меня на свадьбу вскоре пригласил.
Я пожелал детей, любви, достатка им —
И Онер-оолу и его Севил.

Потом, как тропки, разошлись пути у нас —
Уехал за хребет товарищ мой,
Учился где-то далеко, и вот сейчас
Вернулся образованным домой.

Зашел раз в сельский магазин и книгу взял
Я, имя друга увидав на ней,
И сразу первое письмо его узнал —
Печаль и горе тех ушедших дней...

Я дальше книгу стал читать, и расцвели
Слова о том, как наша жизнь светла,
Как умножают красоту родной земли
Людей свободных славные дела!

Друг Онер-оол, прекрасно в наши дни
Твое письмо закончили они.

ВСЕГДА РЯДОМ

Твой первый взгляд... Как он согрел меня!
Я ни на миг его не забываю,
и годовщину памятного дня,
как самый светлый праздник, я встречаю...

Воспеть бы мне все радости любви,
и руки, что обняться мне раскрыли,
и рассказать бы, как глаза твои
навеки мое сердце покорили.

Но что мне красоту твою хвалить,
искать слова одно другого льстивей?..
Тебе я должен песню посвятить
не потому, что нет тебя красивей.

Да, были дни раздумий и тревог,
и ты мне не позволила сломиться,
на скользких кручах всех моих дорог.
ни разу не дала мне оступиться.

И если груз был одному тяжел —
его вдвоем на плечи принимали.
И потому я через все прошел,
что ты делила все мои печали.

Свою судьбу я с другом поделю.
Пол-горя, если в горе друг со мною.
А будет радость — другу подарю,
и станет радость радостью двойною.

Вот почему на сердце у меня
твой первый взгляд горит не остывая,
И годовщину памятного дня,
как самый светлый праздник, я встречаю...

Байкара ХОВЕНМЕЙ

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ ОКТЯБРЯ

С тех пор, как над землей моей родимой,
Как солнце, знамя Ленина взошло,
Оно горит, горит неугасимо
И людям от его лучей светло.

В те дни народ, забыв нужду и горе,
Впервые радостно расправил грудь...
Сегодня снова подымусь я в горы
С вершин Танды на отчий край взглянуть.

Он весь в порыве, в творческом полете,
В размахе крыл! — Всего не передашь!
Как хорошо вы, горняки, поете
На разработках новых Кара-Даш!

Как жизнь шумит на радостном подъеме!
Могучий не кончается прибой.
Ильич, ты с нами — в каждом новом доме,
На каждой шахте, на тропе любой.

Великие предвидя перемены,
Ты научил нас побеждать в борьбе.
На берегах счастливых Улуг-Хема
Народ слагает песни о тебе.

И все же трудно выразить словами
Любовь, горящую в сердцах людей.
Но славными и гордыми делами
Мы целый мир оповестим о ней.

Пусть лучшие цветы родного края
Склоняются у скромного древка,
Как будто алый стяг оберегая.
Пусть имя Ленина живет века!

МОГУЧИЙ ГОЛОС

Могучий голос прозвучал в эфире,
Над всеми странами прошел волной.
Летящую с трибуны речь о мире
Заворожено слушал шир земной.

Великому свободному народу
Тот голос пламенный принадлежал.
И мощно эхо раздвигало своды,
В тайге гремело, билось между скал.

И радовались люди доброй воли,
Приветствуя желанные слова.
Но эти же слова врагов кололи,
В ком совесть тяжкая давно мертва.

Честней и благороднее -- призыва
Еще никто не посыпал в эфир:
Долой войну! Пусть на земле счастливой
Навеки торжествует слово: «Мир»!

Василий ЭРЕНЧИН

ХАЛГАЖИК

Пел Халгажик, когда пошел в поселок,
И вся округа слышала его.
Ушел за горы с песнею веселой —
Никто о нем не знает ничего.

Быть может, сбылся Халгажик с дороги
Среди сугробов выюжною зимой?
Пора назад — давно прошли все сроки,
Ну хоть прислал бы весточку домой.

Отцу Балдану это надоело!
Жене кричит сердито он:
«Севил!
К чему он там болтается без дела.
И кто его, глупца, туда сманил?!»

И старая Севил с печальным вздохом
Привычно робко говорит ему:
«Зачем о нем ты думаешь так плохо,
Иль не отец ты сыну своему?...»

Но идики нежданно заскрипели
У старой юрты средь вечерней мглы ...
Соседи все с тревогой разглядели,
Что щеки парня, словно снег, белы.

Отец, болевший долгие недели,
Едва взглянул на сына своего —
«На что похож... глаза бы не глядели!» —
Сказал и отвернулся от него.

Не смог придумать, как ему получше
Все объяснить, растерянный юнец
И выпалил потом отцу: «Послушай!
Я выучился грамоте, отец!»

А Халгажика теребят братишки,
И голосами радостно звения:
«Ой, как красиво! Ой, какис книжки!» —
Они кричат и пляшут у огня.

И Халгажик читает важно всем им:
И со страницы смотрят на ребят
Медведи Қаа-Хема и Бий-Хема — .
Они чернику, черные, сдят.

Старик не спит.
Старик все это слышит.
Смеется недоверчиво старик:
«А разве в книжках про медведей пишут?¹
Ты путаешь чего-то, Халгажик!»

Но продолжает сын читать ребятам,
Не слыша будто:
— Победив царя,
Власть и свободу русские арать
Завоевали в битвах Октября!

Старик поднялся, шубу отодвинув,
С чудесной книги не спускает глаз
И говорит взволнованно он сыну:
«Прошу тебя, прочти-ка еще раз!»

Костер трещал, пылая, а не тлея,—
В нем каждая сияла головня!
Но в этой юрте сделалось светлее
Не только от хорошего огня.

¹ — В религиозных книгах (суграх) не писалось об обыденной жизни. Они печатались ручным способом на непонятном тувинцам тангутском языке.

Леонид ЧАДАМБА

ТУВА — РЕСПУБЛИКА

От равнин до перевалов
эхом катится молва —
ты республикою стала,
родина моя, Тува!

Я со всем народом праздную
первый день рождения твой!
До чего же небо ясное
над республикой Твой.

Вижу — алый флаг полощется
в этом море синевы,
и горит в углу полотнища
имя светлое Тувы.

Среди тружеников равная,
ты имеешь все права.
Будь же ты трудом прославлена,
республика Тува!

В НОВОМ ПОСЕЛКЕ

Улыбаясь, солнце летом
заливает ярким светом
ладный, новый наш поселок,
сад над речкой веселой,
трав цветенье, зелень листьев —
украшенья светлой жизни.

Переливы света —
как красиво это!

Вот, в сережках серебристых,
над дорожкой чистой-чистой,
перед каждым новым домом

белый, важный строй черемух.
Как невесты, разодеты,
даже тесно в ветках цвету!
Сад порой расцвета
как красиво это!

Как в поселке многолюдно!
Безумолку шум повсюду.
Взад, вперед, в машинах, конный
мчит народ неугомонный.
Те — на фермы, те — на пашни...
Все горды поселком нашим,
Жизнь трудом согрета
как красиво это!

Целина сдалась недаром:
вот — зерна полны амбары,
корм жует, да пьёт водицу
чудо-скот с крикливой птицей,
Знаменит наш труд чудесный.
Он звенит веселой песней.

Песни до рассвета —
как красиво это!

ОЗЕРО АЗАС

Над озером алый
Пылает закат.
Дворцы золотые
На небе блестят.

И золото льется,
На волны ложась.
Расплавленным солнцем
Наполнен Азас.

Багряное небо,
Как полог цветной,
Сливается краем
С озерной волной.

Всё стало, как в сказке,
Оделось в шелка,
И озеро рдеет,
Как чаша цветка.

Смеется, ликует
И дышит оно,
Как будто бы волнам
Дыханье дано.

Сверкай же, покуда
Закат не погас,
Ты, озеро света,
Прекрасный Азас!

Юрий КЮНЗЕГЕШ

СТРАНИЧКА ИЗ МОЕЙ БИОГРАФИИ

За пазуху прячут луну облака.
На небе темней и темней,
Она изогнулась,
Как в лужу уроненный лук,
Но все же они недовольны
Добычей своей
И вдруг зарыдали,
Поспорив с драконом Улу.

Хоть ноги мальчишки
Промчались версту не одну,
Он ни за что не вернется
Под кров шалаша —
Он ищет упорно
Пропавшую в небе луну,
Лужи, одну за другой,
Прутиком вороша.

Мальчишка несется на палочке,
Как на коне,
На летнем халатике
Ветер раздул рукава,
Он пристально смотрит,
Явившись сегодня ко мне
В разгар новогоднего праздника — Шагаа.

Пусть щеки его
Покрывают веснушки и грязь,
На личике светлом
Горит вдохновения жар.
Мне чудится: он,
Со мною обняться стремясь,

Арканом поймает луну
И мне принесет ее в дар.

НА КРУТИЗНЕ

Ты едешь краем обрыва,
Троцой, прижатой к скале,
Неловко и боязливо
Держась в тувинском седле.

Движений резких не делай:
Легко сорваться туда.
Где буйствует в пене белой
Грохочущая вода.

Но парень, твой провожатый,
Спокойно едет вперед.
Быть мужественной должна ты:
Тебя роженица ждет.

Вы обе с ней молодые.
Ей помочь твоя нужна.
Пусть ноги твои впервые
Нащупали стремена.

Ты помнишь, зажмуря веки,
Неловко застыв в седле,
О маленьком человеке,
Что будет жить на земле.

РЕЧНОЙ ПОРОГ

И все уже река,
И вот
Слышен грохот и рев, и рык.
Так, глазами кося, ревет
Разъяненный огромный бык.

Гривы белой пены кипят,
И летят через валуны —
Так, арканы порвав, летят
Необъезженные скакуны.

Как таймень по реке идет —
Режет воду телом тугим.
Режет воду передний плот,
Бьет вода по плечам моим.

Сколько лет ты, река, ревешь,
В берег бьешь крутою волной,
Будто спор со мною ведешь,
Силой хвастая предо мной?

Что мне спорить... Пусть ты сильней,
Но, по совести говоря,
Сколько умной силы своей
Ты, река, сгубила зазря?

Высоки твои берега ...
Их плотиной соединим,
Чтобы дать работу, река,
Мускулистым рукам твоим.

И пойдет твоя сила и свет
К нашим селам и городам,
И за это за все в ответ
Ты, река, поклонишься нам...

И ТИХИЙ ГОЛОС...

Песни не похожи друг на друга,
как цветы нетронутого луга,
сильные и звонкие, как трубы,
грустные и нежные, как губы.

Голосок твой слушая беспечный,
думаю о сердце человечьем —
в радости, тревоге и печали
разве сердцу нужно, чтоб кричали?

По степи река течет степенно,
не бурлит она, не брызжет пеной,
солнце в ней до ночи плавать может,
и его волна не потревожит.

Голос твой, он, как река степная,
суетливо-громким не бывает —
в глубину души моей он льется,
и она на голос отзовется...

И когда народ бедой разбужен,
не один могучий голос нужен,
можно ведь и с голосом спокойным
стать певцом любимым и достойным...

Песни не похожи друг на друга,
как цветы нетронутого луга,
сильные и звонкие, как трубы,
грустные и нежные, как губы.

Монгуш КЕНИН-ЛОПСАН

ПОСЛЕДНЕЕ КОЧЕВЬЕ

(Поэма)

1.

Ни отцу, ни матери не снилось,
То, что приключилось наяву:
Я, который в тесной юрте вырос,
В новом доме каменном живу.

Где ты, ю尔та, грязная, сырая,
Мрачная, как детские года?
Мой ребенок, за стеной играя,
О тебе не вспомнит никогда!

Стряпает жена лепешки к чаю
В светлой кухне. Чистота, простор.
Вечер. Я приемник свой включаю —
Он потрескивает, как костер.

Входят в дом артисты всей планеты —
Не тесна им комната моя.
Меж Москвою и Кызылом нету
Разницы существенной, друзья!

2.

Все сейчас, как было, вспоминаю.
В дальнем обучался я краю.
И в Кызыл вернулся. Начинаю
Здесь я трудовую жизнь свою.

А с жильем в те годы было туго.
Жил я, где придется, и с трудом
Снял себе в одном домишке угол,
Мучился три года я потом.

Ночь взрывалась пьяными шагами,
Надо мною гулко грохоча:
Снилось мне, что бьют меня ногами —
Пробыпался, вскакивал, крича.

«Мне с утра работать», — умоляю:
«Тише!» — А хозяин говорит:
«Видишь, день рождения справляю —
Пью, гуляю, сколь душа велит!».

Что ответить — раз такой уж случай...
День рождения — тут и спору нет.
Но нельзя же каждую получку
Появляться заново на свет...

3.

Как бы старый мой отец гордился
Днем рождения, как он был бы рад!
Только он не знал, когда родился,
Темный и неграмотный арат.

Юрты сын, я жизнью жил походной,
Все в пути — и нету мне пути:
На роду написано — охотник
Иль пастих, да нечего пасти...

Жили плохо, не придумать хуже —
В юрте еле теплился костер,
Погибали от дождей и стужи
Мы, тринадцать братьев и сестер.

Юрта наша — рваная, в заплатах.
Были ночи, как года, длинны.
Видели мы всадников богатых
Через дыры войлочной стены.

Полночью особенно морозной
Будит мать нас, к очагу зовет:
«Грейтесь!..»
Искры превращались в звезды,
Вылетая в узкий дымоход...

Нет отца... — проснешься утром рано, —
На рогах козлиных нет ружья.
Выползая из-под шкурки драной,
«Мясо буду есть...», — мечтаю я.

4.

Жил бы, как слепой, я в юрте черной,
Как отец мой, темен...
Только нет ---
Как рукой волшебника, учебой
Был из мрака вытащен на свет!

Ждут меня теперь дела иные:
Я электрик. Сказочен мой труд ---
Зажигаю светлые огни я
На столбах, что сквозь тайгу идут.

Черною стеной нас окружавшей,
Ей довольно в страхе нас держать ---
Заставляю я, в ночи дрожавший,
Тьму от света яркого дрожать!

5.

Вот мой дом.
Чтоб встали стены эти,
Я кирпич таскал и грунт копал.
Здесь, на нашей стройке, друга встретил.
Говорю: «Ты как сюда попал?»

Мы давно расстались с ним в Чадане.
Кончили семь классов — все дела!
Столько лет друг друга не видали ---
Жизнь путями разными вела.

Хоть слоненком звался он — Чан-оолом.
Худенький, был мал он и смешон...
Помню, одноклассник наш веселый
Крикнул: «Ты козленок, а не слон!»

На него гляжу я — все такой же:
Худощавый, быстрый, боевой.
Тонкая рука — на ней под кожей
Жилки отливают синевой.

Как архар по скалам, прямо в небо
По ступенькам быстро, со смешком
Друг мой поднимается...
Ах, мне бы
Быть, как он, лихим крановщиком!

Он один. Но чудо-кран послушно
Тянет кверху горы кирпичей —
Для такой работы было б нужно
Прежде болыше сотни силачей.

Тонким пальцем кнопки нажимая,
Трос стальной натянет, как струну.
И дрожит машина, поднимая
Груз, какой не сдвинуть и слону!

Сколько смог волшебными руками
Сделать ты, «Козленок» — мой дружок!
На стреле, почти под облаками
Алый развевается флагок.

Значит, ты — передовой строитель.
Значит, с каждым днем быстрей растет
Новый дом. Как он красив — смотрите! —
Солнечный, в нем лето круглый год!

Заводской гудок.
Его значенье
В это утро было: «Срок пришел.
Торопись, в последнее кочевье
Надо отправляться, Арбай-оол».

Разные кочевья есть на свете.
Юность вспоминаю я свою —
Кочевал с отцом. Кочевья эти —
Тяжкий путь у смерти на краю.

Вижу я, закрыв лицо руками —
Склон горы Шивэ.
И по траве
В пропасть бык летит, как черный камень,
С ношью, прижатой к голове!

И болезни, словно волчьи стаи,
Ждали нас на каждой из дорог,
Сзади неожиданно хватали,
Зарывали в снег, сбивали с ног.

Снова вижу я, смежив ресницы —
Хлещет буря, яростна, остра,
К теплому зимовью — не пробиться,
Кое-как укрылись у бугра.

Видно, ветры — бешеные кони
Через строй деревьев здесь рвались:
Было страшно — вырванные корни
На снегу с ветвями обнялись...

Утром мне отец сказал устало:
«Младшая больна...» — и отошел.
В полдень мать моя запричитала:
«Девочки не стало,
Арбай-оол!...»

6

Но, пока бежали дни учебы,
Прежнее житье на нет сошло.
Юрты исчезали, как сугробы
В теплый день.
В тайге росло
Село.

И отец построил дом отличный,
Но в него вселиться не спешил —
Недоверчив к новому жилищу,
Рядом, в юрте зиму пережил.

А когда пожили да обжили
Теплый этот, светлый этот дом,
Всей семьею, как один, решили:
Никуда отсюда не уйдем!

И живет оседло все семейство.
Хвалит свой
Колхоз передовой.
Только я веду — хоть плачь, хоть смейся! —
Старый образ жизни — кочевой...

7.

Я сейчас кончу с этим. Баста.
Оставляю тот постылый кров —
Но свое нехитрое богатство
Не навьючу на волов.

И в дороге мучиться не буду:
Не один я вышел. Не пешком.
На грузовике качу отсюда.
С песнями, с друзьями, с ветерком!

Мне ожившей сказкой показался
Новый дом. Сбылась мечта моя!
Здесь к чему бы я ни прикасался —
К Коммунизму прикасаюсь я!

Дар родной моей Советской власти
Принимаю. И благодарю.
Задыхаясь от большого счастья,
Из окна на город я смотрю.

Гражданин страны моей могучей,
Вдали гляжу — ясна она, ясна...
Понимаю — никакие тучи
Не закроют моего окна!

Олег СУВАКПИТ

КЫЗЫЛУ — СТОЛИЦЕ

Молодыми садами украшенный,
как ты счастлив и полон сил!
Еще лучше руками нашими
мы украсим тебя, Кызыл!

Вижу я — дома поднимаются,
словно горы — так высоки.
Вижу я — в гранит одеваются
берега Голубой Реки.

Вот идет троллейбус по улице,
как зеркальный асфальт под ним,
и троллейбус будто любуется
отраженьем точным своим.

Прохожу по своей столице я —
и гудки, и шуршанье шин,
и с высоких тронов милиция
управляет движеньем машин.

И приезжий с коня соскакивает —
он другого коня возьмет,
то трамвай стременами позвякивает,
прокатиться его зовет.

Новый парк, прохладою радуя,
распахнуть для меня готов
из фонтанов яркие радуги
и ковры из ярких цветов.

А как вечер — с песнями, с танцами
молодежь приходит туда,

и с железнодорожной станции
откликаются поезда.

По утрам над домами белыми
заводской запевает гудок...
Вот таким тебя городом сделаем,
наш сегодняшний городок!

ГОЛОС НАРОДА

Гудит паровоз,
летит паровоз,
и радостно мне движенье вперед.
Окно отворю,
на север смотрю —
и северный ветер в лицо мне бьет,
ветер Сибири в лицо мне бьет.

Над тропкой лесной
береза с сосной
качаются, обнимаются,
и лес мне поет...
Но вот поворот —
и песенный лес кончается.

Вон — камешки в ряд,
белея, лежат,
и я, любопытный зритель,
бросаю на них мимоездом взгляд —
смотрите со мной,
смотрите!

— «Мир — миру!» —
народ
так клятву дает
сверкающими словами,
и клятва тверда,
как сила труда,
как воля людей,
как камень.

А рядом цветут России поля,
и лозунг,
простой и строгий,
читает рассвет,
читает земля,

читают все,
кто в дороге.

Он --- голос страны.
От сердца страны
за тысячи верст в округе
такие слова
повсюду видны ---
их строят
народа руки.

Кызыл-Эник КУДАЖИ

РУЧЕЙ

Ты скользишь по лугам зеленым
У подножья Саянских гор,
И звенит серебристым звоном
Неумолчный твой разговор.

Твоего не задержат бега
Ни зима, ни тумана дрожь,
Нежным голосом из-под снега
Песню прежнюю ты поешь.

И готов я слушать часами
Твой девический голосок.
В зной, одев берега цветами,
Ты прохладой поишь песок.

Ты работаешь скромно, просто,
Днем и ночью, в разгар зимы.
Я учусь у тебя упорству,
Дай мне силы твоей взаймы.

Алдын-оол ДАРЖАА

УЛЫБКА

Силен, богат мой язык родной.
Значенья полон в нем каждый звук.
Возьмем, к примеру, хотя б одно
простое слово — «хулумзуруг».

Струится черных волос вслна.
Стоит тувинка среди подруг.
Любаясь милым своим, она
блеснет улыбкой — хулумзуруг.

Вот мать — совсем еще молода.
Малыш у мамы не сходит с рук.
Взгляни, как радостна и горда
ее улыбка — хулумзуруг!

Подрос немного ее сынок,
помощник мамин и лучший друг —
бежит навстречу ей со всех ног,
он весь — улыбка, хулумзуруг.

Он вырос. Строит он города.
Вступил он в тесный рабочий круг.
Полна презренья к врагам труда
его усмешка — хулумзуруг.

Стоит он — труженик и герой —
земля, как песня, лежит вокруг! —
горда Отчизной,
полна мечтой
его улыбка — хулумзуруг.

ЗА ПЕРВЫМ УРОЖАЕМ

Был он бойкий старик, Чамый,
не ходил, а прыгал, как мячик,
и его называли мы
не Чамый, а «дедушка-мальчик».

Что на эту кличку пенять?
Вспомнить детство каждому мило,
но Чамый не любил вспоминать —
невеселым то детство было.

Рос Чамый, мальчишка-бедняк,
про ячмень и просо не слыша.
Даст тайга один майырак¹,
да и тот собирают мыши.

А теперь ребята растут —
подавай им хлеб и печенье.
Наши дни привольно идут,
как реки Балыктык теченье.

Каждый к белой муке привык,
с ней и суп, и мясо вкуснее,
и задумал тогда старик
хлеб на нашей земле посеять.

И об этом у нас все дни
долго спорили и рядили...
«Хорошо», — говорили одни,
«Подожди», — говорили другие.

Не ползет мечта по земле,
словно сокол, она крылата.
И узнали люди в Кремле
о мечте старика-арата.

Слышит партия думы страны,
и дела ее в том порукой.
Волны поднятой целины
докатились до Кунгуртука.

Вижу ясно, словно сейчас,
как прохладной майской зарею
мы склоняемся в первый раз
над нетронутою землею.

¹ Майырак — съедобные корни.

Борозду проводим по ней,
разрыхляем, чтоб стала мягче...
Только жалко, что этих дней
не дождался «дедушка-мальчик».

Был бы жив сейчас наш старик —
я ему показал бы поле,
где колхозный ячмень стоит
гуще, чем камыш Тере-Холя.

Шапку сдвинул бы он набекрень
и глаза бы лукаво сузил,
и сказал бы: «Хорош ячмень!
Засылайте сватов к кукурузе!»

* * *

В горах рожден я. Из лощины
Мой громкий крик взлетел, звеня,
И кряжей пестрые вершины
Впервые слушали меня.
Вот так я жить на свете начал.
Я подрастал, горласт и смел,
И голос мой уже не плачем,
А песней радостной звенел:
«Тува родная, голубая!
С ладонь мне кажется она:
Везде — от края и до края
Простая песнь моя слышна!»
В родном kraю, не зная горя,
Работают все — как поют
Звучит в могучем этом хоре
Мой голос песенный — мой труд.

Монгуш ОЛЧЕЙ-ООЛ

ВРЕМЯ

Как медленно ступало время раньше,
И как теперь шаги его легки...
Ты, время, так спешишь, стремясь все дальше,
Что лента горизонта — на куски!

И мы стремимся вдаль. И труд свой множим
Невиданный, как времени полет,
Вот почему лишь мы сегодня можем
И не отстать и вырваться вперед!

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Куда ты спешишь, перекати-поле,
колючий, сухой клубок?
— Как видишь, гуляю по вольной воле,
пойдем-ка со мной, дружок.

— Нет, я не любитель бегать от дела.
Пустой болтовне я — враг.
А ты урожай нам портить посмелο?
Скорее катись в овраг!

Екатерина ТАНОВА

ПЕРВОКЛАССНИЦЕ

Маленький кораблик уплывает в море —
в море светлых мыслей и глубоких знаний...
Парус — белый фартук.
Ветер — ожиданье.
Будут в этом море радости и горе.

Фартук шила мама.
Хорошо сидит он!
Темненькое платье впору тебе тоже.
Ну-ка, повернись-ка,
ну-ка, погляди ты —
как ты на подружек, учениц, похожа!

Осень всю дорогу листьями устелет,
солнечной дорожкой побежишь ты в школу.
Солнце на замочке нового портфеля
застенит, запляшет зайчиком веселым.

Вот тебе и школа — светлый дом чудесный,
кузница сердец, отважных и открытых.
Книжки и тетрадки, труд, мечту и песни —
все это сегодня Родина дарит вам.

На крыльце тебя учительница встретит,
чтоб стать, назавтра, близкой и привычной,
чтоб открыть тебе дороги — все на свете,
чтобы ты учились только на отлично.

Так плыви, кораблик, в солнечное море,
детские мечтанья, жизнью становитесь —
чтоб в стране любимой,
на родном просторе,
вырос новый
умный,
грамотный строитель.

ГЛОБУС

За столом Хулер решал задачи.
Вдруг бежит Дарый и чуть не плачет:
— Дай мне, старший брат, твой новый мячик,
пестренький такой, красивый мячик,
голубой, зеленый, желтый с белым...
Мы плохого ничего не сделаем —
только поиграем мы немножко,
а потом отдам я... Братик, можно?

Поглядел Хулер в глаза сестренке,
потрепал ее косички тонкие:
— Этот мячик, девочка, не скачет —
это глобус, а не пестрый мячик.
Это не цветистые узоры,
а моря, снега, равнины, горы —
это вся земля у нас такая...
В школе это учат, не играют.

Вот, между горами, в уголочке
город наш — малюсенькая точка.
На просторах, желтых и зеленых,
знаешь, сколько у тебя сестренок?
Вот раскинулась страна родная —
всех просторней, без конца и края.
Вот Москва — столица дорогая:
звезды в ней горят и не сгорают.

Алексей ХУУРАК

ВЫСОТА

Я завидовал раньше, увидев орла:
«Мне бы так полететь к небесам голубым!»
Старый горный орел над снегами Саян,
Я теперь не завидую крыльям твоим!

Унесут меня крылья выше Саян.
Захочу — полечу и в гости к Луне!..
Слабой бабочкой над весенним лужком
ты, орел, с высоты моей кажешься мне.

МИЛЫЕ ДЕВУШКИ

Я спеть вам песню, девушки, хочу,
Вам, смелостью и радостью богатым.
Любая вам работа по плечу,
Вы не уступите в труде ребятам.

В дни праздников народных лучше всех
Умеете вы петь и веселиться:
Взлетают к небу песни, брызжет смех
И разгораются от пляски лица.

А платья — словно вешние луга,
Где красок радостные переливы.
Вы ярче звезд мне кажетесь тогда.
Нет, вы не знаете, как вы красивы!

ГОДОВАЛОЙ

Девчоночка, человечек,
Вот год, как ты родилась.

На пир, на праздничный вечер
Друзья собрались у вас.

Ты маленькая такая,
А солнышко вносишь в дом.
Мы, дружно тебя лаская,
Подарки на стол кладем.

Ребенок любому дорог,
У каждого нежен взгляд.
А мне сегодня под сорок,
И дни летят и летят.

Недолго — и стану старым,
Лечиться пойду к врачу...
Что если тогда подарок
От девочки получу?

Что если вдруг в кабинете,
В халате белом, стройна,
Спокойной улыбкой встретит
Меня — седого — она?

Вот эта крошка смешная,—
Рассчитываю вперед,—
Все тайны здоровья зная,
Подарит мне лишний год!

Светлана КОЗЛОВА

РАБОТЯГИ

(Цикл стихов)

Я с детства знаю слово: работяга.
Простое, уважительное слово,
оно казалось мне почетным стягом —
огромным,
пропыленным
и багровым.

Так, помню, говорили о шофере,
который жил в одной квартире с нами.
так говорили о большом актере,
чей голос плыл над площадьми,
как знамя.

В газете было:
— «Умер академик...» —
отец сказал:
— Большой был работяга...

Все, кто работает не ради денег,
стояли для меня под этим стягом.

Была война.
Холодный, дымный ветер,
я помню, дул со стороны заката.
Нам,
восьмилетним остролицым детям,
героями казались все солдаты,
мы знали наизусть слова присяги,
о счастье подвига
нам пели горны...

Нам жизнь отвоевали
работяги
в шинелях
и с лопатками саперными.

Мне очень больно слышать это слово,
когда бездельник этак лет за двадцать
твердит: «Трудоустраиваться? Снова?
Не в работяги же мне подаваться!»
И как мне стыдно слышать это слово,
когда,
перехватив вина и браги,
оправдывается «герой» спиртного:
— «Что с нас возьмешь?
Простяги, работяги...»

Но не втоптать им в грязное болото
святого, уважительного слова —
нет в мире счастья выше, чем работа,
и в этом — завтрашнего дня основа.
Он строится из камня и металла,
из хлеба,
электричества,
бумаги...

Мир освещают трудовым накалом
хозяева Вселенной —
работяги.

СТРОИТЕЛЬ

В панбархатном платье
Матрена Пичугина
по парку
степенно и строго идет.
Глаза деловито,
хозяйски прищурены,
как будто у всех принимает отчет.

В ней нет манекенной,
витринной красивости:
косынка пестра,
как осенний пожар...
От ветра,
морозов,
от солнца и извести
в лице —
постоянный кирпичный загар.

Хихикают модницы:
— «Ишь, деревенщина!

Напядила —
хоть дорогое —
тряпье...»

Идет по Кызылу рабочая женщина:
весь город построен
руками ее.

Росла она
девочкой с розовым лициком,
да жизль —
не забав,
а работы полна:
ей двадцать —
в деревне не сыщешь и ситчика,
ей тридцать —
а тут не до платьев —
война.

Теперь ее жизнь и ровна, и налажена,
и — что там смотреть,
понапрасну,
назад!..
Ее ученицы,
в капронах наглаженных,
бегут,
с уваженьем глядят ей в глаза.

А эти глаза
по-хозяйски прищурены,
в косынке —
осеннее пламя и мгла ..

Ты в праздничном платье.
Матрена Пичугина,
красавицей первой сегодня была.

ПЕКАРЬ

Она стояла у печи.
Она выпекала хлеб.

В то утро все человечество
смотрело вверх, осмелев —
смотрело,
как мать счастливая
на первый сыновний шаг...

А ей вдруг стало тоскливо.
Подумалось:
как же так?
Весь век топчись у печи ты,
а люди летят к планетам...
А сколько книг не прочитано,
песен сколько не спето...

Она возвращалась с работы.
Сияли лучи весны.
Подробностями полета
разговоры были полны,
синело небо над городом
и улыбалось земле...

Ее охватила гордость
за Землю,
людей и хлеб.
Без хлеба нет Человека,
и невозможна жизнь...
Хорошее дело — пекарь,
такой работы держись!

Ученые и поэты
рождаются на земле,
чтоб в почву другой планеты
люди посеяли хлеб,
чтоб счастье и изобилие
вселенной люди несли...

Чтоб вырастали крылья
у тружеников Земли.

ЖУРНАЛИСТ

Клонится закат к земле измученной,
раны темнотой прикрыть спеша...

Вот в последний раз в руках у Фучика
огрызок карандаша.
Звук шагов — и он листки стремительно
прячет под соломенный матрац...
— «Люди! Я любил вас. Будьте
бдительны!»

Камера. Ночь. Панкрайц.
Завтрашнего солнца не видать ему,
стал длиннее жизни карандаш...

Что же там?
Письмо? Прощанье с братьями?
— Репортаж.

Все еще кресты с дорог не убраны,
хмурятся мадонны по долам...

Как казак из песни, «скризь порубанный»,
падает под топором Галан.
По церквям засуетились крысы —
только рано радоваться,
нет —
кровью,
не чернилами дописан,
но дописан все-таки памфlet!

...А теперь пойдет совсем обычное,
ничего особенного нет:
правка писем,
сверка фактов,
вычитка —
мирный день работников газет.
Легким этот труд считают многие,
говорят:
— Писаки! Ловкачи!...

За строками —
жизнь с ее тревогами,
грязь болот
и звездные лучи...
К людям по-хорошему доверчивы,
к чуждому — презливы и строги...
Светится любовью к человечеству
сдержанность газетная строки.

Виталий ВОЛКОВ

СЛОВО АРАТА

Слово, как эхо, терялось в горах,
в бубен шаман его прятал,
байская плеть о семи языках
стреножила слово арата...

Бубен шамана, байская плеть —
музейные экспонаты.
Вышло, как солнце, над миром звенеть
вольное слово арата.

Новые песни, как новая жизнь,
радостны и крылаты.
Смело шагнуло за рубежи
слово тувинца-арата.

Светел, торжествен просторный зал.
и вдохновлен оратор,
и рукоплещет великий хурал
верному слову арата.

Слово выходит в широкий мир.
встречают его, как брата,—
радиокрылья уносят в эфир
громкое слово арата.

Слово наборщик в свинец отольет,
глянешь в газету с утра ты —
мир пред тобой широко распахнет
правдивое слово арата.

Слово,
такую берущее высь,
что им вся планета объята —
интернациональное —
коммунизм —
стало родным для арата.

НАД ЕНИСЕЕМ УТРО

Акварель пролилась заревая
на холстину крапчатой сурьмы.
Горы встали, шапкой задевая
белое преддверье зимы.
Первый луч стрелой ударил косо,
раздробился в брызгах ручейка.
Медленно мотались на колеса
жирные, как сливки, облака.
Шла машина кромкой дня и ночи,
нехотя, натуженно гудя...
Ели громоздились у обочин
в бисере вчерашнего дождя.
Горы понижались и лысели...
Впереди — простор долины и
голубые кольца Енисея
с золотым отливом чешуи.
Здравствуй — в чистом утреннем сияньи,
богатырской напоен водой,—
здравствуй, край далекий Засаянье,
здравствуй, край, как утро молодой!
Так далеко от Москвы я не был,
но и здесь с волнением вижу я
на приветном, на рассветном небе
отблеск звезд московского Кремля!

Анатолий ЕМЕЛЬЯНОВ

ЗЕМЛЕ ТУВИНСКОЙ

Нигде я не видел
такого прозрачного неба,
как в нашей Туве.
Нигде к тебе,
жизнь,
я душою привязан так не был,
как в нашей Туве.

Я ехал —
а вслед маловеров пугливые речи.
сомнений трава...
Меня приняла ты,
как сына.
Я рад нашей встрече,
родная Тува!

Люблю твои быстрые реки,
струящийся пепел
далеких дорог,
народ закаленный,
с душою,
широкой,
как степи —
тувинский народ.

Всем, всем,
кто не меряет радости меркою
 скучной
куска да рубля,
по сердцу придутся
твои беспокойные будни,
упрямых земля.

По сердцу им будут
морозы,

и солнце,
и ветры,
тайга и поля —
и станет душа их
красивой,
богатой и щедрой
как эта земля.

...Я в Австрии был,
и в Прибалтике —
где только не был!—
изъездил весь свет —
нигде я не видел
такого прозрачного неба,
как в нашей Туве.

ТУВА

Что такое Тува?
Это степи, залитые солнцем,
горных речек разлив
и дремучих лесов океан,
синеватые дали
и гор разноцветные кольца,
зной песков раскаленных
и снежная стужа Саян.

Это смуглые люди,
упорно идущие к цели,
чтоб открыла земля
все богатства,
все тайны свои...
И уходят пески,
берега одеваются в цемент,
в синеватые дали
плывут города-корабли...

Все познали они,
эти люди —
бесправье и горе,
непомерную тяжесть
великой и долгой борьбы,
радость первых побед,
всколыхнувших Саянские горы,
гордость новых побед,
переплавивших сабли в серпы.

Что такое Тува?
Это молодость древнего края,
без голодных кочевий
и рваных,
задымленных юрт.
Это новые люди
в грядущее путь пробивают,
это счастье народа,
свободный и творческий труд.

* * *

Высоки Саянские хребты,
поднялись над облаками гордо...
Выше гор заветные мечты
древнего тувинского народа.

Буйной силой славен Енисей,
рассекает горные породы...
Нет на свете ничего сильней
сил освобожденного народа.

Что сравниться может с красотой
ясного весеннего восхода?..
Краше зорь весенних и цветов
юность возрожденного народа.

Горы исчезают без следа,
скалы разрушает непогода...
Крепче скал гранитных —
навсегда —
дружба нерушимая народов.

—※•※—

Петр БОСЕНКО

ЛОШАДЬ И ДИССЕРТАЦИЯ

(Басня)

Писал ученый диссертацию —
В науку пробовал пролезть.
В наш век сплошной механизации
Он утверждал, что лошадь —
Есть
Объект, достойный изученья
И нужный для сельхозработ,
Что он, Гнедко (прочь, прочь
сомненья!)
Овес — жует, а воду — пьет.

Что у него ноги — четыре,
Два глаза, уши есть и хвост;
И на работе очень смирен,
И шерстью полностью оброс.

Ученый муж, морщины хмуря,
Строчил о том, что он, Гнедко,
Быстрее движется — аллюром,
А медленней, когда — шажком.

Да-да, в аллюре гвоздь вопроса.
Пусть только правильно поймут.
И потому Совет он просит
Дать степень доктора ему.

Когда б Гнедко узнал случайно,
Как диссертант вознес его,—
В аллюр пустился бы отчаянно.
Расцеловал бы... И-го-го!

В СУББОТУ

Едва он занял пост ответственный —
Решил вести себя соответственно:
Потребовал отдельный особняк,
Оклад приличный, главное —
 «Победу»
(«командировки будут, как-никак»)
В субботу же бывало чаще так:
— Шофер! Машину — к трем,
 на уток еду...

КАЗНОКРАД

Я удивлялся лишь бывало:
Зарплата равная у нас,
Откуда ж деньги доставал он,
Чтоб выпить рюмку лишний раз?
Со мною был за панибрата,
Встречая, хлопал по плечу:
— Живу, милейший, бедновато,
Весь день, как белка, хлопочу!
Концы с концами еле-еле
Свожу, поверишь ли, браток,
Вот ревизоры одолели,
Чего им нужно — невдомек...,
Стоит наглажен и прилизан,
Глазенки-пуговки горят...
С лицом бывалой, старой крысы,
А в душу глянешь — казнокрад.

Юрий НЕКРАСОВ

РОМАНТИКА

Отрывки из поэмы

Нам с детства
понятие это дано:
Любовь, романтика,
жизнь —
одно!

Пылает,
мужает —
молодость наша,
чтоб жизнь была лучше,
чтоб жизнь была *краше!*
Приходилось ли вам,
повинуясь долгу,
не ради зарплат,
не ради наград,
стоять у койки больного подолгу,
и ждать,
как чуда —
хоть вздох,
хоть взгляд?

А за стенкой,
недели,
месяцы,
возле домика-шалаша,
стужа жарит
и выюга бесится,
снегом горы запороша.
По утрам.
в середине ночи ли

к вам за помощью
шли бы и шли...
Капли,
сутки дежурств внеочередь...
Приходилось ли?

А ей приходилось.
Без «женских капризов»
в снегах увязая,
как в топи болот,
шла, не колеблясь,
на каждый вызов
уже четвертый по счету год.
И не то чтоб
красавица русская —
чтоб гляди
и не наглядись —
но в сумонах ее,
светлорусую,
звали ласково:
Чараш-кыс.

* * *

...Умный старик —
Хеверик.
Седой, как сутроб, старик,
Морщин на лице —
сколько трудных путей
прошел он
в жизни своей.
Но не угас огонек,
не угас
в узеньких щелках глаз,
и брызнутъ улыбкой готов
из жиденъкой тины усов.

Ещё молодым батраком
Он овладел языком
русских весёлых ребят...
Гостю всегда он рад.
— «Тарга,— говорит,— тарга,
спасибо доктору,
внучка спит»...
Потом, помрачнев:
— «Такая пурга!»
Замёрзнет девка в степи!..

* * *

...Искали утром.
Искали днём.
Хеверик — впереди,
Мы — за ним.
Гуськом.

А с дедом — собака.
Весёлый пёс.
ныряет в снегу,
словно катер в волнах:
то хвост покажет,
то чёрный нос,
то вертко скачет,
как на ножах.

Вдруг смолк.
Пружиной собрался весь,
в тугой,
как железо,
комок,
и молнией —
(здесь!)

Неужели, здесь?..)
метнулся в стог.
Там мы нашли её.
Снежный ком
в поле приметен едва-едва...
Когда отогрели,
замёрзшим ртом
деда спросила:
— «Внучка жива?»
Много видал на веку старик,
горе въедалось
в морщины у глаз...
А тут вдруг

слезу уронил Хеверик
и отвернулся от нас.

* * *

Нас
не опутать мещанской тиной.
В жизнь
без романтики не войти нам.
В отрогах Саянских,
где ветру выть,
мы изучаем искусство жить.

ЛЮДИ, КНИГИ, СОБЫТИЯ

Мария ИЗЫНЕНЕВА-ХАДАХАНЭ

ДОРОГА НА ПРОСТОР

Когда поэт обращается к прозе, в ней появляется особая взвешенность слова и повышенная сосредоточенность, и емкость образов. Так случилось с Сергеем Пюрбю. Автор замечательной поэмы «Чечек» о судьбе женщины в феодальной Туве, переводчик «Евгения Онегина», поэт известный тувинскому читателю своей философски осмысленной лирикой, С. Пюрбю выступил с новой книгой рассказов «Дорога на простор».

Сборник открывается «Повестью об Эргеппее». По объему материала, широкому неторопливому изображению этот рассказ выглядит как начало большого эпического полотна. Эргеппей десять лет пас табуны бая. Настало время, когда он решает уйти от хозяина к партизанам, уводя с собой лучшего скакуна. В жизни пастушонка суровый Эргеппей сумел зажечь огонек прекрасного. Он научил его играть на лимби и заронил в нем любовь к музыке. Но самое главное – научил любви к правде и справедливости в жизни.

Однако образ Эргеппеля несколько смутен, его поступки психологически мотивированы не убедительно, нет логики развития характера. Впрочем, эти недостатки покрываются особым лиризмом повествования, отчетливостью картин тувинского быта на чайлаге, емкостью жизненного материала.

Близко к ней примыкает по теме и рассказ «Красное знамя». Судьба Хемер-оола была нелегка и терниста. В детстве умерли отец и брат. Ни шаман Чыртен-Хам, ни лама Сарыг-Хелин не помогли горю бедной семьи, а наоборот, забрали последнее из этой юрты. Так, мальчик потерял веру в бога. Они перекочевали с матерью в богатый аал Семис-Чагырчи. Начались непосильные поборы за малейшую провинность. Однажды чиновники избили ни в чем неповинную мать.

Только в юрте простого табунщика семья нашла приют. Вернулись утраченные радости детства, мальчик узнал ласку, сказки о богатырях, верность дружбы. Однажды чиновники послали его на услуги к китайскому белооккупанту. Нужно было кормить, поить, перевозить всю его свиту в тридцать человек. Целыми днями на побегушках: то подать араку, то освежевать барана. Загнанные лошади исхудали как после эпидемии. В Хемер-ооле постепенно рождается стихийный протест, он становится отчаянным кайгалом, не ладит с чиновниками, встречает их с оружием в руках. Сбежав из лагеря белогвардейцев, он получил прозвище «дургуга». Только встреча с красными партизанами сделала его стихийный протест осознанным. «Под красным флагом я нашел свое счастье и радость». Вот почему на самом почетном месте в юрте передового животновода рдеет красное знамя.

История Хемер-оола — не случайна. В ней с большим внутренним смыслом обобщена судьба всего тувинского народа. Под знаменем Октября родилось счастье арата. Не у каждого были такие сложные, порою трагические переплетения и обстоятельства, как у Хемер-оола. Но путь к правде был общим. Писатель только намечает какие-то главные вехи в развитии революционного сознания, в пробуждении арата к борьбе.

Характеры, создаваемые С. Пюрбю, почти всегда интересны и жизненно правдивы. «Старик Тамдынай» — рассказ из времен Отечественной войны. Бес покойный, ворчливый, всегда чем-то недовольный Тамдынай сразу же включается в активную помощь фронту. Он организует своих земляков, чтобы послать в подарок бойцам лучших коней. В ночь старик сам подковывает их в кузнице, и, до блеска натерев травой и украсив, вручает коней членам комиссии. Небольшой эпизод вырастает в типичный пример массового патриотического подъема тувинского народа. Образ старика сделан экономными, но емкими и пластичными художественными деталями. Убедителен характер тувинского старика, которого «гырман фашист» не испугал. В нем пробудилось с новой силой чувство дружбы к русскому народу, выразившееся в конкретных делах и бескорыстной помощи.

Два рассказа этого сборника посвящены нашей современности.

«Орланак» — прозвище школьницы Оюнма. Позади восемь классов, школьные радости и огорчения. Отец хочет, чтобы она продолжала свою учебу в школе, матери же жалко отпускать дочь одну в райцентр, где находится средняя школа. Этот спор впервые заставил девушку серьезно подумать о своем будущем.

Оюнма проворна, как белка, порывиста и строптива. Автору удалось схватить какие-то живые, только ей присущие

щие черточки характера. Но внутреннее решение — остаться работать в совхозе — созрело в ней неожиданно. Скора с родными, беспокойство за мать, чувство обиды толкнули ее на этот шаг. По существу она ушла от разговора с родными, не посоветовавшись с друзьями, шагнула в новую жизнь. С точки зрения житейской и психологической — это нелепо. Поступки должны быть мотивированы раздумьями и переживаниями. Читателя нужно убедить, почему девушка пришла к такому выводу. Решение Оюнмы выглядит случайным, хотя автор, думается, хотел ее поступок трактовать как самоотверженный шаг настоящей комсомолки, болеющей за общее дело. Неправомерно также противопоставление образов председателя колхоза и парторгра в рассказе. Поиски нового, современного решения в рассказах С. Пюрбю даются нелегко. Интересный живой характер, подмеченный писателем в жизни, оказался раскрытым в случайных искусственных обстоятельствах. Это обеднило и ослабило во многом свежий замысел.

«Баллада о чабане» рисует образ новатора, человека постоянных творческих поисков. Эрен-оолу — двадцать лет, он — колхозный пастух. Сейчас он задался целью задержать весенние осадочные воды в балках, чтобы улучшить пастбищное содержание овец. Голос его тверд и решителен. Природная смекалка, помноженная на специальные знания (он — заочник сельхозтехникума) сделали свое добреое дело. Светлая душа Эрен-оола — настоящего хозяина тувинской степи не желает мириться с недостатками в ведении животноводства. Он ясно осознает, что без знаний, без стремления вперед не проведешь сельскохозяйственной перестройки. Слова партии запали ему в душу. Где бы ни был советский человек, в Москве или далеко от столицы, он всюду является рачительным хозяином, творческим участником общего дела — такова основная мысль писателя.

Тувинские писатели все глубже овладевают жанром прозы. С. Пюрбю нащупывает какие-то новые пути в создании образа нашего современника.

Для молодых национальных литератур характерен прием «рассказа в рассказе», когда автор представляет слово самому герою («Повесть об Эргеппее», «Красное знамя»). Этот композиционный прием позволяет ярче индивидуализировать внутренний мир человека.

Главное в рассказах С. Пюрбю — открытие новых характеров, ранее не замеченных в литературе. Его герои не похожи друг на друга, у каждого из них есть своя «живинка», будь то старик Тамдынай, партизан Эргеппей, животновод Хемер-оол, школьница Оюнма, чабан Эрен-оол, которого прозвали «Доктур-оолом», потому что его жизнь в детстве спасла врач, а не шаман.

Что хотелось бы видеть в Пюрбю — рассказчике, коль скоро он вступил на этот путь. Расширения тематики, большей масштабности мышления. У него рассказ строится на малой площадке одного события или одной черты характера. Это, естественно, ограничивает возможности писателя. А у него есть и свой подход к теме, и свой взгляд на явления жизни. Он умеет тонко и лирично передать душевный мир тувинца, взглянуть на него как-то изнутри.

Общая беда многих тувинских рассказчиков — недостаточная занимательность, бледный невыразительный сюжет. Яркий жизненный материал или человеческий характер, не заключенный в своеобразную, оригинальную, сверкающую опправу сюжета, детали, художественной формы, неизбежно блекнет и вянет.

За плечами писателя большой творческий опыт и настоящая литературная культура. «Дорога на простор» свидетельствует о возросшем художественном уровне не только самого писателя, но и всей тувинской литературы.

Мы не получим полного представления о творчестве С. Пюрбю, если обойдем его рассказы для детей Шынаппая. Круг детского чтения тувинских школьников, прямо скажем, невелик. И писатель делает доброе дело, восполняя с любовью и охотой этот пробел.

Каждый летний вечер дедушка Шынаппай (буквально: правдослов) рассказывает ребятишкам — копновозчикам удивительные были и небылицы. Человек он бывалый, превосходно знает жизнь тайги, повадки зверей. Многим он обязан старику-охотнику Чодуре. Вместе с ним они исходили немало звериных троп. Рассказ ведется бесхитростно, порой наивно, непритязательно, но всегда интересно. В десяти рассказах Шынаппая есть все, чем можно увлечь детей: и таинственные события, и неожиданные находки, и острые переживания, и смешные происшествия. Мы узнаем, о чем разговаривает ночью река, где лучше развести костер, как обмануть хитрого волка, почему встает зимой медведь из берлоги, каковы поездки у дикого кота-манула, можно ли подкрасться незаметно к горному архару-козлу.

С. Пюрбю знакомит маленького читателя с жизнью тайги, с обычаями охотников через смешные, веселые истории. Тут невольно вспомнишь знаменитого барона Мюнхаузена из сказки. В своих миниатюрах писатель с тактом, легко, без назойливой морали учит ребенка быть внимательным и пытливым, скажем, запомнить, по каким бродам прошли в какие долины поднимались, через какие перевалы спускались.

Лучшие из рассказов Шынаппая — «Спор» и «Как я проучил скупого». Старик Чодур поспорил с чиновниками, что поймает козла без ружья. За это они должны были погасить

старый долг охотника и его молодого помощника. На утро у проспоривших «побелели языки от удивления». Охотничьи навыки и знания повадок животного помогли Чодуру выйти победителем из этого спора.

В другом рассказе у Чодура чиновники забрали корову. Жадный на даровщинку чиновник, увидел подброшенные старые бродни, повернул обратно за ними (они лежали порознь один от другого на некотором расстоянии). Так, хитростью удалось вернуть единственную корову старого охотника.

Некоторые рассказы, написанные на фольклорном материале («Лисица в шапке» и «Конь на поводу у марала») несомненно вызовут у детей самый живой интерес. Есть в сборнике и менее удачные новеллы «Сокол верхом на щуке» и «Змеиная сопка», в которых необычные ситуации не подкреплены мыслью. Они просто констатируют невероятный факт.

«Рассказы Шынаппая» образовывают читателя, вводят его в мир живой природы, отличаются краткостью и яркостью изображения. Природа живет своей особой жизнью, движется, звучит, подстерегает неожиданностями, помогает человеку ощутить полноту бытия. Человек в ней — хозяин.

Книги писателя содействуют рождению и становлению человека будущего. В творчестве С. Пюрбю происходит жанровая эволюция. Опыт в малой прозе — возможная ступень к большому полотну. Хорошо, если бы прозаическая линия творчества не ослабевала у С. Пюрбю и в будущем.

Петр БОСЕНКО

«УТЕС У СОЛНЦА»

Передо мной лежит небольшая нарядная книжка под названием «Утес у солнца». Это — сборник тувинских народных сказок для детей на русском языке. Его выпустило Московское детское книжное издательство (составитель М. Изыннеева).

Об успехе сборника у юных читателей говорит тот факт, что в книжных магазинах Кызыла уже нет в продаже ни одной книжки, хотя издана она тиражом в 65 тысяч экземпляров. Оно и понятно — хорошая книга никогда долго не заlewивается на полках, быстро находит путь к сердцу читателя.

Можно сказать с уверенностью, что не только юные читатели, но и взрослые с неослабевающим интересом прочтут эту книгу, познакомятся с самобытным тувинским фольклором, в частности, со сказками.

...Сказки! Наверное, нет ни одного человека на свете, который бы в детстве не увлекался сказками, не любил бы слушать о чудесных подвигах добрых, сильных героев, совершающих необыкновенные, удивительные приключения во имя справедливости.

Сказка много значит для детей — она воспитывает, учит познавать окружающий ребенка мир. Вспомним о том, что великий Пушкин учился русскому языку, слушая сказки няни Арины Родионовны, а Горький — сказки бабушки Акулины Ивановны.

Сказки помогают понять душу народа, его сокровенные мечты и чаяния, в них, как на дне прозрачного ручья, ясно видна вся его история с глубины веков до наших дней. Тувинский народ, живший в самом центре Азии, в предгорьях Саян и Танну-Оола с незапамятных времен вел непримиримую борьбу с нищетой, полуголодным существованием, с болезнями, неодолимой стихией природы. Но его горячее, гордое сердце никогда ни на минуту не покидала мечта об иной, светлой и счастливой жизни, где не будет ни богатых, ни бедных, ни

лам, ни шаманов. О такой жизни слагались сказки — их рассказывали народу сказители,— люди, умудренные житейским опытом, убеленные сединами.

Интересны воспоминания известного тувинского писателя О. Саган-оола в предисловии к сказкам: «Все собрались в нашей юрте и сидят вокруг очага. Огонь греет нам грудь, оставляя холодными спины, его блики пляшут по стенам юрты. Мы, ребятишки, жмемся к взрослым.

На почетном месте сидит наш дед. Он сидит, подобрав под себя ноги, с закрытыми глазами, положив на одну ладонь другую. Сейчас он будет рассказывать сказки. Все молчат, в юрте тихо. Мы едва дышим. Дед певучим голосом начинает героическую сказку. Всех, кто сбился в этой тесной юрте вокруг очага, увлекает сказочный мир, в котором развертываются захватывающие события, одно сложнее и удивительнее другого. Мы забываем о сне».

Как указывал М. Горький —«Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества».

Предлагаемые читателю сказки глубоко самобытны, национальны. Их нельзя спутать со сказками других народов, скажем, калмыцкими или хакасскими. Образный, точный язык наглядно живописует картины из жизни тувинцев — охоту, рыбную ловлю, взаимоотношения между богатыми и бедными и т. п. В них — фантастика органически переплетена с действительностью.

В сборнике представлено 18 сказок. По содержанию их можно разделить на богатырские, волшебные, бытовые, сказки о животных.

В них действуют излюбленные герои сказок — бедняк Оскюс-оол (парень-сирота), Золотая царевна, Дилгижек (Красный лис), мальчик-с-пальчик, бедняк Хеверик и другие.

В самой поэтической сказке «Оскюс-оол и Золотая царевна» рассказывается о бедном парне Оскюс-ооле, который, испытав на своем пути немало трудностей, в конце-концов преодолевает их, находит свое счастье с Золотой царевной. Правда, победы над злым Караты-Ханом он добивается не один, а ему помогает «добрый» Далай-хан — (Морской царь). Здесь проявилось неумение простых аратов отличить истинных друзей от фальшивых — каким бы ни был добрым хан, он всегда остается эксплуататором. Это является отражением ограниченности мировоззрения народа при феодализме.

«Старик Адыган»— прославляет Единство, Братство — их неодолимую силу. Старик Адыган так и напутствует своих сыновей:

«Слабы вы в отдельности, и сильны вы все вместе. Живите дружно, и будет у вас всегда удача».

Народ всегда презирал глупость и самодовольство ханов. В своем устном творчестве он беспощадно высмеивал их, издевался над ними. Об этом рассказывается в сказке «Хитрый и богатый». О широко известной жадности шаманов и лам повествует сказка «Каша в кувшине».

Тувинский народ горячо любит первозданную красоту своей родины — ее степное раздолье, богатую тайгу, полную зверей и птиц, многочисленные рыбные озера и реки. Этую любовь, пронеся через века, он выразил в своих сказках. И потому не случайным кажется нам то, что в сборнике — половина сказок посвящена животным и птицам («Золотая птичка», «Мудрый Филин», «Лепивая Сова», «Как верблюд стал некрасивым» и др.).

Наблюдая за птицами и зверями, люди подмечали особенности их поведения, повадок, привычек и т. п. Эти особенности они вносили в сказку — нравоучение. Например, примета о том, что сова, как правило, не вьет себе гнезда, обитает в дуплах — послужила поводом для возникновения сказки «Лепивая Сова», а огненно-рыжий цвет лисы — для сказки «Почему Лиса стала красной».

Охотники заметили, что у глухаря и селезня оперение одинаковое — синее на шее и белое под крыльями. Почему так случилось — узнаем из сказки «Глухарь и Селезень».

Сюжет сказки «Золотая птичка» перекликается с русской народной сказкой о золотой рыбке, но обладает рядом национально-своеборазных тувинских черт.

Однажды старик пошел в лес срубить дерево, но Золотая птичка, жившая в дупле, упросила его не делать этого, обещала выполнить все его желания.

Три раза приходил старик к Золотой птичке и просил ее о чем-нибудь. Все просьбы старика были выполнены. Но старик на этом не остановился — пошел к Золотой птичке в четвертый раз — жадность ему покоя не дает, — и остался ни с чем в своей прежней дырявой юрте.

Мораль этой сказки ясна, как день — жадность, стяжательство, желание безраздельно властвовать над другими никогда не принесут счастья — оно добывается только личным трудом, в поте лица своего.

Внимательно знакомясь с тувинскими сказками можно заметить, что все они имеют много общих черт, характерных для сказок других народов. Это прежде всего проявилось в устойчивости сказочных форм. Народ-творец в течение длительного времени отшлифовывал, выбрасывал из сказок все лишнее, неудачное, оставляя наиболее яркое, поэтичное. Поэтому тяга к необычному, своеобразная сказочная романтика всегда привлекает ребячью умы.

Обычно почти все сказки имеют зачин,— который сразу настраивает внимание слушателей, заставляет напряженно следить за развитием событий.

«Было это давным-давно, когда озеро Сут-Холь было еще маленькой лужей, а хребет Сюмбер-Ула маленькой сопкой», «Это еще тогда было, когда рога козлов в небо упирались, а хвосты верблюдов по земле волочились».

Усилинию эмоционального воздействия на слушателя способствуют постоянные эпитеты, тавтологические обороты: «откройся — раскройся», «имя — прозвище», «старый-престарый». Очень часто встречаются эпические числа 3, 7, 9. «Заскочил на седьмую ступеньку неба» (сравните с русскими: от радости очутился на седьмом небе).

Часто повторяются выражения: «Добра у хана выше плача, скота — выше головы», «отрубит хан мои руки вместе с рукавами, снимет мою голову вместе с шапкой».

Фантазия народа создала необыкновенных волшебных чудовищ: албысов, шулбусов, птицу Хан-Херети, которые вместе с отрицательными образами Карагы-хана, Курбусту-хана символизируют злобные мрачные силы. Им обычно противопоставляются положительные герои сказок, которым народ явно симпатизирует, любит их, и которые всегда выходят победителями из многих горестных испытаний. Положительные герои добры и мужественны. Отрицательные — являютсяносителями злого начала. Например, Оскюс-оол — храбрый и сметливый, Карагы-Хан — жадный и трусливый.

Еще в древности люди мечтали летать как птицы, в одну ночь строить дворцы, глубоко проникать под землю, видеть мельчайшие предметы, невидимые простым глазом. Об этих мечтах народа поэт С. Сарыг-оол в одном стихотворении писал:

«...В детстве слушать сказки любил,
Как герой луну покорил,
Как он взлетал
К дальним хребтам...
Я завидовал крылатым
Сказкам — мечтам.

Если сказку сложит народ —
Значит он мечтою живет:
Сказку поймешь:
Сказка не ложь,
Все желания народа
В сказке найдешь.

Пришло время и мечты трудовых аратов, превратились в явь — Тыва стала Советской, народ строит новую, счастливую жизнь.

Сказки читаются легко, без запинки. В этом сказывается работа составителя и редактора (Н. Венгрова и Г. Каримовой).

Прочтя эту книжку, начинаешь понимать добрую, отзывчивую душу тувинского народа, и как он вышел из этой борьбы победителем. «Утес у солнца» — название символическое. Это народ Тувы, поднявшийся к солнцу счастья и справедливости.

Несколько слов об оформлении (рис. художника Н. Кочергина). Рисунки, сопровождающие текст, хотя и насыщены тувинским национальным колоритом, но выполнены вяло и выглядят порой безжизненными. Конечно, лучше было бы, если бы сказки были проиллюстрированы цветными вкладками, ведь дети так любят яркое, красочное!

Страницы тувинского фольклора по-настоящему поучительны и поэтичны. Пусть об этом узнает всесоюзный читатель и полюбит далекую, но близкую нашу Туву.

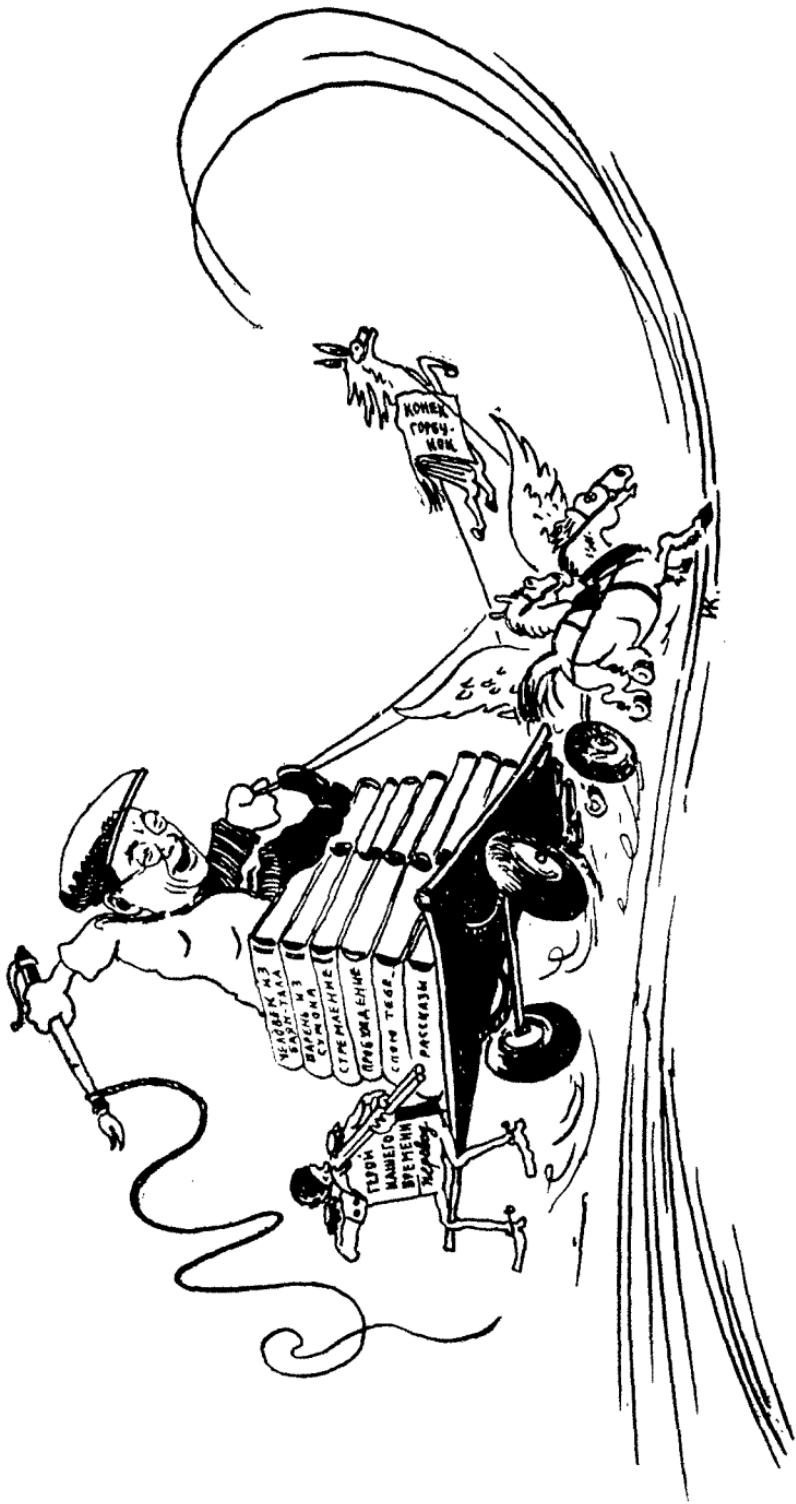
Юрий КЮНЗЕГЕШ

ПУТЬ ПИСАТЕЛЯ

Путь писателя к вершинам творческой зрелости нелегок. На этом пути встречается много трудностей, особенно если не прошло еще и десяти лет со времени создания национальной письменности родного народа, потому и нет проторенной предшественниками дороги, по которой можно было бы следовать безостановочно. Первые шаги в литературе, мучительные и долгие искания нужной ему формы, соответствующего его душевному складу жанра...

Творческий путь Олега Карламовича Саган-оола, одного из первых писателей-прозаиков Тувы был тоже нелегким. Юношей Саган-оол в конце августа 1928 года приехал из сумона в Кызыл. Здесь он научился монгольской грамоте. Затем его направили на учебу в Советский Союз. Будущий писатель окончил Улан-Удэнский рабфак. Писать начал он еще в Иркутском пединституте, где после окончания рабфака в 1935 году, проучился два года на физико-математическом факультете. Об этом периоде литературной биографии писателя рассказывает проф. А. А. Пальмбах, на одном из совещаний в Союзе писателей Тувы. Однажды, летом 1937 года, Комитет печати ТНР получил пакет. Вскрыв его, журналисты прочли стихи О. Саган-оола, студента-математика из далекого Иркутска. В талантливых строках юноши, как в стихах всех начинающих авторов, были заметны следы ученичества, подражание образцам классической русской поэзии, но кое-что удивило и заинтересовало всех. Тетрадь в коленкоровом переплете пошла по рукам... Неуверенная рука новичка выводила на разлинованных страницах общей тетради тонким неразборчивым почерком строчку за строчкой, а рифмы в этих строчках, как-то непривычно, стояли в конце стиха. Тогда почти все зачинатели тувинской поэзии применяли начальную рифму, т. е. традиционное для народной поэзии тувинцев сочетание созвучия гласных и согласных звуков. Это было новшеством в стилюсложениях, еще неизведанный путь в зарождавшейся тогда

ЭХ, ДОРОГИ...

Дружеский шарж И. Кузнецова.

нашей поэзии... Писатель упорно шел своей дорогой, хотя в школах не изучал тувинской письменности, созданной в 1930 году, и не был знаком с первыми стихотворными опытами тувинских поэтов.

Вернувшись в свой родной край, Олег Саган-оол со всем молодым задором отдается работе в Комитете печати и республиканском радио. Писатель редактирует и переводит на тувинский язык сказки А. С. Пушкина, П. П. Ершова, одноактные пьесы, учебники. Чудесную русскую сказку «Конек-Горбунок» в прозаическом переводе Олега Саган-оола полюбили все араты, до сих пор сказители пересказывают ее в долгие зимние вечера, как свою, тувинскую...

В 1938 году вслед за стихами С. Сарыг-оола, С. Пюрбю, В. Эренчина и других, опубликованными в 1933—1937 годах, появилось в печати первое произведение Олега Саган-оола — стихотворение «Родная сторона». Затем в журнале «Заря революции» был напечатан рассказ «Встреча» — одно из первых прозаических произведений тувинской литературы. В нем молодой писатель показал жизнь бедного арата до революции, который терпел побои и унижения от феодалов, жил в беспространной темноте и горькой нужде. Рассказ «Встреча» в художественном отношении был еще несовершенным, но подкупал своей непосредственностью, простотой языка. Ведь писатель, родившийся в канун новолуния белого месяца зимы года Коровы (начало января 1913 года) сам видел ту жизнь, которую впоследствии попытался изобразить в своем первом рассказе.

Тематически примыкают к «Встрече» маленькие новеллы для детей «Товарищи», «Ягненок», написанные уже в 1946—1948 гг.

В 1942 году в сборнике «За родину» появляется рассказ «Арат-скотовод Сандый». Знатный скотовод Сандый жил той же жизнью бедного арата, его ожидал такой же удел, как и героев рассказа «Встреча». Но благодаря революции Сандый получил в помощь несколько голов скота из байских стад и отар. В суровые дни Великой Отечественной войны Сандый организует сбор подарков для воинов Красной Армии, не задумываясь, отдает все свои средства и лучших коней для защиты Советской Отчизны от нашествия гитлеровских захватчиков.

В эти годы впервые в тувинской литературе появляется жанр очерка. Писатели и поэты С. Сарыг-оол, С. Пюрбю, С. Тока, Л. Чадамба, В. Эренчин и другие в своих очерках показывают героическую работу рабочих, крестьян и аратов в тылу.

В 1943 году вышла отдельной книгой очерковая повесть «От имени трудящихся аратов Тувы» — результат поездки писателя на фронт в составе делегации, сопровождавшей в 1942 году эшелон с подарками аратов Тувы воинам Красной Армии. С

этим волнующим произведением — свидетельством патриотического подъема народных масс в дни величайших испытаний, русские читатели в те дни познакомились на страницах газеты «Тувинская правда».

Каждое новое произведение О. Саган-оола говорило о стремлении автора овладеть сложной литературной техникой, об упорной работе над выработкой собственного стиля и манеры письма, о высокой требовательности писателя к своему творческому труду. Рассказы писателя свидетельствуют об изучении им образцов фольклора своего народа и произведений классиков мировой литературы, которые служили основными источниками возникновения молодой литературы тувинцев.

В послевоенные годы появляется рассказ «Дружба», который в сюжетно-композиционном отношении был гораздо совереннее, чем первые рассказы О. Саган-оола. Писатель переходит к более усложненным формам повествования, смело вводит описания величественных пейзажей родного края, шире раскрывает духовный мир своих героев. В этом произведении он показал хорошую, товарищескую дружбу между врачом Марусей и охотником Адар-оолом.

В 1951 году издается сборник рассказов О. Саган-оола «Парень из сумона». В рассказе, давшем название книге, показан процесс формирования сознания рабочего-тувинца, перевоспитания частнособственнической психологии вчерашнего «парня из сумона» Бады. В других рассказах говорится об отдельных тружениках, эпизодах из их жизни. Но красной нитью проходит через всю книгу мысль о нерушимости вечной дружбы между народами нашей Родины, о красоте высокого чувства любви и товарищества. Так, мастер цеха завода Василий Иванович отечески заботится о новичке Бады, обучает его своему мастерству, передает свои знания и долголетний опыт другим рабочим. Во время снежного обвала герои рассказа «Дружба» — русская девушка Маруся и тувинский юноша Адар-оол, мужественно преодолевая трудности, помогают друг другу. Русский большевик из стихотворения «Бывалый человек» «подскажет и поможет» аратам:

Ему вся жизнь людей простых
Понятна и знакома
Он в поле навещает их,
На пастбищах и дома...

И жизнь его — народа жизнь.
Он только этим дышит,
Ведет аратов в коммунизм
И песню дружбы слышит.

Ее поют поля Тувы
И прославляют брата.

Он к нам приехал из Москвы,
На нем шинель солдата.

Пер. С. Гудзенко.

Олега Саган-оола интересует жизнь людей, он показывает их в переломных моментах их жизненного пути и психологии. Учительница Хандыва, героиня рассказа «Не той дорогой» (1950) ведет борьбу за семью, за счастье. Пожилой арат Хертек решает трудный для себя вопрос отрещения от привычной дедовской жизни единоличника-скотовода (рассказ «Верное решение»), а для Шагдыра из рассказа «Аржан» еще не все понятно в новой жизни колхозника: за хорошую работу правление артели ему выдало путевку на курорт, а Шагдыр чуть было не отказался от поездки на аржан, считая целебный источник испорченным, ибо там построены ванные корпуса во вред духам — «хозяевам» аржана. В рассказах «В новом доме», «Колхозный уголок» как и в других произведениях, показываются стремительные преобразования в тувинской деревне. В разгар коллективизации в Туве О. Саган-оол написал стихотворения «Новь», «Отец и дочь» (1948). Лирический герой стихотворения «Отец и дочь», уже немолодой человек чувствует, что «век кочевья умирает» и дочери его сидеть в одинокой юртеnev mogotu. И она обращается к нему:

— Не осуди меня, отец, —
Мис юрта не мила,
Я жду, когда же, наконец,
Сгорит она дотла!

Пер. С. Гудзенко.

Вообще тема колхозного строительства в Туве в творчестве писателя занимает ведущее место. Это и понятно. После вступления Тувинской Народной Республики в состав Советского Союза одним из самых крупных событий в жизни аратов была коллективизация сельского хозяйства. Развитие общественного животноводства, повышение урожайности полей, переход к оседлому образу жизни были главной заботой новых колхозников. Писатель — участник и строитель новой жизни не мог стоять в стороне от этих волнующих народ вопросов.

О. Саган-оол одним из первых обратился к художественному воплощению темы коллективизации в тувинской деревне языком драматургии. Драматургия для него явилась новым жанром, хотя еще в 1944 году им была написана одноактная пьеса «Несостоявшееся пиршество» (а другие маленькие драмы «Необычное письмо», «За товарища» были написаны значительно позже, в 1958 году, когда писатель уже был известен как драматург).

В 1951 году Тувинский музыкально-драматический театр поставил пьесу «Стремление», в которой автор решил показать людей в первые дни колхозификации в нашей республике. Молодой арат Чуктер, главный герой пьесы, мечтает о дружбе с «колхозным серпом» и зовет родителей-стариков в артель. Чуктер активной работой в колхозе показывает пример родителям и другим аратам-единомышленникам, еще не высказавшимся за коллективное ведение хозяйства. Чуктер находит и свое личное счастье: синеглазая русская девушка-агроном Маруся стала невестой молодого арата. Чуктер едет в Кызыл учиться в сельскохозяйственном техникуме. Родители его убеждаются в правоте сына и вступают в колхоз. В образах колхозника Чуктера и представителя творческой интеллигенции Сувуроола из пьесы «Спою тебе» (1957) воплощены типичные черты передовых людей из тувинской молодежи тех лет. Критик А. Калзан отмечал, что: «Несмотря на существенные художественные недостатки (слабая разработка конфликта, схематизм в обрисовке персонажей), пьеса «Стремление», поставленная на сцене театра, звучала актуально, ибо в период становления социалистического уклада в тувинской деревне она несла массовому зрителю идеи колхозализма».

...Колхозы одного сельсовета решили построить межколхозную электростанцию. На фоне высокого трудового энтузиазма колхозников драматург раскрывает человеческие характеры, решает судьбу героев другой пьесы — «В одном сельсовете». Она представляет собой сатирическую комедию, бичующую бюрократов. Черствый, равнодушный Тулушпен оказался на посту секретаря сельсовета. Его не тревожит судьба людей, их запросы и нужды, он старается лишь соблюсти форму. К тому же он ярый завистник и невыносимый клеветник. Сатирическому образу Тулушпена противопоставлены образы положительных героев — строителей межколхозной электростанции, организаторов колхозного производства.

Основное внимание художника удалено созданию образа нашего современника, показу борьбы нового и старого в ходе социалистического преобразования в Советской Туве и в новой пьесе О. Саган-оола «Всюду тебя найду» (1962) и в сценарии фильма «Люди голубых рек» (1958), написанным в содружестве с С. Сарыг-оолом и Л. Соловьевым.

К 40-летию Октября писатель закончил пьесу «Пробуждение» (1957). Она была задумана и написана как широкая панорама картин народной жизни в период революционных бурь. «Пробуждение» является многоглавым произведением, где главная тема — пробуждение политического самосознания трудающихся аратов и борьба народа за свое освобождение — показана через призму исторических событий и через сложные

индивидуальные судьбы людей различных классовых слоев дореволюционного тувинского общества. Писатель создал «обобщенный образ пробужденного к революции народа». События национально-освободительного движения тувинских аратов в 1919—1921 годах в пьесе показаны в основном через взаимоотношения семьи бедного арата Ходугура и сердняка Чуглара. Стремящийся, в силу своего социального положения, к наживе, Чуглур работает перед богачом Коккеем. Он считает, что если породниться с этим богатым чиновником, то его сердняцкое хозяйство получит ощутимое пополнение в виде богатого калыма за дочь. Поэтому Чуглур изо всех сил старается угодить Коккею. А его дочь Борбаанай между тем полюбила смелого парня Борбак-оола, сына бедного соседа Ходугура. Бедняк Ходугур напуган произволом властей, под давлением социального и национального гнета он становится безропотным рабом. Иначе смотрит на мир его сын Борбак-оол, который без колебаний идет против заносчивого байского сынка и не боится его, оберегая честь и достоинство своей возлюбленной Борбаанай. Но это неосознанный протест. Борбак-оол еще не может понять, почему чиновник с шариком на макушке шапки, имеет право послать его в дальние края гуртовщиком. Он даже не подозревает, что немилости подкрадывающиеся к нему, как горный оползень, имеют непосредственное отношение к его поступкам во время стычки с заносчивым недорослем. Постепенно, в ходе освободительного движения народа, у Борбак-оола открываются глаза на происходящие вокруг него события — юноша начинает разбираться в классовых корнях союза тувинских феодалов с китайскими милитаристами-гаминами и колчаковскими белогвардейцами. Историческая неизбежность разгрома революционным народом этой тройной цепи кабалы для него становится очевидной. Борбак-оол вместе с возлюбленной своей Борбаанай присоединяется к восставшим аратам, они — активные участники революционных битв тувинского народа. «Пробуждение» Олега Саган-оола, наряду с пьесами «Хайыран бот» В. Кок-оола, «Тонгур-оол», «Осуществленная мечта» С. Тока, одно из наиболее зрелых произведений тувинской драматургии.

В 1958 году Тувинским книжным издательством выпущена в свет книга О. Саган-оола «Избранное», где собраны его лучшие стихи, рассказы и пьесы. Издан сборник рассказов и пьес «Пробуждение» на русском языке (1962). Недавно вышла из печати хрестоматия для VI класса «Родная литература», составленная писателем.

Олег Карламович Саган-оол, являясь с 1948 года ответственным секретарем Союза писателей Тувинской АССР, много работает с литературной молодежью. Если сегодня появляется поэма М. Кенин-Лопсана на страницах общесоюзного

журнала «Дружба народов», или выходит первая книжка стихов «Улыбка» А. Даржаа, или на книжных полках появилась книга рассказов и очерков С. Сюрюн-оола, то во всем этом, безусловно, есть скромный и незаметный труд их старшего товарища писателя Олега Саган-оола. Писатель активно сотрудничает в местной печати — пишет очерки, статьи и репортажи. Так, в газетах и на страницах альманаха «Улуг-Хем» появились путевые записки «Поездка в Индию» и документальная повесть «Человек из Баян-Тала». Эта повесть о Герое Социалистического Труда О. Лопсанчапе издана на русском языке отдельной книгой Детгизом в 1962 году. Бригадир механизированной хозрасчетной чабанской бригады колхоза «30 лет Октября» Дзун-Хемчикского района Ооржак Лопсанчап — наш современник, проживший трудную жизнь трудового арата, подлинный герой строительства новой жизни тувинских аратов. Он, один из трех делегатов, побывавший в Кремле, во время исторического заседания Президиума Верховного Совета СССР в октябре 1944 года, когда Тува была принята в братскую семью народов СССР. Он — организатор колхоза в своем родном сумоне Баян-Тала, активный общественный деятель и умелый работник, мастер животноводства, добровольно перешедший на трудный участок колхозного производства. Это о нем и ему подобных передовых людях так высоко отзывался на совещании работников сельского хозяйства Сибири Н. С. Хрущев, когда сказал: «Тува — молодая республика в семье Советского Союза, а смотрите, какие кадры она создала и как замечательно они овладели знаниями». Создать образ современника, передового человека, образ замечательного труженика, прославившего нашу молодую республику — такова была задача писателя. И он вполне справился с этой трудной задачей.

Писатель ведет большую общественную работу как депутат Верховного Совета Тувинской АССР. Недавно он вернулся из Москвы, где участвовал, как председатель Тувинского комитета Защиты мира, в работе Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир, и совершают поездки по районам республики, рассказывая аратам о решениях международного форума сторонников счастья народов планеты Земля...

Если мы не скажем о Саган-ооле — авторе переводов на тувинский язык «Дубровского» А. С. Пушкина, «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «В людях» А. М. Горького, «Поднятой целины» М. А. Шолохова и других произведений русской литературы, творческий портрет писателя будет не полным. Свою творческую работу и активную общественную деятельность писатель сочетает с упорной учебой. Он заочно окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Сейчас Олег Карламович Саган-оол работает над романом «Неудержимые», где автор хочет познакомить своих читателей с жизнью тружеников долины Хемчика, на берегу которой раскинулись колхозные луга, житницы крупных совхозов и поселок строителей Кара-Дашского асбестового комбината — Ак-Довурак... Рука писателя всегда на пульсе жизни. Он уверенно идет к вершине своей творческой зрелости.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ.

<i>Салчак Тока.</i> Колхоз на Терзиге. Глава из III книги «Слово арата».	
Перевод <i>А. Темира</i>	3
Герой труда. <i>Повесть.</i> Перевод <i>А. Даржсаа и М. Соболева</i>	
Олег Саган-оол. Верное решение. <i>Рассказ.</i> Перевод <i>А. Даржсаа и В. Ермолаева</i>	13
Сергей Пюрбю. День рождения. <i>Рассказ.</i> Перевод <i>М. Эвентова</i>	
Соседи. Одноактная пьеса. Перевод автора	39
Биче-оол Ондар. На зимнее пастище. <i>Рассказ.</i> Перевод <i>М. Скуратова и А. Темира</i>	
Змея может ужалить. <i>Рассказ.</i> Перевод <i>П. Бобенко</i>	46
Салим Сюрюн-оол. Где мой баран с белым лбом? <i>Рассказ.</i> Перевод <i>М. Изынгевой</i>	
Владимир Ермолаев. Возвращение Чульдума. Главы из повести	53
Михаил Пахомов. Семья. <i>Рассказ</i>	
	88
	94
	117

СТИХИ, ПОЭМЫ, БАЛЛАДЫ

<i>Степан Сарыг-оол.</i> Партии моей. Перевод <i>С. Козловой</i>	
Разговор с Саяном. Перевод <i>О. Дмитриева</i>	133
Слово актера. Перевод <i>С. Козловой</i>	134
<i>Сергей Пюрбю.</i> Чечек. Отрывок из поэмы. Перевод <i>А. Емельянова</i>	
Баллада о первом письме. Перевод <i>О. Дмитриева</i>	136
Всегда рядом. Перевод <i>Е. Храмова</i>	150
<i>Байкара Ховенмей.</i> Ленинское знамя Октября. Перевод <i>Е. Стариной</i>	
Могучий голос. Перевод <i>Е. Стариной</i>	154
<i>Василий Эренчин.</i> Халгажик. Перевод <i>О. Дмитриева</i>	
<i>Леонид Чадамба.</i> Тува — республика! Перевод <i>Е. Храмова</i>	155
В новом поселке. Перевод <i>С. Козловой</i>	156
Озеро Азас. Перевод <i>Е. Стариной</i>	158
<i>Юрий Кюнзегеш.</i> Страница из моей биографии. Перевод <i>М. Светлова</i>	
На крутизне. Перевод <i>Е. Стариной</i>	159
Речной порог. Перевод <i>Е. Храмова</i>	160
«И тихий голос...» Перевод <i>Н. Созиновой</i>	161
<i>Монгуш Кенин-Лопсан.</i> Последнее кочевье. Поэма. Перевод <i>О. Дмитриева</i>	
Кызыл-Эник Кудажи. Ручей. Перевод <i>Е. Стариной</i>	163
Голос народа. Перевод <i>С. Козловой</i>	169
<i>Кызыл-Эник Кудажи.</i> Ручей. Перевод <i>Е. Стариной</i>	
Алдын-оол Даржсаа. Улыбка. Перевод <i>С. Козловой</i>	170
За первым урожаем. Перевод <i>Е. Храмова</i>	172
«В горах рожден я...» Перевод <i>О. Дмитриева</i>	173
	174
	175
	215

<i>Монгуш Олчей-оол.</i> Время. Перевод <i>О. Дмитриева</i>	176
Перекати-поле. Перевод <i>С. Козловой</i>	176
<i>Екатерина Танова.</i> Первоклассница. Перевод <i>С. Козловой</i>	177
Глобус. Перевод <i>С. Козловой</i>	178
<i>Алексей Хуурак.</i> Высота. Перевод <i>Е. Храмова</i>	179
Милые девушки. Перевод <i>Е. Старининой</i>	179
Годовалой. Перевод <i>Е. Старининой</i>	179
<i>Светлана Козлова.</i> Работяги. Цикл стихов	181
Я с детства знаю слово	181
Строитель	182
Пескарь	183
Журналист	184
<i>Виталий Волков.</i> Слово арата	186
Над Енисеем утро	187
<i>Анатолий Емельянов.</i> Земле тувинской	188
Тува	189
Высоки Саянские хребты	190
<i>Петр Босенко.</i> Лошадь и диссертация. Басня	191
В субботу	192
Казнокрад	192
<i>Юрий Некрасов.</i> Романтика	193

ЛЮДИ, КНИГИ, СОБЫТИЯ

<i>Мария Изыннеева-Хадаханэ.</i> Дорога на простор	196
<i>Петр Босенко.</i> «Утес у солнца»	201
<i>Юрий Кюнзегеш.</i> Путь писателя	206

